И. БЯЛОЙ

ПРОБЛЕМА
ВОСПРОИЗВ-ВА
В ХОЗ. СССР

Я 50/201

Я 50/204

Я 50/201

И. БЯЛЫЙ

ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА В ХОЗЯЙСТВЕ СССР

30-67939

ПУБЛ. БИБЛ. ЛЕНИНА СССР

Гос. орден Ленина ... им. В. И. Ленина

ПОПАЛЩУЕНО

54-7128

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

2010456484

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗА.
Москва, Валовая, 28.
Главлит № А-67023. А. 16.
Гиз 39021. Зак. 830. Тир. 7000.
11 п. л.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Широкая реконструкция народного хозяйства и связанное с нею изменение характера классовой борьбы придают совершенно исключительное значение проблеме воспроизводства в нашем хозяйстве. В настоящее время всякая мало-мальски развернутая критика экономической политики партии основывается на определенной теории воспроизводства. Бухарин, когда он в «Заметках экономиста» противопоставлял пятилетнему плану свою линию экономической политики, базировал ее на соответствующей теории воспроизводства и кризисов в советском хозяйстве; Базаров переход к реконструктивному периоду и связанное с этим усиление отрицательного отношения с его стороны к экономической политике партии ознаменовал книгой, посвященной проблеме воспроизводства и кризисов в нашем хозяйстве. Установки троцкистов, противостоящие генеральной линии партии, также имеют в качестве своего теоретического обоснования соответствующие теории воспроизводства.

Ленинское учение о воспроизводстве в советском хозяйстве содержится в его работах, решениях пленумов ЦК, партийных съездов и конференций и выступлениях руководителей партии. Но оно разбросано по разным местам, и до сих пор нет еще обобщающей работы на эту тему.

В настоящей работе мы не претендуем на разрешение этой задачи. Мы свою задачу ограничиваем изложением основных социально-экономических моментов проблемы воспроизводства в условиях нэпа.

Ввиду того что правильное понимание учения Маркса о воспроизводстве и кризисах в капиталистическом обществе является необходимой предпосылкой для разрешения этих проблем в нашей экономике, мы первую часть настоящей книги посвящаем изложению основных моментов этого учения. Специальное изложение марксистской теории капиталистических кризисов является тем более целесообразным, что в последнее время целый ряд авторов совершенно извращенно трактует связь проблемы воспроизводства и кризисов в советском хозяйстве с соответствующими проблемами капиталистического общества.

Наши соображения о проблеме воспроизводства в советской экономике в неразвитом виде были изложены в ряде статей, помещенных в «Плановом хозяйстве» в течение 1929 г. В настоящей работе (во второй части) они представлены в более развернутом виде, но без изменений по существу. Критика же теорий Преображенского, Бухарина и Базарова перепечатана из «Планового хозяйства» без всяких изменений.

Ввиду того что рукопись была сдана в издательство еще в октябре 1929 г. и автор не находился в Москве, изменения в нашей экономике, связанные с успешным осуществлением генеральной линии партии, могли быть нами учтены лишь в корректуре. Точно так же лишь в корректуре мы смогли использовать речь т. Сталина на конференции аграрников-марксистов.

Автор.

25 мая 1930 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ

ГЛАВА I.

Схемы воспроизводства Маркса.

Начиная с знаменитых «Tableaux économiques» и по наши дни политическая экономия не перестает заниматься проблемой воспроизводства общественного капитала, которая, несмотря на это, продолжает оставаться наиболее спорной и наименее разрешенной из всех проблем политической экономии. За нее брались все школы и направления, из которых каждая пыталась разрешить ее сообразно своей системе. Однако все многочисленнейшие решения по этому вопросу по существу могут быть сведены к двум. Одно сводит проблему воспроизводства к пропорциональности и совершенно игнорирует момент потребления, другое, наоборот, все сводит к моменту потребления.

Единственным исключением из всех имеющихся теорий является теория воспроизводства и кризисов Маркса, которому правильное понимание основных законов накопления капитала дало возможность избежать обеих указанных крайностей. Но этим исключением является действительно только один Маркс. Интересно, что и те теоретики воспроизводства, которые пытались дать свое решение проблемы на основе того нового, что внес в нее Маркс, т. е. исправить и развить марксово учение о воспроизводстве, — что и они в конце концов не смогли избежать камня преткновения буржуазной политической экономии. Так же как и все направления домарксовой политической экономии, они впадали то в одну, то в другую крайность, приспособляя все заимствованное ими у Маркса к положениям вульгарной экономии.

С легкой руки Ад. Смита, истолковавшего стоимость товара как сумму заработной платы и прибыли, вся буржуазная политическая экономия при анализе проблемы воспроизводства учитывала только заработную плату и прибыль (в переводе на марксову терминологию: $v + m$). Это разумеется не означает, что Рикардо или Сисмонди не видели участия в производственном процессе элементов постоянного капитала. Но игнорирование ими при анализе воспроизводства постоянного капитала означает, что они не видели тех специфических проблем, которые возникают на основе деления производственного

процесса на живой и мертвый труд, и особой роли, которую каждый из этих видов труда играет в процессе воспроизводства. Не видя разницы между абстрактным и конкретным характером труда, между процессами создания новой стоимости и перенесения старой, буржуазная политическая экономия была обречена на непонимание основных законов накопления индивидуального капитала, без чего разумеется бесполезно решать проблему накопления общественного капитала. Принципиальная разница между ролью постоянного и переменного капитала в процессе расширенного воспроизводства создает ряд тесно увязанных между собой социальных и технических проблем, забвение которых делает бесплодной теорию воспроизводства. Оптимисты (Рикардо, Сэй и др.), не учитывая в своих рассуждениях стремления капиталиста максимально увеличивать неоплачиваемое рабочее время в целях увеличения размеров постоянного капитала, пришли к выводу о гармоническом развитии частей общественного производства и таким образом свели всю проблему воспроизводства к проблеме рыночного равновесия. Скептики (Сисмонди, Родбертус и др.), наоборот, объявили невозможным расширенное воспроизводство, но опять-таки только потому, что, игнорируя тенденцию увеличения размеров постоянного капитала, они не могли понять процесса реализации и накопления прибавочной стоимости. Один и тот же неправильный исходный пункт привел к двум противоположным выводам, которые однако, несмотря на свою противоположность, в одинаковой мере носят черты зависимости от породившего их неправильного исходного положения.

Маркс, сумевший понять основные законы накопления капитала, избавил политическую экономию от царившей до него путаницы в вопросе о воспроизводстве. Он дал теорию воспроизводства, свободную от вульгарного оптимизма классиков и от мелкобуржуазного пессимизма Сисмонди. Однако впоследствии случилось так, что один из его «продолжателей» — Туган-Барановский — обвинил его в том, в чем Рикардо обвинял Сисмонди, а другая — Р. Люксембург, наоборот, — в том, в чем Сисмонди обвинял Рикардо.

Туган-Барановский, рассмотревши (в теоретической части своей работы об английских кризисах) теорию Сисмонди, заявляет:

«Несмотря однако на фактический отказ Сисмонди от его теории, последняя и до настоящего времени остается господствующей. На ее почве стоят Маркс и Энгельс» [1].

[1] Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, стр. 174, изд. 4-е, т-во «Книга», 1923 г.

В доказательство этого утверждения он ссылается на ряд мест из работ Маркса и Энгельса, и, так как при этом сходство с теорией Сисмонди получается довольно отдаленное, он считает небесполезным многочисленные и довольно длинные цитаты подкрепить еще и своим собственным изложением теории Маркса.

«Можно следующим образом резюмировать теорию, лежащую в основе всех этих рассуждений. Размер рынка для капиталистического производства определяется размером общественного потребления. Если масса производимых продуктов возрастает быстрее потребления, то часть произведенных продуктов остается без сбыта и часть капитала — без помещения. Следует общее перепроизводство товаров. Развитие капиталистического производства должно делать это перепроизводство все более устойчивым, так как общественное потребление расширяется при капиталистическом хозяйстве сравнительно медленно, между тем как производство растет весьма быстро. Таким образом должен наступить момент, когда общее товарное перепроизводство станет хроническим и капиталистический хозяйственный строй рухнет вследствие невозможности дальнейшей реализации продуктов капиталистической промышленности» [1].

Мы видим таким образом, что марксова теория рынка и кризисов из рук Тугана вышла в весьма интересном виде. Во-первых, оказывается, что по Марксу размер рынка определяется размером потребления. Следовательно Маркс исходит из примата потребления, а не производства. Во-вторых, — что если масса производимых продуктов возрастает быстрее потребления, то избыток остается без сбыта. Следовательно остается только удивляться утверждению того же Маркса о систематическом росте удельного веса постоянного капитала, ибо если производство не только определяется потреблением, но и должно ему полностью соответствовать, то из каких же источников может расти постоянный капитал. В-третьих, — «должен наступить момент... когда капиталистический строй рухнет вследствие невозможности дальнейшей реализации продуктов капиталистического производства». Следовательно у Маркса конец теории находится в вопиющем противоречии с началом, ибо если избыток производства над потреблением «остается без сбыта», то непонятно, почему момент краха еще только «должен наступить». Непонятно, как при такой теории воспроизводства Маркс объясняет самый факт существования капитализма, ибо он, в противоположность Р. Люксембург, исходит ведь из чистого капиталистического общества.

---

[1] Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, стр. 177, изд. 4-е, т-во «Книга», 1923 г.

Изложенной теории воспроизводства, основанной на недопотреблении, Туган противопоставляет свою, суть которой сводится к следующему:

«При пропорциональном распределении общественного производства никакое сокращение потребительского спроса не в силах вызвать превышения общего предложения продуктов на рынке сравнительно со спросом на последние» [1].

Глубина понимания Туганом Маркса прямо пропорциональна глубине его собственной теории. Положение о том, что при пропорциональном распределении производства спрос равен предложению, есть не больше как бессодержательная тавтология. В схемах простого и расширенного воспроизводства Маркс недвусмысленно выявил свое отношение к вопросу о пропорциональности. Он показал в них, что бесперебойное воспроизводство обеспечено, если обеспечено пропорциональное развитие всех элементов общественного производства. Однако если Туган на этом ставит точку, считая проблему воспроизводства полностью исчерпанной, то для Маркса это положение является лишь исходным пунктом анализа процесса воспроизводства. Маркс основную задачу схем воспроизводства видит не в констатации значения пропорциональности, а в установлении путей ее достижения, факторов, способствующих и препятствующих пропорциональному развитию общественного производства. И. вместо бессодержательной фразы Тугана о том, что при условии достижения пропорциональности размеры потребления не играют никакой роли, Маркс ставит вопрос: какую роль проблема потребления играет *не при условии* достижения пропорциональности, а в процессе стремления к пропорциональности. Но для Тугана оказалось достаточным услышать слово «потребление», чтобы иметь все основания объявить Маркса последователем Сисмонди, а схемы простого и расширенного воспроизводства — случайным продуктом мгновенного просветления.

Туган-Барановский видит противоречие между схемами простого и расширенного воспроизводства и положениями, выдвигаемыми Марксом в третьем томе «Капитала» относительно узкого базиса, на котором покоится потребление в капиталистическом строе. А между тем характерная особенность схем второго тома в том именно и состоит, что они полностью исходят из того, что Марксом по этому вопросу изложено в третьем томе «Капитала».

[1] Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, стр. 190, изд. 4-е, т-во «Книга», 1923 г.

Потребление по Марксу есть функция производства, а потребление рабочего класса является составной частью процесса производства, поскольку личное потребление рабочего представляет собою процесс создания товара — рабочей силы. В этом смысле необходимые размеры потребления являются одним из факторов пропорционального развития и с точки зрения бесперебойного воспроизводства имеют такое же значение, как пропорциональное развитие любой другой части общественного производства. Но рабочая сила, являясь товаром, вместе с тем имеет своим носителем человека, который сам является производителем и потребителем товаров; она является составной частью, внутренним фактором процесса производства и вместе с тем выступает как внешняя сила в процессе реализации ею же самой созданных товаров. Эта противоречивая сущность рабочей силы как товара, отражающая основное противоречие капитализма, придает совершенно исключительное значение моменту потребления, делая необходимым выделение его как фактора, играющего особую роль в процессе стремления капиталистического производства к пропорциональному развитию. Момент потребления Марксом не устраняется из проблемы воспроизводства и вместе с тем не противопоставляется проблеме пропорциональности. Он является составной частью проблемы воспроизводства, хотя и специфической.

Носителями потребительского спроса являются класс капиталистов и рабочий класс. Первый предъявляет спрос на продукты потребления в размере, определяемом величиной той части прибавочной стоимости, которая не употребляется на расширение производства; второй — в размере, полностью определяемом величиной переменного капитала. Поскольку условия конкуренции создают для каждого отдельного капиталиста необходимость интенсивного накопления, первый источник потребительского спроса — прибавочная стоимость — имеет весьма узкие границы и в своем росте значительно отстает от роста производства. Спрос, идущий со стороны переменного капитала, покоится на столь же узком основании. Стимулом деятельности капиталиста является стремление к максимальному увеличению прибавочной стоимости. Всякое относительное увеличение рабочего населения используется им в целях увеличения абсолютной прибавочной стоимости; всякое усиление власти человека над природой, являющееся следствием роста техники и выражающееся в росте производительности труда, используется им в целях увеличения относительной прибавочной стоимости. Рабочая сила обращается как

товар, и следовательно стоимость ее, как и стоимость всякого другого товара, падает вместе с ростом производительных сил. Происходящий вследствие роста производительных сил рост богатства сопровождается падением доли рабочего класса в нем. Это — закон, вытекающий из условий обращения рабочей силы и производства прибавочной стоимости. Но если процесс производства прибавочной стоимости требует уменьшения переменного капитала, то при реализации приходится считаться с низким уровнем потребительского спроса.

«Условия непосредственной эксплоатации и условия ее реализации не тождественны. Они не только не совпадают во времени и в пространстве, но представляют собою совершенно различные понятия. Одни ограничиваются производительными силами общества, другие — соразмерностью различных отраслей производства и потребительной способностью общества. Последняя же определяется не абсолютною производительною силою и не абсолютною потребительною способностью, но потребительною способностью на почве соперничающих условий распределения, сводящих потребление значительнейшего большинства общества к наименьшей величине, изменяющейся лишь в более или менее узких пределах. Она ограничивается, далее, стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала, к производству прибавочной стоимости в более широких размерах» [1].

Следовательно низкий уровень потребительского спроса является результатом как условий создания прибавочной стоимости, которые ведут к сокращению потребительского спроса со стороны рабочих, так и условий использования (накопления) прибавочной стоимости, которые ведут к сокращению потребительского спроса со стороны класса капиталистов.

Поэтому:

«...чем более развивается производительная сила, тем более она впадает в противоречие с узким базисом, на котором основываются условия потребления» [2].

Мы привели наиболее яркие места из третьего тома «Капитала» по вопросу о роли момента потребления в процессе расширенного воспроизводства. Нужно ли говорить, что той вульгарщины, которую Туган приписал Марксу («если масса производимых продуктов возрастает быстрее потребления, то часть производимых продуктов остается без сбыта»), здесь нет и в помине. Вместо тугановского «если» Маркс здесь прямо утверждает, что масса производимых продуктов возрастает быстрее потребления. И вместе с тем вопреки тому, что Туган

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 189.
[2] Там же.

ему приписывает, Маркс отнюдь не считает, что каждый раз, когда это происходит, она не находит себе сбыта. Если бы дело обстояло таким образом, то капиталистическое хозяйство не просуществовало бы и десятка лет. Наоборот, если эта избыточная часть продуктов будет употреблена на расширение постоянного капитала, вся продукция будет реализована и воспроизводство по данной стадии не даст перебоев. Но это обстоятельство не может для Маркса служить основанием сбросить по примеру Тугана со счетов узкий базис, на котором покоится потребление. Рост постоянного капитала создает рынок для прибавочной стоимости, но он же обостряет несоответствие между условиями производства и условиями реализации. Представляя собою выход из положения на сегодня, он затруднит накопление завтра. Поэтому-то Маркс и утверждает, что «чем более развивается производительная сила, тем более она впадает в противоречие с узким базисом, на котором основываются условия потребления».

Схемы простого и расширенного воспроизводства, которые Тугану представляются чужеродным телом в марксовой теории воспроизводства и кризисов, на самом деле характерны именно тем, что в них красной нитью проведена мысль об узком базисе потребления как основной проблеме и основной трудности расширенного воспроизводства. Туган обнаружил в них только идею пропорциональности, в то время как Маркс ставил себе целью показать основные экономические условия, в которых происходит, действует тенденция к пропорциональности.

Почему Маркс каждое подразделение делит на составные ценностные элементы капиталистического производства, а все производство делит только на два подразделения и именно — на производство средств производства и производство средств потребления?

Весь продукт второго подразделения по своей материальной форме может служить только средством индивидуального потребления, следовательно по стоимости он должен равняться сумме переменного капитала и не идущей на накопление части прибавочной стоимости; весь продукт первого подразделения, наоборот, должен равняться постоянному капиталу всего капиталистического общества. При простом воспроизводстве весь годовой прирост стоимости реализуется как доход, при расширенном — часть дохода данного производственного периода превращается в постоянный капитал для следующего производственного периода. В соответствии с этим по мере роста накопления прибавочной стоимости должно происходить падение удельного веса отраслей, производящих средства потре-

бления. Нарушение этого условия повлечет за собой нарушение пропорциональности в процессе расширенного воспроизводства. А вместе с тем процесс осуществления этого условия происходит в обстановке развития экономических противоречий капитализма. В этом именно и состоит основная мысль, сформулированная в схемах простого и расширенного воспроизводства. Красной нитью проведена в них мысль о том, что основной трудностью пропорционального развития общественного производства при капитализме является трудность согласования антагонистических условий распределения и потребления с условиями производства. Схемы не показывают, как это обстоятельство ведет к нарушениям воспроизводства, но это и понятно, ибо при помощи их Маркс намерен был лишь поставить проблему.

Характерно, что Туган-Барановский делит все общественное производство не на два, как Маркс, а на три подразделения. Для Маркса такое деление не имеет никакого смысла, ибо с точки зрения его установки необходимы и достаточны два установленные им подразделения. Для Тугана же, поскольку он никаких социальных противоречий в проблеме воспроизводства не видит, вопрос о том, сколько будет подразделений и по какому признаку они будут производиться, принципиального значения не имеет. Наряду с разбивкой второго подразделения на две части он мог бы с таким же успехом разбить и первое подразделение на ряд частей, без всякого риска нарушить убедительность своей аргументации. Неудивительно, что он не считает даже нужным обосновывать производимое им выделение третьего подразделения.

Примерно так же, как Туган-Барановский, схемы Маркса истолковала и Р. Люксембург. В противоположность Тугану, она стоит на позициях марксовой системы политической экономии; в исторической части своей работы она дает блестящую по силе и ясности критику буржуазной экономии и в частности на основе деления общественного продукта на $c + v + m$ дает глубокий анализ проблемы простого воспроизводства. Но ошибка, которую она допустила в вопросе о расширенном воспроизводстве, привела к чрезвычайно примитивному пониманию ею схем Маркса.

«Следовательно согласно схеме противоречия, отмеченного в анализе третьего тома, не существует...

... Схема, правда, допускает кризисы, но исключительно вследствие недостатка пропорциональности производства, т. е. вследствие отсутствия общественного контроля над процессом производства. Напротив того, она исключает глубокое основное противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистиче-

ского общества, — противоречие, которое возникает именно из накопления капитала, периодически появляется в кризисах и побуждает капитал к постоянному расширению рынка» [1].

Марксова схема «допускает кризисы». Это абсолютно правильное замечание. Хотя в самой схеме кризис не выражен и даже наоборот, она рисует положение, при котором имеется полное соответствие частей и бесперебойное расширенное воспроизводство, все же нужно считать, что она «допускает кризисы», поскольку она фиксирует условия, несоблюдение которых поведет к кризису. Но сделавши это правильное замечание, Р. Люксембург тут же грешит против Маркса совершенно недопустимой передержкой, когда «недостаток пропорциональности производства» полностью отождествляет с «отсутствием общественного контроля над процессом производства». Можно сказать, и это не будет расходиться с Марксом, что его схемы допускают кризисы. Но сказать, что кризисы мыслятся им только как результат отсутствия общественного контроля над производством, — значит приписать Марксу вульгарную постановку Туган-Барановского. Если бы речь шла только об «отсутствии контроля», т. е. о господстве меновых отношений, то кризисы не только не должны были бы быть допускаемы, они должны были бы схемой вовсе исключаться, ибо самый факт господства меновых отношений не может создать кризиса. Следовательно, если схема действительно «допускает кризисы», — значит она включает в себя формулировку внутреннего противоречия капиталистического строя. Из того обстоятельства, что это внутреннее противоречие рассматривается в аспекте «пропорциональности», под углом зрения его влияния на тенденцию пропорционального развития, можно сделать только тот вывод, что для Маркса проблема пропорциональности была составной частью проблемы воспроизводства. Следовательно обвинение со стороны Р. Люксембург, что «она́ (схема. — *И. Б.*) исключает глубокое противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества», относится не к действительной схеме Маркса, а к схеме в неправильной интерпретации Р. Люксембург, которая, кстати сказать, полностью совпадает с интерпретацией Тугана.

В главе, посвященной Ад. Смиту, Р. Люксембург близко подходит к правильному пониманию марксовых схем. Касаясь проблемы разделения общественного продукта на доход и ка-

[1] Р. Люксембург, Накопление капитала, стр. 242, Гиз, 1921 г.

питал, она обвиняет Ад. Смита в том, что от него ускользнула специфическая связь всякого истекшего периода производства с последующим, — связь, которая образует всеобщую и вечную основу общественного процесса воспроизводства и которая состоит в том, что часть продукта каждого периода предназначена для того, чтобы образовать средства производства для следующего периода [1].

Превращение части продуктов каждого периода в средства производства для следующего периода действительно является всеобщей и вечной основой общественного процесса воспроизводства. Однако в условиях капиталистического строя это «превращение» происходит в глубоко антагонистической форме путем преодоления основного противоречия капитализма и потому сопровождается периодическими кризисами. Законы, на основе которых в капиталистическом хозяйстве происходит превращение части дохода в постоянный капитал (конкуренция, закон производства прибавочной стоимости вообще и относительной прибавочной стоимости в частности и в особенности), создают и все обостряют противоречие между производительными силами и «узким базисом, на котором основываются условия потребления». Процесс превращения части общественного дохода в постоянный капитал в условиях капитализма принужден постоянно преодолевать основное внутреннее противоречие этого строя, и вместе с тем он вследствие специфических форм, в которых он происходит, постоянно обостряет это противоречие, воспроизводит его на расширенной основе. Растущие производительные силы все больше вступают в противоречие с узким базисом, на котором основываются условия потребления, вследствие чего проблема пропорционального развития становится все более трудной, кризисные тенденции усиливаются. Марксовы схемы фиксируют как закон производства прибавочной стоимости, — стоимостная формулировка процесса производства в каждом отдельном подразделении, — так и характер основной трудности пропорционального развития в условиях капиталистических противоречий (обмен стоимостных элементов между производством средств производства и производством средств потребления). Р. Люксембург совершенно не обратила внимания на то, что схемы фиксируют не только «всеобщую и вечную задачу расширенного воспроизводства», но вместе с тем — и даже главным образом — спе-

[1] Р. Люксембург, Накопление капитала, стр. 35—36, Гиз, 1921 г.

цифические формы, в которых эта задача в капиталистическом обществе решается, и социально-экономические трудности, которые при этом развиваются и препятствуют пропорциональному развитию общественного производства.

Столь примитивное понимание Р. Люксембург марксовых схем теснейшим образом связано с ее теорией воспроизводства. Как известно, «противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества» Р. Люксембург понимает в смысле полной невозможности в условиях чистого капитализма реализовать накопляемую часть прибавочной стоимости. Марксу чуждо такое упрощение проблемы. Если по Р. Люксембург исходным пунктом расширения производства должен явиться расширенный спрос, то по Марксу, наоборот, спрос зависит от производства и создается производством. «Противоречие между производительной и потребительной способностью капиталистического общества» затрудняет расширение воспроизводства, делает неизбежным экономические кризисы, однако отнюдь не уничтожает возможность расширенного воспроизводства. Причем, как мы ниже постараемся показать, это противоречие проявляется отнюдь не только в низком потребительском спросе.

ГЛАВА II.

Противоречие между прибылью и заработной платой как причина кризисов.

Отмеченное противоречие между неограниченным развитием производительных сил и узким базисом, на котором основываются условия потребления, и является причиной кризисов. Однако, если ограничиться наблюдением только внешних показателей конъюнктуры, то связь между развитием указанного противоречия и изломов конъюнктуры обнаружить не удастся. Трудовой процесс совершается в форме кругооборота капитала и следовательно проявляется в движении фетишистских категорий капиталистического хозяйства. Противоречия капиталистического строя влияют на трудовой процесс путем действия внешне-рыночных категорий и следовательно на поверхности явлений выступают в затушеванном и даже извращенном виде. Поэтому основной задачей теории кризисов является — установить связь между развитием основного противоречия капитализма и движением рыночных категорий и на основе этого объяснить конкретный ход и исход конфликтов между трудовым процессом и специфически капиталистической его оболочкой.

Основное противоречие капитализма развертывается по линии производства и реализации прибавочной ценности, по линии превращения части дохода в постоянный капитал. Естественно поэтому, что острота этого противоречия теснейшим образом связана с темпом роста постоянного капитала, а также и с достигнутым уровнем его развития. Именно в этой связи нужно рассматривать утверждение Маркса, что:

«Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность... только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы, последовательные даты которых охватывают годы и которые каждый раз ведут ко всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый» [1].

Незначительная роль механической промышленности означает низкий удельный вес основного капитала в общественном

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. 504.

продукте и незначительную развитость противоречия между условиями производства и условиями потребления. Незначительная роль механической промышленности отразилась бы не только на остроте кризиса, но и на интенсивности подъема. И наоборот, большой удельный вес основного капитала усиливает как интенсивность подъема, так и остроту кризиса. Структура цикла находится таким образом в прямой зависимости от удельного веса основной части постоянного капитала.

Основной капитал на соотношение спроса и предложения оказывает двоякое влияние. По мере своего снашивания он переносит свою стоимость на стоимость выбрасываемых на рынок товаров и следовательно увеличивает количество стоимостей, представляющих собою предложение. Однако этой тенденции противостоит новое строительство основного капитала. Последнее предъявляет усиленный спрос на сырье и средства потребления, в то время как предложения оно в данный момент не увеличивает. Оба эти процесса, действующие в противоположном направлении, существуют одновременно и — поскольку в развитом капиталистическом обществе «механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность», — результаты их взаимодействия являются в каждый данный момент фактором, определяющим состояние конъюнктуры. Когда прекращается новое строительство, со стороны основного капитала исходит только усиление предложения, вследствие чего неизбежным становится перепроизводство; и наоборот, новое строительство в состоянии повысить спрос настолько, что эффект, производимый снашиванием основного капитала, сделается совершенно неощутимым. Состояние рынка следовательно находится в теснейшей связи с темпом строительства основного капитала, а темп строительства основного капитала находится в зависимости от развития внутренних противоречий капиталистического строя.

После кризиса обычно созревают все необходимые для нового строительства предпосылки.

Упорядочение производства, наступающее во время депрессии, приводит к падению возросшей к моменту кризиса нормы процента. А это при прочих равных условиях означает повышение нормы предпринимательской прибыли. Повышение нормы прибыли происходит также вследствие падения стоимости элементов постоянного капитала.

Но решающее действие в этом направлении производит падение уровня заработной платы. Рост безработицы в период кризиса снижает заработную плату ниже стоимости рабочей

силы, что уже само по себе путем повышения нормы прибавочной стоимости способно произвести значительное повышение нормы прибыли. Таким образом обстановка, которая создается сразу вслед за кризисом, со всех сторон стимулирует предпринимательство. Высокая норма прибыли побуждает расширять производство.

Но расширение производства, охватывающее все клеточки капиталистического хозяйства, особенно сильно ощущается в тяжелой индустрии, т. е. в отраслях, занятых производством основного капитала. Дело в том, что во время кризиса капиталисты, стремясь путем рационализации производства компенсировать неблагоприятные условия сбыта, наиболее интенсивно переходят к более высокой технике. Следовательно в начале оживления все отрасли предъявляют к тяжелой индустрии спрос на новое техническое оборудование. Но вследствие громоздкости своих предприятий тяжелая индустрия оказывается не в состоянии с необходимой быстротой приспособиться к внезапно расширившемуся спросу на ее продукты, и в результате этого в ней образуется сверхприбыль.

Эта диспропорция превращается в новый, и к тому же очень сильный, толчок к расширению производства. В погоне за сверхприбылью со всех концов народного хозяйства начинает приливать капитал в тяжелую индустрию. Возникает новая волна усиления спроса на сырые материалы и столь же сильная волна нового спроса на рабочую силу. Увеличившееся рабочее население повышает спрос на продукцию отраслей, производящих средства потребления, что в свою очередь еще больше повышает конъюнктуру для предприятий тяжелой индустрии. Получая толчки от тяжелой индустрии, одна отрасль тянет вверх другую. Образовывающиеся то и дело частичные диспропорции не только не обрывают подъема, но, наоборот, усиливают его темп, поскольку они разрешаются путем роста отстающих элементов, которые, увлекая за собою соседние звенья, оказывают повышающее влияние на все народное хозяйство. Поскольку подъем связан с строительством основного капитала, затруднения в смысле перепроизводства средств потребления до известного времени исключены. Но, с другой стороны, во время подъема все сильнее начинает ощущаться недостаток элементов производства — сырья и рабочей силы. По мере того как реализуются имеющиеся запасы сырья, для удовлетворения потребностей растущего производства приходится прибегать к отдаленным рынкам, идя на весьма существенное увеличение издержек. Правда, поскольку происходит расширение производства, а вместе с ним и спроса, благоприятная сбытовая

конъюнктура дает возможность возрастающую цену сырья включать в цену товара, и в этом смысле рост сырьевых цен снижения нормы прибыли не производит. Однако рост сырьевых цен способствует повышению строения капитала по стоимости, что создает известное падение нормы прибыли.

Подъем обычно производит столь сильное и стремительное увеличение спроса на рабочую силу, что происходит повышение не только номинальной, но и реальной заработной платы. А это обстоятельство оказывает определяющее влияние на ход процесса воспроизводства, ибо оно ударяет по самому чувствительному месту — сокращает норму прибавочной ценности, а следовательно и норму прибыли. Таким образом подъем, который начался благодаря повышению нормы прибыли, в процессе своего развития сам приводит к ее снижению.

Если перспективы высокой прибыли привели к расширению производства, то ее понижение создает противоположный, но не менее определенный эффект. Предприятия, начавшие строительство при благоприятном уровне заработной платы и сырьевых цен, вынуждены заканчивать его при таких условиях, которые снижают норму прибыли не только на вновь вкладываемый, но даже и на весь авансированный капитал в среднем. Как только создается такое положение, волна строительства обрывается со всеми вытекающими отсюда последствиями. Резко сокращается спрос на сырые материалы. То же происходит и в отношении рабочей силы. Это ведет к сокращению спроса на средства потребления, что в свою очередь ухудшает реализацию продуктов тяжелой индустрии. Снова образуются диспропорции, но в этом случае они ликвидируются не ростом отстающих элементов, а снижением недостаточно свернувшихся. Разражается всеобщий кризис, который вследствие действия изложенных выше факторов снова превращается в подъем с вытекающим из него кризисом.

Таким образом кризис возникает вместе с прекращением строительства, которое происходит вследствие сильного падения нормы прибыли. Следовательно непосредственными причинами кризиса будут те факторы, под непосредственным влиянием которых происходит падение нормы прибыли. Мы видели, что понижающее влияние на норму прибыли оказывает рост сырьевых цен и реальной заработной платы. Однако необходимо со всей отчетливостью видеть громадную разницу между влиянием сырьевых цен и тем влиянием, которое на норму прибыли оказывает рост реальной заработной платы. Влияние сырья на стоимость готового товара состоит в том, что оно в процессе

своего уничтожения переносит на товар свою стоимость. Следовательно, если только товары продаются по ценам производства, рост сырьевых цен на размерах массы прибыли совершенно не отразится. Он приведет лишь к повышению цены производства товара. Понижающее влияние на норму прибыли со стороны роста сырьевых цен в этом случае скажется не через массу прибыли, а исключительно вследствие роста состава капитала по стоимости.

Качественно иное действие производит рост реальной заработной платы. Если постоянный капитал переносит свою стоимость на стоимость вновь производимого товара, то переменный капитал не переносит, а создает новую стоимость. Поэтому, если вздорожание элементов постоянного капитала при прочих равных условиях влечет за собой вздорожание товарных цен, то вздорожание переменного капитала влечет падение нормы прибавочной стоимости. Эта разница в процессе ценообразования между ролью постоянного и переменного капитала со всей силой сказывается во время подъема, когда обнаруживается недостаток (относительный конечно) реальных элементов производства — сырья и рабочей силы. Недостаток элементов постоянного капитала обнаруживается в росте товарных цен; недостаток рабочей силы — в сокращении прибавочной стоимости.

В полном соответствии с этим находится та роль, которую оба эти фактора играют в отношении нормы прибыли. Рост заработной платы понижает норму прибыли как путем понижения ее массы, так и одновременно путем повышения денежного выражения издержек производства; рост же сырьевых цен — только путем повышения денежного выражения издержек производства. Ясно, что разница между этими двумя факторами отнюдь не только количественная. Дело в том, что рост сырьевых цен может оказывать влияние на понижение нормы прибыли лишь при условии отмеченной выше специфичности влияния со стороны заработной платы. Если бы стоимость рабочей силы на стоимость вновь изготовляемого товара оказывала точно такое же влияние, как и стоимость всех прочих издержек производства, т. е. переносилась бы на нее, повышая ее соответственно своему собственному росту, то рост сырьевых цен, как и прочих элементов производства, при условии наличия сбыта, не повлек бы за собой падения нормы прибыли. Только специфическое влияние заработной платы дает возможность сырьевым ценам, не влияя на массу прибыли, оказывать некоторое понижающее влияние на норму прибыли.

Таким образом решающее влияние на падение нормы прибыли оказывает специфический характер товара — рабочей силы, выражающийся в противоречии между заработной платой и прибылью. Рост сырьевых цен становится фактором падения нормы прибыли лишь благодаря этому противоречию и следовательно в отношении повышения заработной платы играет подчиненную роль [1].

Мы видим, что перепроизводство предметов потребления не является начальным пунктом кризиса. Напротив, основная непосредственная причина кризиса состоит в повышении потребления рабочего класса, сильно снижающем норму прибавочной стоимости. Благодаря этому обстоятельству обычно и не замечают связи между конкретными причинами кризисов и недопотреблением. Нечего говорить о Тугане, который заранее устранил из своего анализа решающие социальные моменты. Даже многие марксисты, как мы постараемся в дальнейшем доказать, не делают увязки между конечной социально-экономической и непосредственной рыночной причиной кризисов. А между тем Маркс на эту связь указывает совершенно недвусмысленно.

«Абсолютное перепроизводство капитала было бы в том случае, если бы дополнительный капитал для капиталистического производства равнялся 0. Но целью капиталистического производства служит увеличение стимости капитала, т. е. присвоение прибавочной стоимости, производство ее, производство прибыли. Следовательно, как только капитал возрос бы сравнительно с рабочим населением настолько, что ни абсолютное рабочее время, доставляемое населением, не могло бы удлиниться, не могло бы вместе с тем увеличиться и относительное прибавочное рабочее время (последнее кроме того не могло бы осуществиться в случае, когда запрос на труд так велик, следовательно, когда имеется стремление к повышению рабочей платы); следовательно, когда возросший капитал производит такое же количество прибавочной стоимости или даже меньше, чем то, какое производил до своего увеличения, то оказалось бы абсолютное перепроизводство капитала, т. е. возросший капитал $K+\triangle K$ совершенно не произвел бы прибыли или произвел бы значительно меньшую прибыль, чем капитал K до своего увеличения на $\triangle K$. В этих случаях произошло бы сильное и внезапное падение общей нормы прибыли, но в этом случае вследствие изменения строения капитала, которое обусловливается не развитием производительной силы, а повышением денежной стоимости переменного капитала (вследствие повысившейся рабочей платы)

[1] Подчиненное влияние на норму прибыли оказывает не только рост сырьевых цен, но и ряд других факторов. Все эти усложняющие факторы мы в дальнейшем подвергнем специальному рассмотрению. Здесь же влияние роста сырьевых цен мы рассматриваем исключительно с целью подчеркнуть решающую роль противоречия между прибылью и заработной платой.

и соответствующего ему понижения отношения прибавочного труда к труду необходимому» [1].

Как только капитал возрастает сравнительно с рабочим населением, происходит сильное и внезапное падение нормы прибыли, что означает абсолютное перепроизводство капитала, т. е. кризис. Непосредственной причиной кризиса в этом случае является не низкое потребление рабочего класса, а, наоборот, такое его возрастание, которое вступило в резкий конфликт с интересами производства прибавочной стоимости. Туган-Барановский легко мог бы объявить о наличии противоречия не только между II и III томами «Капитала», но и между отдельными страницами III тома. В действительности же приведенная цитата представляет собою лишь развитие той мысли, которая положена в основу схем II тома и содержится также в приведенной нами выше формулировке о противоречии между неограниченным развитием производительных сил и «узким базисом, на котором основываются условия потребления».

Проблема «потребления» перед Марксом все время стоит как основная проблема воспроизводства капитала, но в его работах нет ни одного места, которое давало бы повод истолковать ее в смысле неизбежности перепроизводства средств существования. Мы приводили уже наиболее резкую формулировку роли потребления:

«Чем более развивается производительная сила, тем более она впадает в противоречие с узким базисом, на котором основывается потребление».

Характерно, что сразу же за этим Маркс говорит:

«На этом-то крайне противоречивом основании нисколько не представляется противоречивым, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения,—так как, хотя при соединении обоих факторов количество производимой прибавочной стоимости повысилось бы, но вместе с тем увеличилось бы противоречие между условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и теми, при которых она реализуется» [2].

Условием, благоприятствующим реализации прибавочной стоимости, является повышение покупательной способности, т. е. заработной платы рабочего класса; необходимым же условием производства прибавочной ценности является сохранение заработной платы на уровне стоимости рабочей силы. Образующееся вследствие этого противоречие не создает немедленно

[1] Маркс, Капитал, т. I, ч. III, стр. 195.
[2] Там же, стр. 189.

кризиса благодаря росту постоянного капитала. Однако таким путем оно не устраняется, а, наоборот, обостряется, воспроизводится на расширенной основе.

Совершенно неправильно было бы мнение, что конкретное влияние этого противоречия сказывается в препятствии расширению производства только со стороны низкого потребительского спроса. Так ставил вопрос Сисмонди. У Маркса же указанное противоречие выступает не как противоречие между размерами производства и размерами потребления, а как противоречие между условиями производства прибавочной стоимости и условиями ее реализации. Поэтому оно может иметь две совершенно противоположные формы проявления. Оно может сказаться в перепроизводстве средств потребления, но не менее законной формой его проявления является «ненормальный» рост заработной платы, съедающий прибавочную стоимость. И та и другая формы проявления этого противоречия приводят к кризису.

«Но периодически средств существования и средств производства производится слишком много для того, чтобы они при известной норме прибыли могли играть роль средств эксплоатации рабочих. Товаров производится слишком много, чтобы при условиях распределения и потребления, данных капиталистическим производством, могла быть реализована в них стоимость со включением находящейся в ней прибавочной стоимости и вновь превращена в капитал, т. е. для того, чтобы процесс этот мог совершаться без постоянно возобновляющихся кризисов» (разрядка наша.—*И. Б.* [1]).

Средств существования и средств производства произведено так много, что если заработная плата соответствует стоимости, они не смогут быть реализованы; а если быстрый рост заработной платы даст возможность их реализовать, то падение нормы прибыли приведет к тому, что прибавочная стоимость не сможет быть «вновь превращена в капитал». И в том и в другом случае наступит кризис. Оба эти возможные случая являются различными проявлениями одного и того же противоречия.

«Перепроизводство капитала всегда выражает не что иное, как перепроизводство средств производства — средств труда и средств существования, — которые могли бы играть роль капитала, т. е. могли бы быть употреблены для эксплоатации труда при данной степени такой эксплоатации; а падение этой степени эксплоатации ниже известного

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, гл. 15.

уровня вызывает расстройства и остановки капиталистического процесса производства, кризисы, уничтожение капитала» [1].

Проблема воспроизводства сводится таким образом к проблеме использования возрастающих средств труда и средств существования в качестве капитала при нормальной степени эксплоатации. При нарушении этого уровня наступает кризис. По мере развития капитализма возрастает количество средств производства, кои должны быть употреблены как капитал, и вместе с тем возрастают препятствия использования их «при данной степени эксплоатации».

Необходимость известного минимального уровня эксплоатации, для того чтобы капиталист не отказывался употреблять средства производства в качестве капитала, а с другой стороны, невозможность при высокой норме эксплоатации реализовать содержащуюся в товарах стоимость и прибавочную стоимость — это и есть «узкий базис, на котором основываются условия потребления» и который Туганом был истолкован в смысле сисмондистского отставания потребления от производства.

Основной, непосредственной причиной кризиса является рост заработной платы выше стоимости рабочей силы. Несмотря на то, что это означает возрастание потребления рабочего класса, все же здесь обнаруживается действие узкого базиса, на котором основываются условия потребления в капиталистическом обществе.

---

[1] Маркс, Капитал, т. III, ч. I, гл. 15.

ГЛАВА III.

Причины кризиса.

Мы видели, что конечной социально-экономической причиной кризисов является противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости, а конкретной рыночной причиной — падение нормы прибыли. Но на уровень нормы прибыли наряду с заработной платой оказывает влияние целый ряд других факторов, и следовательно возникает вопрос о том, в какой мере они могут быть рассматриваемы как непосредственные причины кризисов. Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в связи с критическим разбором некоторых теорий, правильно решающих вопрос о значении нормы прибыли, но ошибочно определяющих причины падения последней.

Марксова теория кризисов получила весьма оригинальную трактовку в последней работе т. М. Нахимсона, который в своем предисловии указывает, что его теория представляет собою попытку «дать новую интерпретацию теории кризисов».

В самом начале трактовки вопроса т. Нахимсон подчеркивает недопустимость объяснения кризисов недопотреблением. Особенно ценно его выступление против эклектизма, который очень часто допускается в этом вопросе.

«Распространенное представление о кризисе исходит из двух причин кризиса: диспропорции и недопотребления. Объединяя Туган с народниками, они думают, что получили Маркса» [1].

Проблема пропорциональности Марксом рассматривается в свете развития капиталистических противоречий, наиболее ярким выражением которых является узкий потребительский базис. Поэтому рассматривать их как две самостоятельные причины кризисов — значит также примитивно понять марксову теорию воспроизводства, как ее поняли Туган, с одной стороны, и Р. Люксембург — с другой. Однако, заняв совершенно правильную позицию в вопросе о воспроизводстве, автор отходит от нее в своей теории кризисов.

---

[1] М. Нахимсон, Мировое хозяйство..., т. III, ч. I, стр. 103.

Смену фаз конъюнктуры автор совершенно правильно увязывает с процессом строительства основного капитала. В период строительства основного капитала спрос, создаваемый строительством, значительно превышает предложение, возникающее из снашивания функционирующего капитала. Поэтому строительство сопровождается подъемом. Наоборот, при прекращении или даже значительном сокращении строительства стоимость, увязываемая в основной капитал, по своим размерам оказывается ниже стоимости, переносимой функционирующим капиталом на готовый товар. Поэтому сильное сокращение строительства обычно сопровождается кризисом. Строительство же основного капитала находится в непосредственной зависимости от движения нормы прибыли. Ее повышение влечет за собой расширение строительства, а падение, наоборот, сокращение его. Таким образом норма прибыли является непосредственной причиной изломов конъюнктуры. Все эти положения являются совершенно бесспорными, однако когда т. Нахимсон переходит к анализу причин изменения нормы прибыли, он, на наш взгляд, совершает ряд серьезных ошибок.

Во время подъема происходит сильное возрастание цен на сырье. Так как цены готовых изделий растут значительно медленнее, происходит снижение нормы прибыли, которое, достигнув известных размеров, приводит к резкому сокращению строительства, а следовательно и к кризису. Это объяснение кризиса было бы правдоподобным, если бы факт отставания цен на готовые изделия от сырьевых цен был автором доказан и правильно объяснен. Но именно в этом пункте сконцентрированы все недочеты рассматриваемой теории.

Отставание цен готовых изделий автор объясняет, исходя из состояния потребительского спроса, который по его мнению определяется изменениями, претерпеваемыми на протяжении цикла со стороны заработной платы.

«Дело в том, что общее повышение цен надо понимать не только в смысле золотом его выражении, а в отношении товаров к тому «специфическому товару» капиталистического хозяйства, которое называется рабочей силой. Другими словами, общее повышение цен означает отставание зарплаты от движения товарного индекса. И совершенно очевидно, что тогда должны образоваться «ножницы» между всей стоимостью товаров, предлагаемых на рынок, и покупательной способностью масс (поскольку мы отвлекаемся от непроизводительного потребления)» [1].

Таким образом «ножницы» между предложением и спросом, которые образуются вследствие того, что во

[1] М. Нахимсон, Мировое хозяйство..., т. III, ч. I, стр. 109—110.

время подъема происходит понижение реальной заработной платы, снижают цены на готовые изделия, что при высоком уровне сырьевых цен приводит к резкому падению нормы прибыли.

Против изложенного положения прежде всего говорят общеизвестные факты. Трудно спорить против того, что во время кризиса заработная плата ниже и положение рабочего класса хуже, чем во время подъема. Однако, согласно теории М. Нахимсона, получается, что изменение общего уровня цен сказывается не только в противоположном изменении покупательной силы денег, но также и в противоположном изменении реальной заработной платы. Следовательно всеобщее повышение цен во время подъема влечет за собой понижение реальной заработной платы, а всеобщее понижение цен во время кризиса, наоборот — повышение реальной заработной платы и улучшение положения рабочего класса. Рабочая сила оказывается таким образом уж чересчур «специфическим» товаром, — настолько специфическим, что закон спроса и предложения теряет способность влиять на ее цену. Сильнейшая безработица во время кризиса вызывает повышение ее реальной цены, а недостаток рабочих рук во время подъема, наоборот — снижение. Этого вопиющего противоречия теории с действительностью достаточно, чтобы считать вопрос об ее пригодности вполне исчерпанным.

Но если даже допустить, что утверждение М. Нахимсона о падении реальной заработной платы во время подъема соответствует действительности, то и в этом случае нельзя делать вывод о неизбежности несоответствия между спросом и предложением. Покупательная способность каждого отдельного рабочего может понизиться, но если при этом происходит расширение производства, и особенно производства основного капитала, то увеличивающееся количество рабочих легко компенсирует падение покупательной способности каждого из них в отдельности. Правда, это должно сильно сократить удельный вес отраслей, производящих средства потребления, но неизбежность этого сокращения сама по себе еще не может служить причиной превышения предложения над спросом. В той части своей работы, которая касается проблемы воспроизводства, М. Нахимсон, в полном соответствии с Марксом, доказывал, что недопустимо недопотребление считать причиной кризиса. Тогда он был абсолютно прав, ибо относительное сокращение потребительского спроса с избытком может быть компенсировано расширением производительного спроса, если только условия накопления капитала будут способствовать расширению

производства. Правда, там речь шла о таком снижении потребительского спроса, который обусловлен действием закона относительной прибавочной стоимости. Но снижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы на соотношение спроса и предложения окажет точно такое же влияние, как и рост относительной прибавочной стоимости. Следовательно, объявив падение заработной платы причиной падения товарных цен, М. Нахимсон вступает в резкое противоречие со своей собственной теорией воспроизводства.

В соответствии со сказанным совершенно по-иному решается вопрос о влиянии на процесс расширенного воспроизводства растущих во время подъема сырьевых цен. Если другие факторы не задержат роста производства, высокие сырьевые цены, вопреки мнению М. Нахимсона, будут перенесены на цены готового товара и следовательно падения прибыли по причине расхождения цен не произойдет. Правда, повышение сырьевых цен повлечет за собой некоторое понижение нормы прибыли вследствие повышения в стоимостном выражении размеров постоянного капитала, но этот фактор не способен сделать погоду.

Мы видели, что той специфичностью, которую приписывал рабочей силе Нахимсон, она ни в какой мере не обладает. Но рабочая сила обладает действительно своеобразными специфическими чертами, и одним из их выражений является то обстоятельство, что в противоположность всем другим товарам рабочая сила не переносит свою стоимость на стоимость производимого товара, а в процессе своего уничтожения создает новую стоимость, составной частью которой является прибавочная стоимость. Если повышение цен элементов постоянного капитала при прочих равных условиях вызовет повышение цен готовых изделий, то повышение заработной платы при прочих равных условиях должно вызвать понижение прибыли, и наоборот, понижение заработной платы — повышение прибыли. Таким образом, если бы утверждение Нахимсона, что подъем снижает заработную плату, оказалось правильным, то пришлось бы сделать вывод, очень похожий на апологетический вывод Туган-Барановского. Тогда пришлось бы признать, что подъем, обладая способностью сокращать необходимое и увеличивать добавочное рабочее время, беспрерывно повышает норму прибыли и следовательно обеспечивает возможность бескризисного развития.

Корень ошибки Нахимсона состоит в том, что он исходит из неправильной оценки специфического характера рабочей силы как товара. Он придает ей особые черты в процессе обращения, в то время как все противоречие, содержащееся в рабочей силе, как раз и состоит в том, что в процессе обращения она

является самым обыкновенным товаром, а в процессе производства превращается в создателя стоимости и прибавочной стоимости. Обращаясь на рынке как товар, рабочая сила так же, как и все другие товары, подчиняется рыночным закономерностям и следовательно во время кризиса испытывает понижение своей цены, а во время подъема — повышение; но, реализуясь в производственном процессе не как материальная стоимость, а как труд, функционирующая рабочая сила сразу после кризиса создает больше прибавочной стоимости, а во время подъема — меньше. Именно вследствие этого противоречия подъем, как правило, сменяется кризисом, а кризис — подъемом.

Таким образом, поскольку Нахимсон причину кризисов свел к одному только росту сырьевых цен, он пришел к совершенно неправильному объяснению последних. Возрастание сырьевых цен при наличии сбыта на массу прибыли понижающего влияния совершенно не оказывает. На норму прибыли оно влияет, лишь поскольку рост денежного выражения издержек производства не сопровождается ростом денежного выражения прибавочной стоимости. Если бы рабочая сила как товар не обладала указанными выше специфическими чертами и на цену производимого товара оказывала бы точно такое же влияние, как и элементы постоянного капитала, — тогда рост сырьевых цен не смог бы вызвать понижения нормы прибыли. При этом предположении рост заработной платы, также как и рост сырьевых цен, вызвал бы соответственное повышение цены готового товара, и понижения нормы прибыли при условии наличия возможностей сбыта произойти бы не могло. В действительности же рост сырьевых цен оказывает понижающее влияние на норму прибыли именно потому, что повышение реальной заработной платы исключает возможность роста денежного выражения прибавочной стоимости параллельно росту издержек производства. Роль понижающего прибыль фактора сырьевые цены могут играть лишь благодаря тому, что они действуют в условиях специфического влияния на норму прибыли со стороны цены специфического товара — рабочей силы. Ошибка т. М. Нахимсона состоит в том, что он, не поняв этого специфического влияния рабочей силы, приписал росту сырьевых цен чрезмерно большую роль в процессе образования кризиса.

Как известно, падением нормы прибыли кризисы объяснял также и Туган-Барановский. Мы не станем останавливаться подробно на этой теории и коснемся ее лишь в той мере, в какой это необходимо для уточнения развиваемой нами точки зрения.

Если по Спектатору смена фаз конъюнктуры происходит благодаря изменению цен сырья, то по Туган-Барановскому изменение конъюнктуры производится изменением нормы процента. Во время депрессий спрос на ссудный капитал уменьшается, что понижает норму процента; наоборот, во время подъема вследствие усиления спроса на ссудный капитал, ощущается недостаток в нем и, как результат этого — повышение нормы процента. Так как понижение нормы процента обратно пропорционально движению предпринимательской прибыли, то соотношение спроса и предложения на ссудный капитал оказывает определяющее влияние на состояние конъюнктуры через посредство своего влияния на норму прибыли. Низкая норма процента во время депрессии повышает предпринимательскую прибыль и таким путем стимулирует расширение производства; наоборот, когда повышение нормы процента во время подъема значительно снижает предпринимательскую прибыль, расширенное воспроизводство прерывается, — наступает кризис, который снова создает предпосылки для подъема, и т. д.

Туган совершенно прав, когда он констатирует, что антагонизм между денежным и промышленным капиталистом не может не сказаться на процессе расширенного воспроизводства. Однако он заранее обрекает себя на неудачу, поскольку он не исходит из основного антагонизма капиталистического строя, из антагонизма между рабочим классом и классом капиталистов. Антагонизм, положенный Туганом в основу его теории, может действовать лишь на основе решающего антагонизма капиталистического строя.

Если соотношение спроса и предложения на обыкновенные товары есть категория крайне неопределенная, зависящая от состояния процесса накопления, то тем более это следует сказать в отношении соотношения спроса и предложения на ссудный капитал. Размер ссудного капитала определяется не наличным денежным капиталом, а условиями воспроизводства. Поскольку ссудный капитал фактически выступает связующим посредником между отдельными элементами общественного производства, его размеры зависят от материальных и социально-экономических возможностей роста этих последних. Если имеются потенциальные возможности расширения производства и если в процессе реализации этих возможностей, т. е. в процессе расширенного воспроизводства, не создается перебоев, тогда предложение ссудного капитала не будет отставать от спроса на него, как бы сильно этот спрос ни возрастал.

«Пока процесс воспроизводства протекает регулярно, а потому обратный приток капитала является обеспеченным, этот кредит стоит прочно и расширяется, причем расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства». (Капитал, т. III, ч. II, гл. 30.)

«Если затем процесс воспроизводства снова достигает расцвета, предшествующего новому чрезмерному напряжению, то коммерческий кредит достигает чрезвычайно сильного расширения, которое в таком случае действительно находит вновь «здоровый» базис для облегченного обратного притока капиталов и расширения производства. При таком состоянии дел размер процента все еще низок, хотя уже превышает свой минимум. Это единственный период, когда в самом деле можно сказать, что низкий размер процента и следовательно относительное обилие ссудного капитала совпадает с действительным расширением промышленного капитала. Легкость и правильность, с которой совершается обратный приток капитала в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивает, несмотря на усилившийся спрос, достаточное предложение ссудного капитала и препятствует повышению размерам процента». (Там же.)

И, наоборот, соответствие спроса и предложения ссудного капитала резко нарушается, как только расширение общественного производства начинает испытывать нарушения. Образование серьезных диспропорций, затрудняющих реализацию произведенных товаров, создает резкое усиление спроса на ссудный капитал, и в то же время оно, подрывая основы оборотного кредита, столь же резко уменьшает размеры предложения ссудного капитала.

«Следовательно, если нарушается это расширение или хотя бы только нормальная интенсивность процесса воспроизводства, вместе с тем является и недостаток в кредите; становится труднее получить товары и кредит. Требование платежа наличными и осторожность в продаже в кредит в особенности характерны для той фазы промышленного цикла, которая следует непосредственно за крахом. Во время же самого кризиса, когда каждому есть что продать, но никто не может продать и в то же время должен продать, чтобы заплатить, — в этот период масса капитала не свободного и ищущего применения, а стесненного в процессе своего воспроизводства, — наиболее значительна как раз тогда, когда всего сильнее, — также недостаток в кредите (и поэтому всего выше учетный процент при банкирском кредите)». (Капитал, т. III, ч. II, гл. 30.)

Если расширению общественного производства соответствовало увеличение спроса и предложения ссудного капитала, то нарушение нормального хода процесса воспроизводства сопровождается гораздо более резким нарушением соответствия спроса и предложения на ссудный капитал. Неизбежным следствием такого нарушения является рост нормы процента и соответственное сокращение нормы предпринимательской прибыли.

Таким образом максимальное повышение учетного процента имеет место не при подъеме, а при кризисе. Подъем же, наоборот, сопровождается низкой нормой процента. Правда, норма процента в течение всего периода подъема не одинакова.

«С другой стороны, только теперь начинают играть заметную роль спекулянты, ведущие дела без запасного, а то и вообще без всякого капитала, и потому оперирующие всецело при помощи денежного кредита. К этому присоединяется еще крупный рост основного капитала во всех его формах и открытие массы новых, широко поставленных предприятий. Процент повышается теперь до своей средней высоты. Своего максимума он достигает опять тогда, когда разражается новый кризис».

С минимального уровня в первой стадии подъема норма учетного процента подымается до среднего уровня в наивысший момент подъема и достигает максимальных размеров во время кризиса. Максимальный подъем учетного процента является не причиной кризиса, а, наоборот, следствием его.

Движение нормы процента зависит от процесса расширенного воспроизводства и отражает в себе состояние последнего. Ее изменения представляют собою функцию изменений, претерпеваемых процессом расширенного воспроизводства. Туган-Барановский действовал в полном соответствии с традициями буржуазной политической экономии, когда он в своей теории воспроизводства отмахнулся от социально-экономических противоречий капитализма, а потом, в теории кризисов, ограничился анализом движения внешнерыночных категорий. Совершенно естественным поэтому является то обстоятельство, что его теория ставит действительные отношения на голову.

Какое же влияние норма процента оказывает на срыв подъема? В вышеприведенных словах Маркса подчеркивается, что даже на высшей точке подъема, когда наиболее сильно дает себя чувствовать спекуляция, норма процента не превышает своего среднего уровня. Ясно следовательно, что одним изменением высоты учетного процента кризисного снижения нормы прибыли объяснить нельзя. Если не видеть решающей роли других факторов, тогда совершенно невозможно объяснить кризис.

Но дело в том, что повышение нормы процента с минимального до среднего уровня происходит как раз в тот момент, когда, вследствие роста заработной платы, снижается норма прибавочной стоимости. Поскольку же увеличение (хотя и незначительное) доли денежного капиталиста за счет промышленного происходит как раз в момент общего снижения нормы прибыли, оно становится фактором, усиливающим действие

основной понижательной причины. Повышение учетного процента с максимального до среднего уровня может играть роль причины кризиса только потому, что оно действует в момент максимального обострения противоречия между прибылью и заработной платой. Туган-Барановский, придавая решающее значение повышенного учетного процента, все противоречия капиталистического общества свел к противоречию между промышленными и денежными капиталистами.

Большой интерес представляет теория Гильфердинга. В противоположность Спектатору он свой анализ воспроизводства строит на правильном понимании противоречивого характера рабочей силы как товара, вследствие чего ему удается с большой ясностью сформулировать характер противоречия между условиями производства прибавочной стоимости и условиями ее реализации. Однако в главе, посвященной анализу причин кризисов, Гильфердинг совершенно не использует своей правильной и глубокой трактовки основного противоречия капиталистического строя. Учение о причинах кризисов у него совершенно не увязано с учением о противоречиях капитализма.

По вопросу о противоречии между условиями производства прибавочной стоимости и условиями ее реализации Гильфердинг говорит:

«При всем том ясно одно: раз кризисы в своей периодической последовательности суть продукты капиталистического общества, то причина их должна лежать в характере капитала. Следовательно перед нами — нарушение, вытекающее из специфического характера общества. Тот узкий базис, который представляет для капиталистического производства условия потребления, становится общим условием кризиса потому, что невозможность расширения этого базиса является общей предпосылкой приостановок сбыта. Если бы потребление можно было расширять по произволу, то перепроизводство сделалось бы невозможным. Но при капиталистических отношениях расширение потребления равносильно уменьшению нормы прибыли. В самом деле, увеличение потребления широких масс связано с повышением заработной платы. Но последнее означает уменьшение нормы прибавочной стоимости, а потому и уменьшение нормы прибыли. Поэтому, если спрос на рабочих вследствие накопления вырастает настолько сильно, что наступает уменьшение нормы прибыли и (берем крайний предел) увеличенный капитал приносит прибыли не больше, чем капитал не увеличенный, то накопление должно будет прекратиться, потому что не достигается цель накопления — увеличение прибыли. Здесь одна необходимая предпосылка накопления — расширение потребления — прямо вступает в противоречие с другим условием — с реализацией прибыли. Условия возрастания капитала возмущаются против расширения потребления, и так как им принадлежит решающая роль, то противоречие возвышается до кризиса. Но как раз потому узкий базис потребления является всего лишь общим условием кризиса, и констатирование «недопотребления» отнюдь не объясняет его. И еще меньше можно объяснить таким способом

периодический характер кризисов: ведь периодичность вообще невозможно объяснить, исходя из постоянного явления»[1].

Здесь дана совершенно правильная формулировка основного противоречия, возникающего в процессе расширенного воспроизводства. Но уже здесь видно, что автор не сделает из него всех необходимых выводов.

Совершенно правильным является утверждение, что констатирование недопотребления еще не объясняет кризиса. Больше того, выше мы видели, что в форме перепроизводства средств потребления кризисы, как правило, не происходят. Но Маркс, говоря о противоречии, ставит не эту проблему. Кризис он выводит не из несоответствия потребления производству, а из несоответствия между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости, куда недопотребление входит лишь одной из составных частей. Следовательно теоретически кризис возможен как в результате невозможности производства прибавочной стоимости, так и в результате невозможности, из-за низкого потребительского спроса, реализации произведенной прибавочной стоимости. И тот факт, что в действительности конкретный ход механизма воспроизводства приводит к тому, что кризисы, как правило, возникают под непосредственным влиянием сокращения прибавочной стоимости, ни в какой мере не опровергает, а наоборот, подтверждает положение, что противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости является причиной кризиса.

Поскольку это обстоятельство Гильфердинг не подчеркивает и узкий базис потребления объявляет лишь общим условием кризиса, он по существу смазывает роль основного противоречия капитализма в образовании кризиса.

Утверждение же, что «периодичность невозможно объяснить, исходя из постоянного явления», просто странно, если под постоянным явлением иметь в виду постоянно действующее противоречие, которое постоянно разрешается и постоянно воспроизводится на расширенной основе, конкретизируясь в периодической смене фаз конъюнктуры.

Естественно, что когда Гильфердинг подходит к причинам кризисов, он почти совершенно игнорирует внутреннее противоречие капитализма.

«Кризис есть не что иное, как момент, когда наступает понижение нормы прибыли»[2].

---

[1] Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 282.
[2] Там же, стр. 299.

Исходя из этого, он, в целях установления причин смены фаз конъюнктуры, подвергает рассмотрению факторы, повышающие и понижающие норму прибыли. В начале подъема норма прибыли повышается вследствие: 1) увеличения спроса; 2) сокращения рабочего периода в результате усовершенствования техники; 3) сокращения периода обращения вследствие высокой сбытовой конъюнктуры и 4) падения нормы процента вследствие сокращения спроса на ссудный капитал для нужд обращения товаров. Но стимулируемый всеми этими факторами подъем сам создает препятствия росту нормы прибыли в виде: 1) происходящего роста органического строения капитала; 2) слишком интенсивного использования постоянного капитала и откладывания необходимых вспомогательных работ; 3) удлинения периода обращения товара вследствие того, что «потребности внутреннего рынка удовлетворены, приходится отыскивать более отдаленные внешние рынки»; 4) повышения спроса на рабочую силу и роста заработной платы и 5) повышения норм процента вследствие ухудшения сбытовой конъюнктуры и вытекающего отсюда увеличения спроса на ссудный капитал... «Кризис наступает в тот момент, когда только что описанные тенденции к понижению нормы прибыли одерживают победу над тенденциями, которые приводили к повышению цены и прибыли вследствие возрастания спроса» [1].

Те повышательные факторы, которые перечислены Гильфердингом, возражений не вызывают, но среди них не оказалось основного: сокращение реальной заработной платы во время кризиса, повышающее норму прибавочной стоимости, является в течение первого времени сильнейшим побудителем расширения производства. Что же касается факторов, понижающих нормы прибыли, то здесь дело обстоит значительно сложнее.

Прежде всего необходимо отметить, что понижающее влияние роста органического строения капитала нельзя объединять со всеми другими, перечисленными Гильфердингом, понижающими факторами. Рост органического строения капитала — это не циклическая, а, так сказать, вековая тенденция капитализма. И если это влияние изменяется под воздействием различных фаз конъюнктуры, то лишь в том отношении, что оно усиливается во время кризиса и депрессии, когда происходит ликвидация предприятий с низким строением, и, наоборот, ослабляется по мере развития подъема и втягивания в производство всего наличного основного капитала. Сразу после кризиса понижающее влияние роста органического строения капитала компенсируется противоположными тенденциями конъюнктурного характера, вследствие чего норма прибыли, несмотря на рост органического строения капитала, повышается, стимулируя народнохозяйственный подъем. В дальнейшем же, когда понижающее влияние роста органического строения капитала уменьшается, норма прибыли все же испытывает резкое падение.

[1] Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 303.

Ясно следовательно, что причины кризиса нельзя искать в самом росте органического строения капитала.

Все остальные понижающие факторы, перечисленные Гильфердингом, носят строго конъюнктурный характер, и если бы только они существовали в том виде, как их излагает Гильфердинг, то про них действительно возможно было бы сказать, что их вызвали к жизни «те же самые обстоятельства, которые сначала ведут к оживлению». Но нам представляется, что при установлении этих факторов Гильфердинг допустил ряд ошибок. Остановимся сначала на удлинении периода реализации товара. Когда происходит удлинение периода реализации товара, норма прибыли действительно понижается. Но когда и почему это удлинение происходит? Не является ли оно не причиной, как думает Гильфердинг, а следствием понижения нормы прибыли?

Удлинение периода реализации товаров Гильфердинг объясняет тем, что «потребности внутреннего рынка удовлетворены, приходится отыскивать более отдаленные внешние рынки». Эта единственная мотивировка, приводимая Гильфердингом в защиту рассматриваемого положения, в корне противоречит марксовой теории воспроизводства и кризисов. При решении вопроса о причинах кризиса, если только мы желаем пользоваться марксовым методом, мы должны отвлечься от внешних рынков. Речь может итти только о том рынке, который сам для себя создает капитализм. Но в таком случае утверждение о том, что «потребности внутреннего рынка удовлетворены», означает не что иное, как прекращение расширения производства, т. е. перепроизводство капитала, кризис. Выше мы видели, да и сам Гильфердинг это утверждает, что перепроизводство капитала есть понятие относительное, что оно наступает тогда, когда резкое понижение нормы прибыли делает невозможным накопление капитала. Следовательно моменту, когда «потребности рынка удовлетворены», должно предшествовать падение нормы прибыли, а не наоборот, как в данном случае считает Гильфердинг. Удлинение процесса реализации товара из числа причин кризиса приходится таким образом исключить.

То же самое следует сказать и в отношении отмечаемого Гильфердингом ускорения хода машин и отсутствия ряда необходимых вспомогательных работ. Эти обстоятельства понижают производительность труда и следовательно повышают издержки производства на единицу товара. Но повышение издержек производства понизит прибыль только в том случае, если состояние спроса не позволит их перенести на цену

товара. Следовательно, для того чтобы ухудшение постоянного капитала смогло понизить норму прибыли, необходимо, чтобы под влиянием каких-то других причин создались перебои в процессе расширенного воспроизводства. А так как эти «перебои» возможны только под влиянием понижения нормы прибыли, то выходит, что ухудшение постоянного капитала начнет понижающе влиять на норму прибыли лишь после того, как первый скачок вниз она совершит под влиянием других причин. Правда, ухудшение основного капитала оказывает некоторое понижающее влияние на норму прибыли путем повышения состава капитала по стоимости, т. е. без уменьшения массы прибыли. Другими словами, оно на норму прибыли оказывает влияние таким же образом, как и повышение сырьевых цен. Но так же как и рост сырьевых цен, ухудшение основного капитала во время подъема может оказать понижающее влияние на норму прибыли исключительно благодаря специфической роли рабочей силы. Говоря о влиянии ухудшения основного капитала на норму прибыли, Гильфердинг, во-первых, смешал два различных периода — период подъема и начало кризиса и, во-вторых, поставил знак равенства между фактором подчиненным и основным, вытекающим из основного противоречия капитализма.

Ряд перечисленных Гильфердингом факторов (рост нормы процента, ухудшение постоянного капитала, рост сырьевых цен) действительно оказывает понижающее влияние на норму прибыли. Но ошибка Гильфердинга состоит в том — что он не дал качественной оценки этих факторов, поставив знак равенства между ними и ростом заработной платы.

Внешние рыночные явления капитализма представляют собою конкретные формы проявления капиталистических противоречий. Только в качестве таковых они и могут являться непосредственными причинами кризисов. А отсюда ясно, что поставить знак равенства между ростом заработной платы и например ростом учетного процента, значит отождествить противоречие между прибылью и заработной платой с противоречием между предпринимательской прибылью и учетным процентом.

Основным противоречием капитализма является противоречие между трудом и капиталом; все остальные противоречия капитализма являются производными от этого основного. Совершенно ясно, что такая структура капиталистических противоречий не может не сказаться на структуре рыночных процессов, под непосредственным влиянием которых подъем превращается в кризис. Выше вы видели, что повышение нормы процента, рост сырьевых цен и др. становятся факторами кризиса исключительно благодаря специфическому характеру рабочей силы как

товара, исключительно благодаря противоречию между прибылью и заработной платой. Рост заработной платы во время подъема (благодаря противоречию между заработной платой и прибылью) становится тем коренным фактором, на основе которого развертывается целая цепь конкретных причин кризиса. Решающее влияние заработной платы на уровень прибыли является свидетельством теснейшей зависимости конкретных причин кризиса от основного противоречия капитализма. Гильфердинг же дает четкое изложение основного противоречия капитализма и вместе с тем совершенно не связывает с ним конкретных причин кризиса. Вследствие этого его рассуждения о причинах кризиса не имеют никакой связи с марксистской системой. В марксистской теории конкретные причины кризисов должны быть лишь внешнерыночным проявлением основного противоречия капитализма. Если теория воспроизводства должна установить общее значение этого противоречия в процессе расширенного воспроизводства, то теория кризисов должна установить связь с ним (противоречием) конкретных причин кризисов и объяснить, почему основное противоречие капитализма приобретает именно данное рыночное выражение. Вторая задача Гильфердингом не выполнена совершенно.

Мы видели, что в совершенно извращенном виде выступает действительность в теориях Спектатора и Тугана-Барановского. Вместо сложного взаимодействия всех противоречий капитализма Спектатор учитывает только одно из них и притом отнюдь не самое важное. Сильно преувеличивая значение возрастающих сырьевых цен, Спектатор вместе с тем не понимает основного противоречия капитализма, противоречия присущего рабочей силе как товару и принимающего конкретную форму противоречия между прибылью и заработной платой. В смысле крайней односторонности теория Спектатора похожа на теорию Тугана-Барановского. Спектатор явление кризиса выводит из противоречия между промышленностью и сельским хозяйством, а Туган-Барановский — из противоречия между промышленным и денежным капиталистом. И тот и другой не учитывают основного противоречия капитализма — между трудом и капиталом, без которого анализируемые ими противоречия теряют всякий смысл.

Теория Гильфердинга, напротив, учитывает все факторы, влияющие на норму прибыли. Но ее антимарксистская сущность состоит в том что она не устанавливает принципиальной разницы между ними. Рост заработной платы, ухудшение качества основного капитала, рост сырьевых цен, повышение учетного процента, удлинение периода обращения — все это свали-

вается в одну кучу. В действительности же перечисленные факторы оказывают на норму прибыли неодинаковое влияние, что нельзя не учитывать при анализе форм проявления капиталистических противоречий.

Из всех причин падения нормы прибыли, приведенных Гильфердингом, необходимо выделить рост заработной платы за счет прибавочной стоимости как основную причину, выражающую основное противоречие капитализма — противоречие, содержащееся в рабочей силе как товаре. Повышение учетного процента за счет предпринимательской прибыли, выражающее противоречие между промышленными и денежными капиталистами, а так же рост сырьевых цен, выражающий противоречие между промышленностью и сельским хозяйством, оказывают свое влияние на норму прибыли лишь на основе действия основного противоречия капитализма.

Только при диференцированном подходе к факторам, понижающим норму прибыли, делается возможным монистическое объяснение кризисов.

Наряду с факторами, влияющими на норму прибыли во всем хозяйстве, Гильфердинг рассматривает еще процессы, обусловливающие неравномерное изменение нормы прибыли в различных отраслях производства. Он дает правильный и весьма ценный анализ неравномерного развития отраслей в зависимости от различного органического строения капитала, рассматривая это неравномерное развитие как причину кризиса. Но характерно, что между этой частью его главы о кризисах и той частью, где рассматриваются факторы, влияющие на норму прибыли во всем народном хозяйстве, у него — полный разрыв. Нет даже попытки установить, в каком отношении эти различные группы факторов находятся друг к другу. Как будто бы он имеет дело с двумя особыми объектами исследования.

Если, говоря о факторах, влияющих на норму прибыли во всем народном хозяйстве, он просто перечислил их один за другим, прибавляя один к другому, без всякого анализа характера их взаимодействия и взаимозависимости, то затем он сумму факторов, влияющих на конъюнктуру, увеличил путем простого прибавления к ним имеющего место в капиталистическом хозяйстве неравномерного развития отраслей.

Неравномерное развитие отраслей несомненно оказывает серьезное влияние на движение конъюнктуры. В начале подъема оно весьма сильно стимулирует расширение производства, а впоследствии, наоборот, становится одним из серьезных факторов, обусловливающих образование кризиса. Последнее обстоятельство Гильфердинг блестяще доказал. Но у Гиль-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

фердинга этот фактор повис в воздухе, поскольку он не сумел его увязать с развитием основных социально-экономических противоречий капитализма. Неравномерное развитие отраслей представляет собою лишь одну из форм развития социально-экономических противоречий капитализма (основного и производных), без правильного учета действия которых невозможно понять значение различных рыночных факторов. Оторвав причины кризисов от социально-экономических противоречий капитализма, Гильфердинг опустился до механического сложения внешнерыночных факторов.

ГЛАВА IV.

Заключение.

Марксистская теория рынка и кризисов представляет собой анализ основного противоречия капитализма в его развитии и конкретном проявлении.

Наиболее общим противоречием товарно-капиталистического хозяйства является противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Продукты конкретных видов труда обращаются как сгусток простой затраты мускульной и нервной энергии, приобретая этим самым, наряду со свойственными им по природе естественными чертами, еще и вытекающие только из исторически ограниченного способа производства общественные черты.

Противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, заложенное в товаре, находит форму разрешения в деньгах, поскольку они функционируют только как стоимость. Таким образом противоречие находит форму своего разрешения в том, что один из элементов, его образующих, выделяется и приобретает как бы самостоятельное бытие. Но такое разрешение противоречия есть вместе с тем воспроизводство его на расширенной основе. Известное отделение стоимости от потребительской стоимости означает возможность соответствующего отделения обмена от потребления. Это обстоятельство существенно облегчает обмен, но вместе с тем оно же и усложняет его. Оно ведет к экстенсивному и интенсивному развитию меновых отношений, но вместе с тем оно делает возможным разрыв меновых связей в отдельных пунктах менового хозяйства. Обращение денег, представляя собою форму разрешения противоречия, содержащегося в товаре, представляет собой вместе с тем и воспроизводство его на расширенной основе, что выражается в том, что благодаря им (деньгам) делается возможным частичное перепроизводство.

Частичные диспропорции, образующиеся благодаря наличию денежного обращения, часто могут быть уничтожены путем развития кредитных отношений, ибо если деньги дают возможность продавать не покупая, то кредит дает возмож-

ность покупать не продавая. Это его свойство делает возможным избежать частичных диспропорций, но оно же до чрезвычайности усиливает взаимную зависимость хозяйственных ячеек друг от друга и потому, в случае образования частичной диспропорции, может превратить ее во всеобщую. Кредит таким образом способствует не только разрешению, но и обострению основного противоречия товарного хозяйства.

Денежное обращение и кредит делают возможными кризисы однако в том смысле, что без их развития кризисов, как закономерного экономического явления, не было бы. Пока противоречие товарного хозяйства находится лишь на рассмотренном нами уровне, оно является необходимым, но недостаточным условием для образования циклической формы воспроизводства. Воспроизводство принимает циклический характер лишь с появлением отношений капиталистической эксплоатации, когда противоречия товарного хозяйства переходят на качественно высшую ступень. Если на основе простого товарного хозяйства противоречие между производительными силами и производственными отношениями выступает как противоречие внутри товара, между его потребительной стоимостью и стоимостью, то в капиталистическом хозяйстве оно выступает как противоречие внутри специфического товара капиталистического строя — рабочей силы. Если двоякий характер товара (потребительская стоимость и стоимость) делает кризисы возможными, то двоякий характер рабочей силы, как товара, делает их неизбежными.

Однако и противоречие, содержащееся внутри рабочей силы, как товара, находит свое выражение в кризисах не прямо, а через посредство ряда усложненных ступеней. Выше мы уже касались того, что двоякий характер рабочей силы состоит в противоположном характере ее функционирования в различных фазах кругооборота капитала (в процессе производства и процессе обращения). Для того чтобы процесс производства материальных благ был вместе с тем и процессом производства прибавочной стоимости, необходимо, чтобы рабочая сила в процессе производства выступала только как труд, а в процессе обращения — только как товар. Теснейшая связь и зависимость этих двух моментов воспроизводства общественного капитала (процесса производства и процесса обращения) при противоположном характере, который рабочая сила принимает в каждом из них, и делает возможным производство прибавочной стоимости. Однако ввиду того, что в процессе

обращения рабочая сила подчиняется тем же самым законам, по которым происходит обращение всех товаров, затрудняется реализация прибавочной стоимости. Таким образом законы обращения рабочей силы, с одной стороны, создают возможность производства прибавочной стоимости, а с другой — затрудняют ее реализацию.

Двоякий характер рабочей силы превращается таким образом в более сложное противоречие, в противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости, которое в свою очередь принимает конкретно-рыночную форму противоречия между движением заработной платы и движением нормы прибыли.

На основе капиталистической эксплоатации рабочей силы возникает сложная система противоречий (между промышленными и денежными капиталистами, между промышленностью и сельским хозяйством и т. д.), в результате чего на поверхности явлений норма прибыли в процессе своего движения вступает в противоречие не только с заработной платой, но также и учетным процентом и ростом сырьевых цен и др.

С первого взгляда может показаться, что при объяснении кризиса падения нормы прибыли мы впадаем в порочный круг, поскольку падение нормы прибыли само обусловливается движением конъюнктуры. Но этот порочный круг имел бы место только в том случае, если бы падение нормы прибыли объяснялось конъюнктурными моментами, а не проявлением социально-экономического противоречия капитализма. Согласно же развитым выше соображениям движение конъюнктуры есть не что иное, как конкретная форма разрешения и развития внутреннего противоречия капиталистического строя, а отдельные фазы конъюнктуры являются конкретной формой проявления состояния этого противоречия в данный момент. Падение нормы прибыли в основном происходит в результате обострения противоречия между прибылью и заработной платой. Лишь в этом смысле падение нормы прибыли является конкретной причиной кризисов.

Рассмотренное противоречие капитализма есть противоречие, развивающееся между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. Оно образует противоречие внутри товара, между потребительной стоимостью и стоимостью; в более развитом и обостренном виде оно обнаруживается внутри рабочей силы, как товара, превращаясь далее в противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости и находя свое конкретное выражение в экономических кризисах.

Совершенно неправильно было бы все эти противоречия рассматривать как особые самостоятельные противоречия.

Противоречие, содержащееся внутри рабочей силы, как товара, находится к противоречию между потребительной стоимостью и стоимостью точно в таком же отношении, как капиталистическое хозяйство — к простому товарному хозяйству. Марксова формулировка противоречий капитализма полностью отразила в себе основные особенности его абстрактного метода. Противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью есть не отдельное частичное противоречие капитализма, а, наоборот, простейшее и всеобщее его противоречие, проявляющееся абсолютно во всех категориях и явлениях менового хозяйства. Противоречие внутри рабочей силы, как товара, представляет собою лишь усложнение этого противоречия; противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости — дальнейшее усложнение. Кризис есть конкретное проявление противоречия между производственными силами и производственными отношениями, простейшей и всеобщей формой которого является противоречие внутри товара, между потребительской стоимостью и стоимостью. Наличие денег и кредита является только возможностью кризиса именно потому, что они (деньги и кредит) исходят из простейшей формы капиталистического противоречия. Наступает же кризис вследствие развития сложного противоречия капитализма, т. е. того противоречия, которое только и существует в действительности и в отношении которого противоречие между потребительской стоимостью и стоимостью является простейшей абстракцией.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА В ХОЗЯЙСТВЕ СССР

ГЛАВА V.

Проблема воспроизводства в хозяйстве СССР.

В литературе по вопросу о воспроизводстве в советском хозяйстве, к сожалению, весьма широкое распространение получило безоговорочное перенесение в советские условия марксовских схем воспроизводства. В соответствующем месте мы постараемся показать, что такая постановка игнорирует социальное содержание марксовских схем, так же как и специфические особенности советской системы хозяйства. Но считая невозможным превращать марксовские схемы в основной элемент учения о воспроизводстве в хозяйстве СССР, мы разумеется не можем отказываться от использования того метода, который получил в «схемах» гениальное применение. Рассмотрение проблемы воспроизводства в советском хозяйстве мы считаем поэтому необходимым начать с выяснения основных уроков, которые дают марксовские схемы для анализа этой проблемы.

Маркс в своих схемах ставит перед собою цель выяснить, каковы условия установления соответствия между отраслями производства, а следовательно между спросом и предложением, при данной классовой структуре общества с присущей ей основным законом накопления и распределения. Идя от анализа простого воспроизводства к расширенному, а от него — к установлению причин кризисов, Маркс следует своему основному методологическому правилу: он отправляется от простейшей абстракции и путем ее постоянного усложнения создает такую логическую конструкцию, которая все в большей мере охватывает многообразное содержание сложной конкретности. В схемах простого и расширенного воспроизводства марксов анализ находится еще в области довольно глубокой абстракции. В них совершенно игнорируется дифференциация класса капиталистов со всеми сложнейшими экономическими процессами и изменениями экономических категорий, которые она вызывает; в них игнорируется специфичность отношений между отдельными капиталистами, приводящая к резкому извращению форм, которую прибавочная стоимость принимает на поверхности явлений.

49

Маркс в своих схемах отвлекается также и от роста органического строения капитала, несмотря на то, что он является обязательным спутником капиталистического накопления и имеет огромное значение в конкретном ходе капиталистического воспроизводства. Мы не говорим уже об отвлечении от докапиталистических отношений: от них Маркс абстрагируется даже на более высокой ступени анализа —в теории кризисов. Но схемы простого и расширенного воспроизводства четко фиксируют взаимоотношения между классом капиталистов (как целым) и рабочим классом. В них движение производства рассматривается в аспекте тех производственных отношений, которые возникают из факта эксплоатации рабочей силы как товара. Это — первый урок, который необходимо извлечь из марксовой теории воспроизводства.

Второй урок вытекает из правильной оценки соображений, под влиянием которых Маркс разбил все общественное производство на два подразделения и именно на производство средств производства и производство средств потребления. Вся сумма стоимости, оказывающаяся в распоряжении общества в заключении всякого данного производственного периода, представляет собою общественный продукт, но разумеется нельзя считать, что вся она создана именно в течение данного периода. Наряду с созданием новой стоимости труд обладает способностью переносить на свой продукт стоимость ранее произведенных средств производства. Следовательно общая сумма стоимости, появляющаяся в заключение какого-либо производственного периода, всегда больше той, которую все общество в течение данного периода произвело, и больше именно на ту часть, которая была создана в предыдущее время и в данный производственный период вступила в качестве мертвого труда, т. е. средств производства. Конечно и эту часть стоимости в конечном счете можно считать доходом общества, однако это такой доход, который был произведен в предыдущее время, который в данный производственный период вступил в качестве старых запасов общества и следовательно доходом данного производственного периода считаться не может. Важность разграничения понятий общественного продукта и общественного дохода совершенно наглядно выступает при анализе как простого, так и расширенного воспроизводства.

При простом воспроизводстве вся стоимость, вновь созданная в течение данного производственного периода, полностью потребляется рабочим классом (v) и классом капиталистов (m). Ранее же накопленные средства производства (c), которые вхо-

дят слагаемым в оказавшийся в результате данного производственного периода общественный продукт, не входят в процесс индивидуального потребления и должны быть полностью сохранены как постоянный капитал для следующего производственного периода. В противном случае оказалось бы, что общество растратило на индивидуальное потребление не только весь общественный доход, но и часть старых запасов. Однако эта функциональная разница между старыми запасами и общественным доходом должна найти себе полное соответствие в материальной структуре общественного продукта. Необходимо, чтобы общественный продукт содержал в себе такое количество предметов потребления, которое бы по своей стоимости соответствовало размерам общественного дохода. С другой же стороны, необходимо, чтобы из общей суммы общественного продукта в материальной форме средств производства была такая часть, стоимость которой не больше и не меньше стоимости старых запасов, которые должны войти в качестве постоянного капитала в следующий производственный период, совершенно не изменив своих размеров. Основная трудность воспроизводства проистекает в значительной мере от того, что общественный продукт, в противоположность мнению Ад. Смита, не совпадает с общественным доходом. Поскольку Ад. Смит отождествил общественный продукт с общественным доходом, основные черты проблемы воспроизводства совершенно исчезли с поля его зрения. И наоборот: перед Марксом они встали с абсолютной ясностью, и он зафиксировал их в своих схемах.

Расширенное воспроизводство от простого отличается тем, что при нем часть общественного дохода изымается из сферы личного потребления и употребляется на расширение производства в следующий производственный период. Часть общественного дохода не реализуется как доход, а превращается в постоянный капитал следующего производственного периода. Естественно, что для нормального воспроизводства этому функциональному изменению части общественного дохода должно корреспондировать соответствующее изменение материальной структуры общественного продукта. Достижение этого соответствия представляет собою чрезвычайно сложный и противоречивый процесс, однако оно является необходимым условием бесперебойного расширенного воспроизводства. Основной задачей схем расширенного воспроизводства и является формулировка тех социально-экономических условий, в которых происходит функциональное изменение части общественного дохода.

Превращение части общественного дохода в средства производства остается задачей всякой общественной формации, в том числе, разумеется, и нашей переходной экономики. Поскольку делением всего общественного производства на два указанных подразделения Маркс формулирует эту мысль, оно должно быть полностью использовано при анализе воспроизводства в советском хозяйстве. Однако, при этом нельзя забывать, что в схемах Маркса указанная мысль неразрывно связана с учетом социально-экономической структуры капиталистического общества. Рассматривая процесс превращения части общественного дохода в средства производства, Маркс учитывает специфические противоречия капиталистической экономики, в условиях которой это превращение происходит. Поэтому разбивку капиталистического производства на два подразделения нельзя отрывать от стоимостной формулировки каждого из этих подразделений. И поэтому же мысль, положенную Марксом в основу разбивки общественного производства на два подразделения, мы сможем успешно использовать при анализе воспроизводства в нашем хозяйстве только в случае правильного учета специфических особенностей переходной экономики.

Рассмотрение проблемы воспроизводства необходимо, следовательно начать с выяснения специфических особенностей переходной экономики.

Если капиталистическое общество однородно, хотя и состоит из двух противоположных полюсов, то наше хозяйство представляет собою в основном процесс взаимодействия трех отличающихся друг от друга типов отношений. Социалистический сектор, непосредственные товаропроизводители (крестьяне и кустари) и капиталистические элементы города и деревни — каждый из этих составных элементов нашей экономики обладает специфическими свойствами, которые в совокупности и составляют ту социально-экономическую форму, в которой развертываются процессы материального производства и воспроизводства.

Государственная промышленность является собственностью всего общества, из чего следует, во-первых, что ее непосредственный «хозяин» (государство) имеет известную власть над всем народным хозяйством и даже над теми его частями, которые выступают конкурентами государственной промышленности, и, во-вторых, то, что интересы промышленности не замыкаются рамками самой промышленности, что, поскольку промышленность является орудием диктатуры пролетариата в деле социалистической перестройки всего нашего хозяйства,

ее интересы не могут быть противопоставлены интересам всего народного хозяйства.

Хозяйство простых товаропроизводителей развивается на принципиально иных экономических основах. Непосредственным движущим стимулом хозяйственной деятельности простого товаропроизводителя являются только интересы его хозяйства. Свое отношение к росту всего народного хозяйства, к росту государственной промышленности, к той или иной экономической политике государства, к происходящим процессам социалистической перестройки народного хозяйства — простой товаропроизводитель выявит в полной зависимости от того непосредственного влияния, которое перечисленные факторы окажут на судьбу его хозяйства. В этом смысле интересы простого товаропроизводителя не совпадают с интересами государственной промышленности. И если бы тоовaропроизводители были предоставлены самотеку, они развивались бы в направлении капитализма. Однако поскольку товаропроизводитель остается простым товаропроизводителем, т. е. не эксплоатирует чужого труда, — частнохозяйственные мотивы его деятельности не могут явиться непреодолимым препятствием для увязки его интересов с «интересами» государственной промышленности. Двойственная природа товаропроизводителей создает базу для капитализма, но она же дает возможность социалистическому сектору, путем активного воздействия, вести за собой сектор простого товарного производства.

Совершенно по-иному обстоит дело с капиталистическими элементами нашей экономики, к которым мы разумеется относим и деревенских кулаков. В то время как простые товаропроизводители стремятся к тому, чтобы их труд в той или иной форме был обществом выгодно для них оплачен, — капиталистические элементы стремятся подчинить своему господству возможно большее количество рабочих сил, а в качестве предпосылки для этого — произвести превращение возможно большей части общественного дохода в постоянный капитал их предприятий. В этой своей деятельности они вступают в непримиримое противоречие с государственной промышленностью.

Выше мы указывали, что проблема расширенного воспроизводства перед всякой экономической формацией ставит задачу, сохраняя тенденцию к пропорциональности, добиться отчуждения возможно большей части общественного дохода в средства производства для следующего производственного периода. В капиталистическом хозяйстве эта задача разрешается в условиях действия внутренних противоречий капиталистического строя. В нашем хозяйстве противоречий, присущих капита-

лизму, нет, но у нас имеется свое специфическое противоречие, по-своему затрудняющее бескризисное превращение части общественного дохода в средства производства. В дальнейшем мы постараемся доказать, что наше противоречие проявляется в том, что превращение дохода в средства производства в нашем хозяйстве может происходить одновременно по двум взаимно исключающим линиям.

Государственная промышленность является ведущим началом в деле социалистической переработки нашей экономики, что достигается постоянным усилением ее влияния на определение характера развития крестьянского и кустарно-ремесленного хозяйства, которое, если бы оно было предоставлено самому себе, развивалось бы в направлении капитализма. Совершенно ясно, что одним из основных условий для этого является умение привести в соответствие социалистические задачи государственной промышленности с хозяйственными интересами представителей простого товарного производства. Различие движущих мотивов их деятельности не должно устранять сочетания их интересов в целях общего развития в одном определенном направлении. Это направление определяется тенденциями государственной промышленности, реализуется в постепенной социалистической перестройке нашей экономики и следовательно является процессом социалистического накопления, т. е. такого накопления материальных ценностей, которое сопровождается и стимулирует процесс расширенного воспроизводства социалистических отношений.

Какова роль капиталистических элементов в этом процессе расширенного воспроизводства? Очевидно, что в том обмене веществ между отраслями, который реально в нашем хозяйстве происходит, капиталистические элементы принимают постоянное участие, и в этом смысле они до известного времени являются составной частью нашего хозяйства. Однако своим участием они систематически препятствуют социалистическому накоплению.

Если сектор простого товарного производства подвергается переделке со стороны социалистических командных высот, то капиталистический сектор может быть разгромлен, вытеснен, но ни в коем случае не переработан в социалистическом направлении. Больше того: капиталистический сектор сам стремится стать ведущей частью процесса воспроизводства. Двойственная природа простых товаропроизводителей позволяет ему до известного времени расширять сферу капиталистического накопления далеко за пределы тех возможностей, которые обусловливаются размерами наемной рабочей силы. Капитали-

стические отношения в условиях нэпа далеко не ограничиваются чисто капиталистическим сектором. Частный капитал стремится связаться с кустарем и крестьянином, определять направление их деятельности, присваивая при этом часть их прибавочного продукта в качестве прибавочной стоимости. Совершенно ясно, что та часть простых товаропроизводителей, которая связалась не с социалистической промышленностью, а с капиталистическим сектором, входит составной частью в процесс капиталистического накопления. Мы видим таким образом, что капиталистический сектор не только не подвергается социалистической переделке, но и сам выступает в качестве активного фактора капиталистической переделки сектора простого товарного производства. Крестьяне и кустари оказываются следовательно объектом борьбы обоих противоположных секторов нашей экономики. Социалистическая промышленность стремится через кооперацию направить простое товарное хозяйство в единый процесс воспроизводства социалистических отношений; капиталистические элементы, наоборот, пытаются оттянуть крестьянство и кустарей из-под влияния государственной промышленности и слиться с ними в единый процесс воспроизводства капиталистических отношений. В едином хозяйстве, состоящем из трех основных укладов, создаются два противоположных друг другу типа воспроизводства производственных отношений, каждый из которых частично питается сектором простого товарного производства.

Говоря о двух типах воспроизводства производственных отношений, мы разумеется учитываем влияние и капиталистического окружения, с одной стороны, и монополии внешней торговли — с другой. Совершенно ясно, что при свободе внешней торговли установилась бы экономическая смычка иностранной буржуазии с капиталистическими элементами внутри страны и иностранный капитал стал бы руководящей частью капиталистической тенденции развития. Монополия внешней торговли, разрывая эту связь, наоборот, использует производительные силы мирового хозяйства в интересах усиления воспроизводства социалистических отношений. Но факт существования капиталистического окружения до чрезвычайности затрудняет для нас связь с мировым хозяйством, что усложняет задачи нашего хозяйственного строительства, увеличивает напряженность последнего и умножает трудности. В дальнейшем поэтому мы монополию внешней торговли будем рассматривать как фактор, способствующий воспроизводству социалистических отношений, а капиталистическое окружение — как фактор способствующий воспроизводству капиталистических отношений.

Борьба двух тенденций воспроизводства производственных отношений разумеется не сопровождается замкнутостью различных частей нашего хозяйства. Напротив, составные части отмеченных двух противоположных экономических тенденций постоянно вступают друг с другом в хозяйственные связи. Капиталистические элементы отнюдь не идут на добровольный разрыв с государственной промышленностью. На протяжении всей истории нэпа они всячески старались — и часто не без успеха — сохранить связь с социалистической промышленностью. На первых этапах нэпа мы были вынуждены в довольно широких размерах прибегать к помощи частного капитала в деле установления разделения труда между городом и деревней, превращая его этим самым не только в неизбежную, но и необходимую часть единого хозяйственного процесса. Несомненно таким образом, что, несмотря на наличие трех отличных друг от друга секторов, наше хозяйство представляет собою единое целое, составные части которого, несмотря на различие типов производственных отношений, находятся друг с другом в определенной системе разделения труда.

Эта целостная система представляет собою хозяйство переходного периода, т. е. такое хозяйство, где решающая ведущая роль принадлежит социалистической промышленности. Но нужно сказать, что в нашей литературе очень часто из-за единства хозяйственной системы не видят двух тенденций развития производственных отношений, что неизбежно приводит к смазыванию переходного характера нашей экономики. Из признания целостности нашей хозяйственной системы и определяющей роли социалистической промышленности ни в какой мере не следует, что капиталистический сектор по образу простого товарного производства может подвергаться переделке, «врасти в социализм». Нужно оказаться в полном плену у абстрактной схемы, чтобы не видеть, что когда капиталист, хотя бы и «слабый», тем или иным образом связывается с государственной промышленностью, то в результате получается нечто отличное от врастания его в социализм. Связь капиталиста (большого или маленького — все равно) с государственной промышленностью с неизбежностью повлечет за собой превращение части прибавочного продукта социалистического сектора в прибавочную стоимость для капиталистического сектора. Связь частника с государственной промышленностью увеличивает его возможности в той борьбе, которую он ведет против социалистического сектора за отрыв от него основной массы крестьянства и кустарей. С абстрактно-производственной точки зрения нет принципиальной разницы в том, с кем связы-

вается государственная промышленность — со середняком или с кулаком: и в том и в другом случае имеет место процесс установления разделения труда между городом и деревней. Однако если отказаться от недопустимой абстрактно-производственной точки зрения и включить в анализ проблему воспроизводства производственных отношений, то указанные два варианта связи промышленности с сельским хозяйством окажутся двумя принципиально отличными путями развития: в первом случае будет иметь место включение середняцкого хозяйства в процесс социалистического накопления, в то время как во втором случае, наоборот, — использование прибавочного продукта государственной промышленности капиталистическим сектором в целях стимулирования воспроизводства капиталистических отношений (не только путем прямой эксплоатации наемной рабочей силы, но и путем подчинения его влиянию крестьянства и кустарей). Единство хозяйственного процесса не должно заслонять двух тенденций воспроизводства производственных отношений. Своеобразие переходной экономики в основном состоит в том, что единый хозяйственный процесс происходит в форме борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений. Без учета этой особенности нельзя понять специфического противоречия переходной экономики. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Наличие двух экономических тенденций приобретает смысл основного экономического противоречия лишь в том случае, если хозяйственный процесс, происходящий в указанной экономической оболочке, рассматривается нами как единое целое. Наше хозяйство представляет собою единый производственный организм, отдельные части которого связаны между собой определенной системой разделения труда. В этом смысле наше хозяйство ничем не отличается от хозяйства других экономических формаций. Развитие социально-экономических противоречий и классовой борьбы происходит в условиях единого хозяйственного организма.

Но воспроизводство материальных благ нельзя рассматривать вне системы производственных отношений. В конкретной действительности производительные силы могут существовать как единое целое, лишь благодаря тому, что люди, вступив друг с другом в определенные производственные отношения, увязывают этим самым отдельные элементы производства в единый производственный организм. В капиталистическом обществе воспроизводство материальных благ может иметь место только благодаря купле-продаже рабочей силы и производству прибавочной стоимости. Воспроизводство капиталистических

отношений является обязательным условием воспроизводства материальных благ. Но если при капитализме производство материальных благ может происходить только в форме производства прибавочной стоимости, если там накопление материальных благ может происходить только в форме накопления капитала, то в нашем хозяйстве дело обстоит значительно сложнее.

У нас, если материальное благо произведено государственной промышленностью, — оно способствует социалистическому накоплению, расширенному воспроизводству социалистических отношений; если оно произведено в крестьянском хозяйстве, но при помощи его крестьянин вступает в связь с государственной промышленностью и при этом без всякого посредничества со стороны капиталистических элементов, — оно также будет способствовать воспроизводству социалистических отношений. Но из природы нашей переходной экономики вытекает возможность производства известной суммы материальных благ в форме явно капиталистических отношений или в крестьянском хозяйстве, подчиненном в той или иной мере капиталистическому сектору. Совершенно ясно, что такое производство материальных благ будет сопровождаться воспроизводством капиталистических отношений. Капиталистический сектор, являющийся «законной» составной частью экономики, переходной от капитализма к социализму, стремится возможно большую часть производительных сил включить в сферу капиталистических отношений, и потому необходима борьба против него со стороны социалистического сектора. Сектор простого товарного производства в условиях нэпа может питать обе борющиеся системы в зависимости от того, которая из них сумеет подчинить его своему влиянию. Процесс воспроизводства материальных благ сопровождается, таким образом борьбой двух противоположных экономических тенденций.

В переходной экономике создается таким образом чрезвычайно своеобразное отношение между производительными силами и производственными отношениями. Единый процесс воспроизводства материальных благ происходит в форме взаимодействия трех типов производственных отношений. Два из них (социалистический и капиталистический) в отношении друг к другу представляют собою непримиримых антагонистов. Развитие же третьего сектора (простого товарного производства) в условиях диктатуры пролетариата происходит в направлении, определяемом либо воздействием со стороны социалистического сектора, либо развитием его стихийно-рыночных тенденций под влиянием капиталистического сектора. Поэтому в

переходной экономике воспроизводство материальных благ не может сопровождаться нормальным воспроизводством отношений простого товарного хозяйства. Каждый новый производственный период сопровождается уменьшением самостоятельности сектора простого товарного производства. Совершенно бесспорно, что кооперирующаяся под руководством государственной промышленности деревня представляет собою процесс постепенного отмирания специфических черт отношений простого товарного производства. Крестьянское хозяйство, связанное с социалистическим сектором хотя бы только системой контрактации и пользующееся кредитом со стороны последнего, уже не является классическим типом отношений простого товарного хозяйства: оно «перерождается» в социалистическое. А в условиях переходной экономики каждый новый производственный период должен сопровождаться усилением связи социалистического сектора с простым товарным и усилением социально-экономической зависимости последнего от первого. Следовательно воспроизводство материальных благ в наших условиях сопровождается не воспроизводством отношений простого товарного производства, а, наоборот, постепенным отмиранием таковых, постепенным развертыванием процесса социалистической переделки основной массы хозяйств простых товаропроизводителей. Поскольку хозяйства простых товаропроизводителей связываются с социалистическим сектором, способствуют его укреплению и развитию и вместе с тем сами развиваются под все усиливающимся влиянием с его стороны, они становятся фактором социалистического накопления, фактором воспроизводства социалистических отношений. Производимые в их хозяйствах материальные блага сопровождаются не упрочением отношений простого товарного производства, не воспроизводством их, а, наоборот, постепенным устранением черт простого товарного хозяйства и усилением социалистических тенденций. На основании этого и возможно считать, что в настоящее время основная часть мелкотоварных хозяйств в той или иной форме и степени входит в процесс воспроизводства социалистических отношений. Однако этот процесс воспроизводства социалистических отношений характеризуется не отношениями развитого социалистического общества. О воспроизводстве социалистических отношений здесь речь идет в том смысле, что определенная часть крестьянства и кустарей находится под влиянием социалистической промышленности, благодаря чему сама подвергается социалистической переделке и вместе с тем стимулирует развитие социалистической промышленности.

Но мелкотоварное производство вследствие своей двойственной природы может связываться не только с социалистическим, но и с капиталистическим сектором. Несомненно, что в условиях диктатуры пролетариата у социалистического сектора имеется несравненно больше возможностей, чем у капиталистического, в деле распространения своего влияния на простое товарное производство. И вместе с тем социалистический сектор не был в состоянии сразу увязаться со всей многомиллионной массой крестьянства и кустарей и, главное, не был в состоянии сразу установить с ними достаточно прочную связь. Это обстоятельство и давало возможность капиталистическим элементам создавать, а временами и расширять, свою сферу капиталистического накопления. Поскольку крестьянское хозяйство не увязывается (или недостаточно тесно увязывается) с социалистическим сектором и вместе с тем остается товарным хозяйством, оно вступает в хозяйственную связь с капиталистическим сектором. Но хозяйственная связь простого товарного сектора с капиталистическим неизбежно происходит в форме экономической зависимости от него, в форме эксплоатации. Следовательно, поскольку элементы простого товарного производства не включаются в сферу воспроизводства социалистических отношений, они становятся фактором воспроизводства капиталистических отношений. Воспроизводства отношений простого товарного производства, как таковых, в этом случае также не происходит. Здесь также происходит отрицание отношений простого товарного хозяйства, но уже путем внедрения в него моментов капиталистической эксплоатации.

Но в каком смысле можно говорить о воспроизводстве капиталистических отношений?

Здесь прежде всего необходимо видеть существеннейшее отличие характера капиталистической тенденции воспроизводства у нас от отношений капиталистического строя. Совершенно ясно, что условия непосредственной эксплоатации рабочей силы при диктатуре пролетариата коренным образом отличаются от условий существующих в капиталистическом обществе. О свободной конкуренции и свободном переливании капитала и говорить не приходится. Закон стоимости — основа основ капиталистического строя — не может быть регулятором в капиталистическом секторе нашей экономики. Капиталистическая тенденция воспроизводства в нашей экономике не может полностью совпадать с отношениями капиталистического строя, так как она действует в условиях развивающегося процесса воспроизводства социалистических отношений.

Капиталистический сектор, если судить по той части производительных сил, которая составляет его производственное содержание, занимает совершенно ничтожное положение. Капиталистическая тенденция воспроизводства в целом (т. е. капиталистический сектор во взаимодействии с подчиненной ему частью сектора простого товарного производства) также по своему значению ни в какое сравнение не может итти с процессом воспроизводства социалистических отношений. Основные решающие средства производства сконцентрированы в социалистическом секторе. Социалистическому сектору принадлежит ведущая роль во всем общественном производстве. Поэтому развитие нашего хозяйства сопровождается постоянным уменьшением удельного значения капиталистической тенденции.

Таким образом, если борьба двух противоположных экономических тенденций является законом переходной экономики, то с неменьшим правом основным законом переходной экономики следует также считать обязательность победы социалистического типа воспроизводства над капиталистическим. Это — две части основного закона движения переходной экономики. Ниже — в главе о кризисах — мы специально остановимся на том, что именно благодаря действию второй части этого основного закона наша хозяйственная система обладает целостностью, несмотря на непримиримые противоречия между двумя борющимися экономическими тенденциями. Но решающая роль процесса воспроизводства социалистических отношений ни в какой мере не может избавить нас от необходимости учитывать наличие капиталистической тенденции развития. Наоборот, игнорирование наличия в нашей экономике двух противоположных тенденций равносильно игнорированию ее переходного характера. Основная особенность переходной экономики в том именно и состоит, что за влияние на характер развития производительных сил идет борьба между социалистическим и капиталистическим типами воспроизводства и от того «кто кого опередит» зависит судьба социализма.

В капиталистическом обществе проблемы «кто кого» нет, несмотря на то, что различные докапиталистические формации в нем имеются. Объясняется это тем, что, несмотря на наличие элементов докапиталистических формаций, капиталистические отношения полностью овладели системой производительных сил. В противоположность переходной экономике, там у капиталистических отношений господства над системой производительных сил никто не оспаривает. Докапиталистические формации не противопоставляют капитализму свои тенденции,

а полностью подчиняются его законам, становясь придатком, не только не мешающим, но способствующим развитию капиталистических отношений. Поскольку докапиталистические формации не ограничивают законов капитализма, а лишь усложняют форму их проявления, Маркс и считал необходимым при изучении законов капиталистического хозяйства абстрагироваться от докапиталистических формаций. Маркс при анализе проблемы воспроизводства исходил из чистого капитализма, в котором производительные силы развиваются в оболочке единообразной капиталистической системы производственных отношений, и следовательно воспроизводству материальных благ соответствует воспроизводство капиталистических (и только капиталистических) отношений.

Можем ли мы при изучении нашей экономики абстрагироваться от капиталистического сектора на том основании, что он по размерам объединяемых им производительных сил играет у нас не бо́льшую роль, чем при капитализме играло простое товарное производство? Вряд ли имеется необходимость доказывать невозможность утвердительного ответа на этот вопрос.

Но недопустимость абстрагирования от капиталистического сектора будет понятной только в том случае, если мы считаем, что последний оказывает определенное влияние на характер закономерностей переходной экономики.

Капиталистический сектор, несмотря на совершенно ничтожные размеры непосредственно сосредоточенных в нем производительных сил, оказывается способным влиять на характер закономерностей нашей экономики, потому что он существует в условиях громадного удельного значения мелкотоварной крестьянской экономики, частичное влияние над которой ему удается отвоевывать у социалистического сектора. Другими словами, можно сказать, что известные права в нашей экономике капиталистическому сектору удается отвоевывать потому, что мелкотоварное производство дает ему возможность создать определенную тенденцию воспроизводства капиталистических отношений. Правда, эта тенденция незначительна по сравнению с процессом воспроизводства социалистических отношений, кроме того она по мере развития нашего хозяйства систематически суживается и в конце концов совершенно исчезнет.

На основе успехов пройденных лет нэпа мы сейчас уже можем практически ставить вопрос о ликвидации кулака как класса. Это означает, что мы сейчас уже вплотную подошли к последнему ряду битв за превращение переходной экономики

в социалистическую. Но на этом основании игнорировать капиталистический сектор при анализе закономерностей нашей экономики — значит игнорировать качественные особенности переходного периода.

Специфичность переходной экономики в том и состоит, что единый процесс воспроизводства материальных благ происходит в оболочке трех основных укладов, которые в процессе взаимодействия превращаются в две непримиримо враждебные системы воспроизводства производственных отношений с решающим преобладанием одной — социалистической.

Наличие трех основных секторов в нашей экономике для марксистов является бесспорным фактом. Однако неправильное понимание процесса взаимодействия этих секторов с неизбежностью приводит к коренным ошибкам при анализе закономерностей переходной экономики. Троцкизм исходит из того, что социалистическое накопление, т. е. воспроизводство социалистических отношений, происходит лишь в сфере социалистического сектора. Процесс воздействия социалистической промышленности на простое товарное производство троцкизм не рассматривает как часть общего процесса расширенного воспроизводства социалистических отношений, вследствие чего единственной формой участия крестьянского хозяйства в социалистическом накоплении считается перекачка средств из него в социалистический сектор. Троцкизм следовательно не видит разницы между социалистическим сектором и процессом воспроизводства социалистических отношений. Правые оппортунисты делают противоположную ошибку. Они, наоборот, исходят из того, что социалистический сектор может постепенно переделать не только простое товарное, но и капиталистическое хозяйство. Если троцкизм рассматривает простое товарное хозяйство как капиталистическое, то правые оппортунисты рассматривают капиталистическое хозяйство как простое товарное. Утверждая, что кулак врастет в социализм, правые по существу исходят из того, что в нашей экономике имеет место единый тип воспроизводства производственных отношений.

С абсолютной ясностью этот вопрос поставлен XVI партконференцией:

«Сохранят ли крестьянские массы верность союзу с рабочим классом или они дадут буржуазии разъединить себя с рабочими зависит от того, по какому пути пойдет развитие сельского хозяйства — по социалистическому или по капиталистическому — и, сообразно с этим, кто будет руководить развитием хозяйства — кулак или социалистическое государство».

В приведенных строках прежде всего дается четкая уста-

новка на счет специфичности положения крестьянского хозяйства в эпоху диктатуры пролетариата как объекта борьбы двух противоположных секторов. Но особенно важной с точки зрения рассматриваемого нами вопроса является вторая часть цитаты. Здесь с совершенной ясностью говорится, что развитием сельского хозяйства будет руководить либо социалистическое государство, либо кулак, т. е. что в нашей экономике нет базы для воспроизводства отношений простого товарного хозяйства.

В трехсекторном хозяйстве борются таким образом две диаметрально противоположные экономические тенденции, из которых одной принадлежит решающий перевес.

XVI партконференция заседала в обстановке успешного наступления на капиталистические элементы. И несмотря на то, что непосредственно в капиталистическом секторе сконцентрирована совершенно незначительная часть нашей системы производительных сил, XVI партконференция резко подчеркнула, что кулак является определенной силой, противостоящей социалистическому государству. Причем конференция подчеркнула, что сила кулака обусловливается мелкотоварным характером нашей деревенской экономики, делающей возможным образование сферы капиталистического накопления, выходящей за пределы чисто капиталистического сектора.

Этого вопроса касается т. Сталин в своем выступлении на конференции аграрников-марксистов.

«Вы, конечно, знаете, что среди коммунистов все еще имеет хождение так называемая теория «равновесия» секторов нашего народного хозяйства. Теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом. Однако она, эта самая теория, пропагандируется рядом наших товарищей из лагеря правых. По этой теории предполагается, что мы имеем прежде всего сектор социалистический, — это своего рода ящик, — и мы кроме того имеем сектор несоциалистический, если хотите — капиталистический, — это другой ящик. Оба эти ящика лежат на различных рельсах и мирно катятся вперед, не задевая друг друга. По геометрии известно, что параллельные линии не сходятся. Однако авторы этой замечательной теории думают, что когда-нибудь эти параллели сойдутся, и когда они сойдутся, у нас получится социализм. При этом теория эта упускает из виду, что за так называемыми «ящиками» стоят классы, а движение этих «ящиков» происходит в порядке ожесточенной классовой борьбы, борьбы на жизнь и смерть, борьбы по принципу «кто кого» (Разрядка наша. — *И. Б.*).

Антиленинские установки правых оппортунистов в том именно и состоят, что они провозглашая возможность врастания кулака в социализм, на деле способствуют врастанию середняка в капитализм. Не видя, что имеется только два

пути воспроизводства производственных отношений, пытаясь все время найти какой-то третий несуществующий путь, они объективно способствуют капиталистическому пути развития.

«Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодного расширенного воспроизводства, но наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, не способное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах—на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства. Где же выход? Выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству и преобразовать таким образом сельскохозяйственную базу народного хозяйства. Но как его укрупнить? Для этого существуют два пути. Существует путь капиталистический, состоящий в укрупнении сельского хозяйства посредством насаждения в нем капитализма, путь ведущий к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Этот путь отвергается нами, как путь, несовместимый с советским хозяйством. Существует другой путь, путь социалистический, состоящий в насаждении колхозов и совхозов в сельском хозяйстве, путь ведущий к объединению мелкокрестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные техникой и наукой, и к вытеснению капиталистических элементов из земледелия. Мы стоим за этот второй путь. Либо один путь, либо другой путь. Либо назад — к капитализму, либо вперед — к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть. Теория «равновесия» есть попытка наметить третий путь. И именно потому, что она рассчитана на третий (не существующий) путь, она является утопичной, антимарксистской» (Сталин).

Отрицание наличия в нашей экономике двух типов воспроизводства равносильно признанию равновесия секторов в нашем хозяйстве, равносильно отрицанию ленинской проблемы «кто кого». Обязательность победы социалистического типа воспроизводства ни в какой мере не означает ликвидации проблемы «кто кого». От правильного понимания этого вопроса зависит решение вопроса о противоречиях переходной экономики.

Подведем итог. Так же как и при любой другой экономической формации, интересы расширенного воспроизводства у нас требуют, чтобы постоянно имело место превращение части общественного дохода в средства производства и чтобы при этом сохранялась соответствующая пропорциональность между отраслями производства.

Но этот процесс у нас происходит в своеобразной эконо-

мической оболочке. Он не встречает препятствий со стороны капиталистических противоречий, но вместе с тем он не свободен от препятствий. Последние образуются своеобразием экономики переходного периода, они исходят из специфического противоречия переходной экономики. Основное противоречие нашей экономики изображено ленинской формулой «кто кого». Оно состоит следовательно в том, что единая система производительных сил развивается в форме двух борющихся экономических тенденций при наличии принципиальной обязательности победы социалистической тенденции.

В главе о проблеме кризисов нам предстоит доказать, что, при условии постоянной победы социалистической тенденции в нашей экономике над капиталистической, наше хозяйство будет бескризисно развиваться как целостный хозяйственный организм и, наоборот, что победа капиталистической тенденции неизбежно сопровождалась бы разрывом хозяйственных связей, нарушением целостности хозяйственного организма, т. е. специфическим, присущим только переходной экономике, кризисом. Нам предстоит там доказать, что борьба социалистического и капиталистического типов воспроизводства производственных отношений при принципиальной обязательности постоянной победы первого является тем противоречием внутри единой хозяйственной системы переходного периода, которое стимулирует развитие переходной экономики в социалистическую.

* * *

Специально вопросу о воспроизводстве в нашем хозяйстве посвящена вышедшая в 1927 г. статья Е. Преображенского [1]. Эта работа представляет собою попытку использования марксовых схем воспроизводства при анализе процесса воспроизводства в нашем хозяйстве. Самую попытку использования схем Маркса при анализе воспроизводства в нашем хозяйстве можно только приветствовать. Но выше мы видели, что плодотворное использование марксова наследства в этой области возможно только в случае правильного учета отличительных особенностей переходной экономики. А этого-то в работе Преображенского и нет. Неправильная оценка структуры нашей экономики дает себя чувствовать на протяжении всей его работы о воспроизводстве. Остановимся сначала на некоторых методологических моментах.

[1] Хозяйственное равновесие в системе СССР. «Вестник Комакадемии» № 22.

Е. Преображенский считает необходимым при анализе проблемы воспроизводства абстрагироваться от капиталистических элементов в нашем хозяйстве и вместе с тем не считать возможным абстрагироваться от неэквивалентного обмена. Эта особенность его подхода к проблеме наложила решающий отпечаток на все его выводы. Необходимость абстрагирования от капиталистических элементов аргументируется следующим образом:

«Анализ условий равновесия в системе советской экономики теперешнего периода делает необходимым деление хозяйства на три сектора: а) сектор государственного хозяйства; б) сектор частнокапиталистического хозяйства; в) сектор простого товарного производства. Однако часто характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным вместе взятым, поскольку два последних сектора представляют из себя объединенный круг всего частного хозяйства вообще, и отсутствие нужных цифр о капиталистическом секторе делает при конкретном изучении воспроизводства единственно возможным именно деление на два сектора» [1].

Таким образом в начале цитаты указывается, что анализ условий равновесия «делает необходимым» деление нашего хозяйства именно на три сектора; сразу за этим следует указание, что капиталистический сектор и товарный сектор «представляют из себя объединенный круг всего частного хозяйства», а в заключение утверждается, что ввиду отсутствия нужных цифр о капиталистическом секторе при конкретном анализе воспроизводства оказывается невозможным «деление хозяйства на три сектора» и приходится смешивать в одно сектор капиталистический и сектор простого товарного производства.

Действительно ли необходимо деление нашего хозяйства на три сектора, если простой товарный и капиталистический сектор «представляет из себя объединенный круг всего частного хозяйства»? А если, несмотря на это, анализ условий равновесия в нашем хозяйстве все же требует деления его на три сектора, то можем ли мы считать хоть в какой-нибудь мере удовлетворительными результаты того конкретного изучения воспроизводства, при котором исследователь абстрагируется от одной из трех составных частей изучаемого процесса? Бесспорно конечно, что отсутствие цифр при конкретном анализе является чрезвычайно существенным обстоятельством, однако находить выход из положения путем сбрасывания со счетов целого класса вряд ли допустимо, да еще при конкретном анализе воспроизводства. Цифр, особенно достаточно удовлетворительных, может действительно не оказаться, но от этого

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 24.

капиталистические элементы не перестанут ни существовать, ни оказывать влияния на процесс воспроизводства. Думаем, что тот конкретный анализ воспроизводства, который учтет все имеющиеся цифры, но не учтет воздействия, оказываемого капиталистическими элементами на процесс воспроизводства, вряд ли может претендовать на плодотворность.

Однако если при конкретном анализе воспроизводства нельзя отвлекаться от капиталистических элементов, то может быть такое отвлечение допустимо при абстрактном анализе этой проблемы? Марксистский метод не только допускает, но подчас и требует отвлечения от весьма существенных явлений и даже от целых классов.

Однако нужно ли доказывать, что такое абстрагирование допустимо не на любой ступени анализа и что исследователь, желающий правильно применить марксов метод абстракции, прежде всего обязан помнить, что определенной ступени анализа данной общественной формации должна строго соответствовать определенная глубина абстракции.

Выше мы старались показать, что наличие капиталистических элементов оказывает качественное влияние на характер воспроизводства в нашем хозяйстве, что именно им обязано наше хозяйство своеобразной раздвоенностью процесса воспроизводства. Абстрагироваться от капиталистических элементов— значит абстрагироваться от этой раздвоенности, т. е. от основной отличительной черты «советского» воспроизводства. Преображенский же, — правда чрезвычайно своеобразно, — абстрагируется от капиталистических элементов. Он стирает разницу между ними и представителями простого товарного производства, объединяет их в одно целое, заявляя, что «два последних сектора представляют из себя объединенный круг всего частного хозяйства». Он таким образом абстрагируется от тех моментов, которые отличают сектор простого товарного хозяйства от капиталистического сектора. Вместо того чтобы рассмотреть, каким образом происходит в процессе расширенного воспроизводства борьба за простое товарное производство Преображенский зачисляет простое товарное хозяйство в один «объединенный круг» с капиталистическим хозяйством и следовательно строит такую схему, которая могла бы соответствовать действительности только в случае полной победы капиталистических элементов над социалистическими. Основные проблемы, возникающие на почве борьбы двух противоположных полюсов за простое товарное хозяйство, с поля зрения Преображенского исчезают, и остается только одна — проблема неэквивалентного товарообмена. Неправильно разде-

лив нашу экономику на государственный сектор и противостоящий ему товарно-капиталистический сектор, т. е. отождествив простое товарное производство с капиталистическим, Преображенский упростил проблему воспроизводства до проблемы неэквивалентного обмена.

Ввиду того что Маркс при анализе воспроизводства в капиталистическом хозяйстве от неэквивалентного обмена абстрагируется, Преображенский считает необходимым в параграфе «Предварительные замечания» специально обосновать целесообразность производимого им включения проблемы неэквивалентного обмена в анализ воспроизводства в нашем хозяйстве. Он считает в данном случае возможным не следовать точно за Марксом ввиду того, что в капиталистическом хозяйстве неэквивалентность обмена представляет собою отклонение от нормы, в то время как в нашем хозяйстве, наоборот, — нормальное явление. Нужно признать, что этот аргумент сам по себе не может конечно служить достаточным основанием для включения неэквивалентности обмена в теоретический анализ воспроизводства, ибо Маркс в своей теории воспроизводства абстрагировался не только от временных отклонений, но и от целого ряда чрезвычайно существенных составных частей капиталистической экономики. Достаточно вспомнить, что Маркс в своей теории воспроизводства абстрагируется от таких явлений, как кредит, закон средней нормы прибыли, обособление торгового капитала; известная закономерность в нашем хозяйстве неэквивалентного обмена сама по себе еще не может служить основанием для включения этой проблемы в анализ воспроизводства.

Но дело не в том, что Преображенский не обосновал этого включения, а в том, что если бы он абстрагировался от неэквивалентного обмена, то ему нечего было бы сказать по вопросу о воспроизводстве. Как нельзя ничего сказать о капиталистическом воспроизводстве, абстрагировавшись от прибавочной стоимости, точно так же ничего невозможно понять и в нашем воспроизводстве, если отвлечься от того обстоятельства, что за влияние на простое товарное хозяйство ведется борьба между социалистическими и капиталистическими элементами. Нет поэтому абсолютно ничего удивительного в том, что теория воспроизводства Преображенского представляет собою не что иное, как только цифровую формулировку его закона первоначального социалистического накопления и к тому же формулировку очень неполную.

Теснейшая связь и зависимость теории воспроизводства и теории регулятора конечно совершенно обязательны; однако

когда получается так, что в теории воспроизводства повторяется абсолютно то же самое, что говорилось в теории регулятора, и для разнообразия приводятся только ничего нового не говорящие, но очень запутанные арифметические выкладки, то такую «связь» вряд ли можно признать положительным явлением.

Вся теория воспроизводства Преображенского состоит из формулировки семи условий равновесия в советском хозяйстве. Попытаемся при помощи рассмотрения каждого из них доказать правильность только что выдвинутых против этой теории обвинений.

Первое условие равновесия Преображенский формулирует следующим образом:

«Мы приходим таким образом к первому выводу огромнейшего значения, а именно к следующему. При наличии разрыва между мировыми промышленными ценами и внутренними промышленными ценами в хозяйстве СССР, т. е. когда внутренние цены советской промышленности гораздо выше мировых цен, хозяйственное равновесие, обеспечивающее расширенное воспроизводство в государственном секторе, может существовать только на базе неэквивалентного обмена с секторами частного производства»[1].

Этот свой вывод «огромнейшего значения» Преображенский доказывает следующим образом. Он берет в качестве условия, что цены в нашем хозяйстве вдвое превышают мировые цены. Исходя из этих высоких цен, он строит цифровой пример, который изображает равновесие в нашем хозяйстве. Этот пример он считает формулировкой равновесия при неэквивалентном обмене, так как положенные в основу его построения цены вдвое превышают мировые цены. Считая, что таким образом разрешается проблема равновесия при неэквивалентном обмене, Преображенский переходит к рассмотрению вопроса о равновесии при эквивалентном обмене. Для этой цели он берет тот же цифровой пример и производит в нем снижение промышленных цен до уровня мировых промышленных цен, т. е. в два раза.

В результате конечно получается резкая диспропорция, что и оказывается с точки зрения Преображенского достаточным основанием для утверждения о том, что первым условием равновесия в нашем хозяйстве является неэквивалентный обмен.

---

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 37. Разрядка автора.

Нужно ли доказывать, что таким образом не менее легко «обосновать» необходимость для сохранения равновесия любого соотношения цен, в том числе и необходимость эквивалентного обмена. Для этого нужно будет только построить такой цифровой пример, в котором равновесие установлено на основе мировых промышленных цен, а потом предположить, что промышленные цены внезапно повысились вдвое.

Таким образом разобранное «первое условие равновесия» является лишь крайне неудачной попыткой лишний раз обосновать правильность закона первоначального социалистического накопления.

В своем шестом условии равновесия Преображенский снова возвращается к этому вопросу и на этот раз уже с точки зрения отрицательного влияния неэквивалентного обмена на товарность сельского хозяйства. На этот раз следовательно неэквивалентность обмена выступает как фактор, срывающий бесперебойное воспроизводство. Получается таким образом, что в первом условии равновесия неэквивалентность обмена рассматривалась как необходимое условие равновесия, а в шестом условии она рассматривается как условие нарушения равновесия. Из этого противоречия автор пытается выйти следующим заявлением:

«В последнем случае (в случае снижения цен. — *И. Б.*) дело должно итти не об искусственном снижении накопления в этих отраслях, а на основе снижения действительной себестоимости благодаря переоборудованию технической базы и вследствие рационализации производства» [1].

И дальше:

«Только после завершения этого процесса государственное хозяйство в состоянии развить, как мы уже неоднократно повторяли, все преимущества, которые обеспечивают коллективное производство над капиталистическим» [2].

Оказывается таким образом, что между реализацией первого условия равновесия и шестого условия равновесия существует разница во времени: до производства переоборудования технической базы нашей промышленности условием равновесия должен быть неэквивалентный обмен, после же этого, наоборот, — эквивалентный обмен. Однако такое решение проблемы есть не что иное, как увертка от решения.

Когда произойдет переоборудование технической базы нашей промышленности, тогда проблема неэквивалентного обмена будет снята, так же как будут сняты и все основные труд-

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 66.
[2] Там же, стр. 68.

ности, вытекающие из реконструктивного характера переживаемого периода. Речь идет о неэквивалентном обмене именно в реконструктивный период. С одной стороны, задача индустриализации страны требует известного минимума накопления и следовательно определенного уровня цен — в этом смысле (а отнюдь не по той причине, которую указывает Преображенский в своем первом условии) известная неэквивалентность обмена является условием расширенного воспроизводства; с другой стороны, эта же мера ухудшает на время реконструктивного процесса связь государственной промышленности с крестьянским хозяйством и улучшает положение, усиливает шансы капиталистического типа воспроизводства. Противоречивость нашей экономики в том и состоит, что интересы расширенного воспроизводства требуют сохранения на известный период неэквивалентного обмена, который в то же время является фактором, препятствующим расширенному воспроизводству, поскольку он в данный момент облегчает расширение капиталистического типа воспроизводства. В этом противоречии дано одновременно и условие сохранения равновесия и условие нарушения равновесия. Преображенский же эту единую проблему разбивает на два самостоятельных условия равновесия, между которыми он располагает еще четыре самостоятельных условия равновесия.

Вторым условием равновесия Преображенский считает необходимость определенного темпа накопления в государственной промышленности. Вообще говоря, этот вопрос является основным вопросом проблемы воспроизводства. Однако, поскольку у Преображенского отсутствует правильный классовый анализ нашей экономики, у него этот действительно громадной важности вопрос сводится лишь к проблеме чисто рыночного равновесия и решается исключительно под углом зрения рыночного равновесия.

Недонакопление в государственном секторе, предположим, в 300 млн. руб. будет означать недопроизводство на 360 млн. руб., если считать, что 60 млн. будет равняться прибавочный продукт. Если учесть, что доля частного сектора в реализации продукции государственного сектора равна 25%, то произойдет сокращение продукции, реализуемой в частном секторе, на 90 млн. руб., а

«...это будет означать то хорошо знакомое нам явление, которое мы называем товарным голодом. Если из этих 90 млн. руб. две трети относятся к средствам потребления государственного производства, то неудовлетворение платежеспособного спроса частного, прежде всего крестьянского, хозяйства приведет к принудительному сокращению индивидуального потребления в деревне продуктов легкой государ-

ственной промышленности, к замене фабричной продукции домашней, кустарной, т. е. к увеличению переработки сырья (кожа, шерсть, лен, пенька) первобытными домашними способами, т. е. к задержке экономического развития на этом участке. Во-вторых, это приведет к воздержанию крестьянства от продаж своей продукции для экспорта и к увеличению внутрикрестьянского потребления собственных продуктов питания. В-третьих указанная диспропорция усилит расхождение между розничными и оптовыми ценами в торговой сети, прежде всего в частноторговом обороте. Что же касается остающейся одной трети, состоящей из неудовлетворенного спроса на средства производства, то, при невозможности кустарной выплавки металла, при невозможности кустарного производства сложных сельскохозяйственных машин и т. д., диспропорция будет иметь гораздо более вредные последствия, лишая возможности крестьянское хозяйство увеличивать в условиях расширенного воспроизводства необходимое ему количество машин, инвентаря и других средств производства. И в том и в другом подразделении мелкобуржуазного сектора повторные явления товарного голода будут неизбежно приводить к воздержанию от продажи части крестьянской продукции, поскольку за этими продажами не может следовать закупок, и к появлению знакомого уже нам явления накопления нереализуемых натуральных запасов в крестьянском хозяйстве. Означенную диспропорцию может смягчить только денежное накопление в крестьянском хозяйстве, вообще возможное только или при стабильности валюты или при росте покупательной способности денег вследствие понижения цен. Однако само собой ясно, что такое накопление, поскольку оно соответствует той части резервов крестьянского хозяйства, которая должна была бы превратиться в средства производства, изготовляемые государственным сектором, неизбежно означает искусственную задержку процесса расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве в сравнении с имеющимися в самом этом крестьянском хозяйстве возможностями» [1].

С темпом накопления в промышленности действительно связана судьба всех отраслей народного хозяйства. Влияние накопления в государственной промышленности на условия развития крестьянского хозяйства должно быть в центре внимания при анализе воспроизводства. Однако зависимость, сформулированная Преображенским, чрезвычайно далека от той, которая существует в действительности. Предположим, что рассматриваемое Преображенским уменьшение накопления в государственном секторе произошло вследствие снижения налога на крестьянство или вследствие увеличения государственных ссуд сельскому хозяйству. Предположим далее, что сокращение накопления коснется исключительно капитального строительства и в данный период не вызовет сокращения предложения ни средств потребления, ни средств сельскохозяйственного производства. Тогда в данный период, вопреки цифровым выкладкам Преображенского, недонакопле-

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 38.

ние в государственной промышленности не вызовет ни сокращения предложения крестьянской продукции, ни деградации крестьянского хозяйства. Правда, это будет означать коренное изменение курса экономической политики и через некоторое время заставит (однако совсем не в той форме, как пишет Преображенский) государство во избежание кризиса итти на расширение связи с мировым хозяйством и на уступки в отношении пользования иностранным долгосрочным кредитом. Можно ли итти на эти уступки? До каких пределов можно на них итти? Что должно служить критерием при установлении этого предела? На эти вопросы конечно нет ответа у Преображенского. На них возможно дать правильный ответ только исходя из правильного классового анализа нашей экономики. При ответе на них исходным пунктом должен служить учет интересов борьбы государственного сектора за отрыв простого товарного хозяйства из-под влияния капиталистического, ибо, как выше указывалось, связь с мировым хозяйством необходимо рассматривать под углом зрения этой борьбы. Поскольку же Преображенским правильного классового анализа не сделано, поскольку основной социально-экономической проблемы им не поставлено, естественно, что и вопрос о темпе накопления государственной промышленности решается им как проблема увязки отраслей, а не как проблема борьбы классов.

Вопрос об определенном темпе накопления является, повторяем, основным вопросом воспроизводства. Низкий технический уровень нашей промышленности в условиях капиталистического окружения и громадного удельного веса мелкобуржуазной экономики внутри страны требует быстрого темпа индустриализации, а следовательно и накопления. Недонакопление и замедление темпа индустриализации усиливает влияние капиталистических элементов на простое товарное хозяйство, и таким путем может нарушить процесс воспроизводства, привести к кризису. Следовательно известный уровень накопления действительно является необходимым условием нормального расширенного воспроизводства. В этом смысле Преображенский прав. Однако его аргументация ничего не в состоянии доказать, ибо он пытался этот вопрос решить не путем анализа основного внутреннего противоречия нашей экономики, т. е. не путем учета условий борьбы двух противоположных экономических тенденций, а с точки зрения непосредственно-рыночного равновесия. Только при правильной постановке вопроса, учитывающей весь классовый переплет, на фоне которого происходит расширенное воспроизводство, возможно решить вопрос о темпе накопления.

«Рассмотрим теперь тот же вопрос, но с другого конца: рассмотрим то, что некоторые экономисты, проводя некритическую аналогию между советской системой и капитализмом и впадая в мелкобуржуазную обывательщину, склонны были одно время называть перенакоплением в государственной промышленности и забеганием промышленности вперед» [1].

Вслед за этой цитатой приводятся три случая так называемого перенакопления, из коих два являются результатом ошибок планирования, а третий обусловлен объективными трудностями реконструктивного периода. Так как случаи нарушения, вызванные ошибками планирования, не могут представлять интереса при теоретическом анализе воспроизводства, мы остановимся только на третьем случае.

Здесь имеется в виду случай, когда —

«...переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что все это задержит рост потребительского фонда населения и при наличии товарного голода приостановит процесс снижения цен» [2].

Образовавшаяся таким образом диспропорция является результатом объективных трудностей:

«В данном случае мы будем иметь перед собой не столько ошибку в построении плана, сколько естественный результат перехода от так называемого восстановительного процесса к реконструктивному.

Мы будем иметь перед собой естественные последствия такого положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными провалами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства» [3].

Далее Преображенский останавливается на том влиянии, которое происшедшее обострение товарного голода оказывает на сельское хозяйство:

«Если не говорить о политических затруднениях этого периода, то вредные экономические последствия такого развертывания государственного хозяйства сведутся прежде всего к тому, что в крестьянском хозяйстве будет задержано производство экспортных культур, а производство технических культур окажется ниже тех запросов, которые предъявит к нему быстрое развертывание легкой государственной промышленности. Это последнее затруднение для нашего хозяйства еще в основном впереди, тогда как искусственное сокращение крестьянского экспорта уже имеется налицо» [4].

---

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 39.
[2] Там же, стр. 41.
[3] Там же, стр. 41.
[4] Там же, стр. 41—42.

Приведенные цитаты как будто бы свидетельствуют о том, что Преображенский видит действительные трудности воспроизводства, вытекающие из реконструктивного характера переживаемого периода. Объективная необходимость усиленного капитального строительства, неизбежность обострения на первых порах реконструктивного процесса товарного голода, наконец опасность ослабления смычки государственной промышленности с крестьянством, — все это, если судить по приведенным цитатам, как будто ясно Преображенскому. Однако разрешает он эту проблему следующим образом:

«С точки зрения общего поступательного движения государственного хозяйства рассматриваемый случай будет означать не кризис перенакопления и перепроизводство в точном смысле, а лишь материальную невозможность гармонически уложить развертывание всех сторон расширенного воспроизводства в о в р е м е н и» [1].

Если автору угодно центр тяжести перенести на терминологическую сторону вопроса, то мы не станем с ним спорить. Пусть рассматриваемый случай нарушения является не результатом перенакопления на одном участке государственной промышленности, а, наоборот, результатом недонакопления во всей государственной промышленности. Однако вторая часть цитаты, в которой автор ограничивается успокоением себя и других тем, что в данный момент иначе быть не может, а что после завершения технической реконструкции промышленности исчезнут все эти трудности, нам представляется по меньшей мере неудовлетворительной.

В своем втором условии равновесия Преображенский описал некоторые трудности, стоящие на пути воспроизводства, но тут же от них отмахнулся.

Вообще же относительно второго условия следует сказать, что поставленная в нем проблема полностью совпадает с той, которая ставится первым и шестым условием равновесия. Как там, так и здесь речь идет об урезке дохода части крестьянства в пользу увеличения основного капитала промышленности. Эта урезка является абсолютно необходимой для победы социалистического типа воспроизводства над капиталистическим и следовательно для нормального процесса воспроизводства. Однако она же затрудняет смычку государственной промышленности с крестьянским хозяйством и, усиливая этим капиталистическую тенденцию, препятствует бесперебойному расширенному воспроизводству. Вопрос о темпе накопления и вопрос о неэквивалентном обмене являются таким образом проявлением

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 42.

одного и того же противоречия и представляют собой одну (а не три, как у Преображенского) проблему. Сделать из этой одной проблемы сразу несколько Преображенский смог только тем, что выхолостил из нее все социальное содержание и свел ее исключительно к отдельным техническим проблемам рыночного равновесия.

Однако поскольку рыночное равновесие может осуществляться только на определенной экономической основе и является лишь проявлением определенных экономических процессов, постольку неудивительно, что построения Преображенского оказываются не в состоянии объяснить действительность даже в том случае, если эту действительность брать исключительно в ее рыночных проявлениях.

Мы установили таким образом, что первое, второе и шестое условия равновесия трактуют по существу не о трех разных, а все об одном и том же противоречии. Теперь приходится отметить, что о том же самом речь идет и в четвертом условии равновесия.

Суть четвертого условия равновесия сам автор формулирует следующим образом:

«Если в советской экономике с II государственного сектора плюс с II частного сектора, минус средства производства, которые само второе подразделение объединенного частного сектора получает в своем собственном подразделении, равны v плюс непроизводительное потребление первого подразделения госсектора, плюс фонд потребления и фонд непроизводительного потребления первого подразделения объединенного [1] частного сектора, то: 1) при дефиците первого подразделения объединенного частного сектора на средства производства первого подразделения госсектора диспропорция может быть ликвидирована лишь на основе связи с мировым хозяйством; 2) потребительский фонд второго подразделения объединенного частного сектора в той его части, которая состоит из средств потребления легкой государственной промышленности, должен равняться той части v II г., т. е. той части фонда зарплаты второго подразделения госсектора, которая состоит из покупаемых на заработную плату средств потребления второго подразделения частного сектора, т. е. в огромной части из средств потребления крестьянского производства; 3) если внутренний обмен потребительского фонда второго подразделения объединенного частного сектора на соответствующую часть v II госсектора обнаруживает превышение спроса со стороны частного сектора, диспропорция может быть решена либо при помощи связи с внешним рынком, либо путем такого перераспределения национального дохода, которое дает ресурсы для добавочного развития второго подразделения госсектора, что предполагает однако еще более быстрое развитие тяжелой промышленности; 4) при невозможности решить диспропорцию

[1] Минус средства производства военной промышленности, как ясно из всего предыдущего изложения.

в хозяйстве указанными путями создается товарный голод во всем частном хозяйстве и на средства производства и на средства потребления, изготовляемые в государственном хозяйстве» [1].

Эту формулировку автор подвергает цифровой конкретизации. Он строит две пары подразделений соответственно двум секторам народного хозяйства (государственного и частнокапиталистического) и рассматривает обмен веществ, происходящий между этими секторами и их двумя подразделениями. Причем, так как автор стремится к тому, чтобы его цифровые выражения соответствовали действительным рыночным соотношениям, существующим в нашем хозяйстве, то, в результате произведенного им рассмотрения обмена веществ между секторами, получился вывод, что наиболее узким местом в процессе воспроизводства является наша тяжелая индустрия. Первое подразделение частного сектора предъявляет спрос на продукты первого подразделения государственного сектора в большем количестве, чем само ему продает. Спрос удовлетворяется не полностью. Образовавшийся дефицит может быть покрыт, во-первых, путем импорта оборудования для сельскохозяйственного производства и, во-вторых, путем сокращения непроизводительного потребления в первом подразделении государственного сектора. Но так как обе эти возможности ограничены вполне определенными и чрезвычайно узкими пределами, то этот дефицит остается существовать. Это обстоятельство оказывает отрицательное влияние на состояние отраслей первого подразделения частного сектора: происходит относительное сокращение производства технических культур и в особенности их товарности. Поскольку же технические культуры являются сырьем для легкой индустрии, то получается, что от недоснабжения первого подразделения частного сектора страдает и второе подразделение государственного сектора. Из всего этого Преображенский делает следующий вывод:

«Отсюда общая заинтересованность и легкой государственной промышленности и крестьянского производства технических культур в возможно более быстром накоплении в тяжелой промышленности, накоплении, которое должно все время предшествовать расширенному воспроизводству упомянутых отраслей» [2].

К такому же выводу Преображенский приходит, подходя к вопросу с другого конца — со стороны второго подразделения частного сектора. В этом подразделении тоже оказывается избыток его продукции и дефицит продукции государствен-

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 56—57.
[2] Там же, стр. 52.

ного сектора. Так же как и в предыдущем случае, недостаток продуктов государственной промышленности оказывает отрицательное влияние на условия развития соответствующих отраслей частного сектора.

«В итоге товарность сельского хозяйства в целом оказывается ниже того уровня, который объективно был бы возможен при более быстром развертывании советской промышленности даже при данных очень высоких ценах...

Отсюда другая диспропорция между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, для преодоления которой в теперешней обстановке нет иного выхода, кроме более быстрого развертывания государственной промышленности» [1].

Вот к чему по существу свелось четвертое условие равновесия: интересы всего народного хозяйства требуют быстрого развития тяжелой индустрии. Этот вывод является безусловно совершенно правильным, однако почему он является содержанием четвертого условия равновесия, а не первого, второго или шестого — непонятно. Первое условие равновесия ставит проблему неэквивалентного обмена, которую нельзя не только разрешать, но даже и сформулировать, отделивши ее от проблемы быстрого развития тяжелой индустрии. Мы уже не говорим о том, что в свое второе условие равновесия, и в частности в вопрос о недонакоплении, Преображенский включил не только те же мысли, что и в четвертое условие равновесия, но даже те же формулировки.

Не отличаясь от первого и второго условий по существу поставленных в них проблем, четвертое условие не отличается от них и по качеству разрешения этих проблем. Попрежнему автор не выходит за пределы отвлеченного рыночного равновесия. Стоит только изменить цифры, которые сами по себе автором совершенно не обоснованы, как вывод окажется совсем другим. Поэтому вся та грузная аппаратура цифр и схем, которыми в данном случае Преображенский оперирует, — поскольку взятые соотношения им не обоснованы, — представляется нам совершенно излишней. Необходимость быстрого роста тяжелой индустрии в таких доказательствах не нуждается. Зато вопрос об источниках этого роста, вопрос о соответствующем распределении национального дохода в интересах этого роста, вопрос о классовой борьбе, которая неизбежно на этой почве будет происходить, — эти вопросы, разрешение которых казалось бы с большим правом, чем всех остальных, следует считать основной задачей теории воспроизводства, в анализ Преображенского совершенно не входят.

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 55.

Для полноты остановимся вкратце и на остальных трех условиях равновесия. Третье условие равновесия Преображенский формулирует следующим образом:

«Итак мы приходим к выводу, что третьей предпосылкой равновесия нашей системы является максимальная связь с мировым хозяйством, построенная на совершенно особом характере нашего экспорта и импорта. В условиях общего недостатка собственного производства средств производства, особенно в условиях относительной недоразвитости тяжелой промышленности в сравнении с требованиями внутреннего государственного и частного рынка и в сравнении с необходимым общим темпом индустриализации страны, наш плановый импорт средств производства должен иметь такие размеры и должен быть так построен в своей натуральной части, чтобы служить так сказать автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства, не переставая быть источником накопления»[1].

Значит, во-первых, максимальная связь с мировым хозяйством и, во-вторых, такая организация импорта, которая превратила бы его в автоматический регулятор процесса расширенного воспроизводства. При обосновании этих двух выводов Преображенский совершенно справедливо указывает на то обстоятельство, что импорт оборудования чрезвычайно облегчает процесс расширенного воспроизводства и ускоряет процесс реконструкции промышленности. Если подходить к вопросу только с этой стороны, т. е. опять-таки только с точки зрения рыночного равновесия, то вывод о необходимости «максимальной связи с мировым хозяйством» окажется совершенно правильным. Однако нужно ли доказывать, что проблема связи с мировым хозяйством, при господстве капиталистических отношений во всех странах кроме нашей, при громадном удельном весе товарной стихии внутри нашей страны, при технической отсталости нашей промышленности, — выводит нас далеко за пределы чисто рыночного равновесия. Сказать, что импорт оборудования нам нужен и что он является «автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства» и ограничиться этим — значит ничего не сказать о действительно сложнейшей проблеме связи хозяйства диктатуры пролетариата с мировым капиталистическим хозяйством.

Однако если третье условие от всех рассмотренных выше методологически ничем не отличается, то в основу пятого и седьмого, наоборот, положен совершенно не тот принцип, который положен в основу всех остальных. Под номером пятым

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 47—48.

устанавливается, что необходимым условием равновесия является систематическое повышение заработной платы. Причем доказывается это положение не аргументами от рыночного равновесия, а необходимостью повышения культурного (в том числе и политического) уровня рабочего класса. В таком же роде оказывается и седьмое условие равновесия, где говорится о необходимости сокращения безработицы. В самой постановке вопроса в этих двух условиях мы ничего неправильного не видим. Наоборот, нам представляется, что познавательная ценность этих двух условий значительно выше, чем всех остальных, несмотря на то, что проблемы, содержащиеся в них, отнюдь не являются главными проблемами процесса воспроизводства.

Заслуживающим внимания нам представляется лишь то обстоятельство, что Преображенский вышел за пределы чисто рыночного анализа именно в этих двух случаях. В самом деле, почему с такой же точки зрения не поставить вопрос о кооперировании крестьянства как одном из обязательных условий равновесия? Нам думается, что собака здесь не глубоко зарыта: все семь условий равновесия направлены на обоснование необходимости неэквивалентного обмена. Поскольку вопрос о заработной плате автору смог пригодиться для этой цели, — он был включен в число «условий»; и наоборот: поскольку вопрос о кооперировании крестьянства оказался не в состоянии сослужить эту службу, — он подвергся забвению.

После того как мы рассмотрели познавательную ценность каждого из семи условий в отдельности, мы считаем целесообразным сделать в отношении их несколько общих замечаний.

Нами неоднократно отмечалось, что в своих условиях равновесия Преображенский анализирует чисто рыночные моменты, совершенно отвлекаясь от экономических процессов, лежащих в их основе. Но единый экономический процесс реализуется в большом множестве рыночных проявлений. Продукты труда различных отраслей выходят на рынок и приравниваются друг к другу как в смысле материальном, так и в смысле стоимостном; в результате соприкосновения продуктов различных отраслей образуются определенные цены; результатом определенного уровня цен являются определенные возможности накопления; это в свою очередь влияет на соотношение между отраслями, — все эти моменты являются не чем иным, как суммой различных рыночных проявлений единого экономического процесса, полностью определяющего характер этих проявлений.

Что нужно класть в основу анализа условий равновесия

расширенного воспроизводства — происходящий хозяйственно-экономический процесс или рыночные формы его проявления? Почему Маркс в своих схемах расширенного воспроизводства отвлекся от цен и оперировал стоимостью; отвлекся от средней нормы прибыли и оперировал прибавочной стоимостью; отвлекся от кредита и исходил из непосредственной купли-продажи, и т. д.? Преображенский абстрагирование Марксом от колебания цен вокруг стоимости объясняет тем, что в капиталистическом хозяйстве цены товаров тяготеют к их стоимости. Нужно ли доказывать абсолютную несерьезность этого аргумента? Он свидетельствует лишь о том, что его автор абсолютно игнорирует особенность того метода, которым пользовался Маркс при анализе расширенного воспроизводства. Маркс в теории воспроизводства анализировал не рыночные проявления, а то, что лежит в их основе: хозяйственный процесс в его определенном социально-экономическом оформлении.

Не поняв этого, Преображенский и сводит весь свой анализ к анализу чисто рыночных явлений. Достаточно вспомнить, как он в своем первом условии решает вопрос о необходимости неэквивалентного обмена, где вся его аргументация сводится к простой тавтологии, или что необходимость быстрого темпа накопления (второе условие) он пытается доказать тем, что в противном случае немедленно создается рыночная диспропорция; достаточно вспомнить хотя бы только это, чтобы увидеть, что его условия равновесия соответствуют перечисленным выше рыночным формам проявления и чрезвычайно мало способствуют уяснению того процесса, который лежит в их основе.

Однако анализ различных сторон внешнерыночного равновесия Преображенский производит под определенным углом зрения. По существу все его семь условий равновесия имеют строго определенное задание: оправдать закон первоначального социалистического накопления. Поэтому он в своем первом условии делает вывод в пользу неэквивалентного обмена, хотя при такого же рода аргументации он с одинаковым успехом мог бы сделать и противоположный вывод; поэтому он и второе, и четвертое, и шестое условия подгоняет под этот же вывод, хотя, поскольку он ограничивался одним только рыночным равновесием, он с равным успехом мог бы притти и к другому выводу; поэтому же наконец он делает исключение для роста заработной платы и ликвидации безработицы и, принимая их как особые условия равновесия, выходит за рамки анализа чисто рыночного равновесия.

Аппаратура для подкрепления закона первоначального социалистического накопления пущена в ход большая. Однако нужно сказать, что к той аргументации в пользу этого закона, которая имеется в «Новой экономике», она абсолютно ничего не прибавляет. Что же касается проблемы воспроизводства, то она не только не разрешена, но даже и не поставлена. Причиной неудачного исхода этой попытки Преображенского является то обстоятельство, что в основу работы была положена в корне неправильная формулировка классовой структуры нашей экономики.

В параграфе «Предварительные замечания», в котором излагаются исходные пункты теории воспроизводства, Преображенский ставит читателя в известность, что он считает необходимым делить наше хозяйство не на два, а на три сектора. «Однако, — заявляет он тут же, — часто (разрядка автора) характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным вместе взятым». Очевидно словом «часто» автор хотел отметить, что он не всегда будет растворять простой товарный сектор в капиталистическом и что следовательно его указание на необходимость делить наше хозяйство на три сектора имеет не только декларативное значение. Сейчас, после разбора всей работы, приходится отметить, что все семь условий равновесия, которые в совокупности и составляют теорию воспроизводства Преображенского, — все они выведены из анализа двухсекторного, а не трехсекторного хозяйства. Влияние капиталистического сектора на процесс воспроизводства и его отличие от влияния простого товарного сектора совершенно нигде не рассматривалось и не учитывалось, несмотря на то, что здесь имел место теоретический анализ и следовательно «отсутствие нужных цифр» не могло еще сыграть своей печальной роли.

На протяжении всей работы автор касается капиталистического сектора всего только два раза: в параграфе «Предварительные замечания» он рассматривает отношение различных групп капиталистического сектора к неэквивалентному обмену и второй раз касается капиталистического сектора в подстрочном примечании. Очевидно эти два случая автор считает достаточным основанием для сделанного им в начале работы заявления о необходимости делить наше хозяйство на три сектора.

Рассмотрим первый из них.

«Нужно помнить что торгово-промышленный участок капиталистического сектора с одной стороны и аграрный участок, — с дру-

гой находятся в различных условиях в смысле тяготения к эквивалентному обмену» [1].

Высокие цены на продукцию госпромышленности, образовавшиеся под влиянием закона первоначального социалистического накопления, неизбежно должны перекинуться и на промышленную продукцию, производимую в частном секторе. Торгово-промышленные капиталисты, которые при свободном действии закона стоимости принуждены были бы мириться с гораздо более низкими ценами, теперь, оказывается, подпали под покровительство закона первоначального социалистического накопления. В противоположном положении оказались сельскохозяйственные капиталисты: поскольку они являются покупателями промышленной продукции и, наоборот, продавцами сравнительно дешевой сельскохозяйственной продукции, они ведут жесточайшую борьбу за победу закона стоимости над законом первоначального социалистического накопления. Получается таким образом, что образуется очень сильная экономическая база для блока госпромышленности с торгово-промышленной группой капиталистов, с одной стороны, и противоположного блока бедняков и середняков с сельскохозяйственными капиталистами — с другой.

Проблема неэквивалентного обмена в такой мере довлеет над Преображенским, что из-за нее он не в состоянии видеть ничего остального. Даже тогда, когда речь зашла о конкретных устремлениях капиталистического сектора, принцип неэквивалентного обмена заставил автора перевернуть на голову все действительные отношения.

Если рассматривать сельскохозяйственного капиталиста лишь как продавца продуктов своего труда и покупателя продуктов чужого труда, тогда, пожалуй, действительно дело должно происходить по Преображенскому. Но тогда возникает только одно неудобство: сотрется всякая грань между крестьянином-середняком и сельскохозяйственным капиталистом. Стимулом деятельности середняка-крестьянина является стремление за свой труд получить возможно больше общественного труда, и потому соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен на судьбу его хозяйства оказывало в тот период решающее влияние. Судьба же капиталистического предприятия зависит не просто от уровня цен, а от условий эксплоатации, в которых цены на изделия промышленности являются лишь одним из факторов. Это обстоятельство особенно нужно иметь в виду в нашем переходном хозяйстве, где решающим фактором, опреде-

[1] «Вестник Комакадемии» № 22, стр. 26.

ляющим конъюнктуру для капиталистического сектора, является степень влияния экономической политики государства.

«Ножницы» невыгодны сельскохозяйственному капиталисту как продавцу сельскохозяйственной продукции и покупателю промышленной продукции. Но «ножницы» вместе с тем ослабляют влияние государственного сектора на рынке сырья и создают для сельскохозяйственного капиталиста условия для более тесной и выгодной увязки с крестьянином-производителем сырья и промышленным капиталистом, или раздатчиком. Они не противопоставляют промышленного капиталиста сельскохозяйственному, как думает Преображенский, а, наоборот, создают условия, при которых сельскохозяйственный капиталист оказывается в состоянии оттягивать крестьянина из процесса воспроизводства социалистических отношений и втягивать его в сферу воспроизводства капиталистических отношений, давая этим самым возможность капиталистическому накоплению расти также и за счет кустарей. В какой мере то или иное соотношение цен может служить показателем состояния конъюнктуры для капиталистических элементов, видно хотя бы из истории имевшего место хлебозаготовительного кризиса. Капиталистические элементы деревни, которым недостаточно прочная связь социалистических командных высот с крестьянским хозяйством дала возможность приумножить свои средства путем спекулятивной скупки крестьянского хлеба, вряд ли стали бы сетовать, если бы чрезмерный разрыв цен ослабил позиции социалистического сектора.

В известных размерах и до известного времени «ножницы» неизбежны. Этого требуют интересы индустриализации отсталой страны. Однако необходимо иметь в виду, что обусловленные задачами социалистического строительства «ножницы» вместе с тем в каждый данный момент затрудняют усиление смычки госпромышленности с сельским хозяйством и следовательно соответственно облегчают развитие капиталистической тенденции воспроизводства. Это противоречие является проявлением основного противоречия нашей экономики. Естественно, что поскольку Преображенский в извращенном виде воспринимает это основное противоречие, постольку и формы его проявления находят в его работе совершенно неправильное освещение. Преображенский основное противоречие нашей экономики выводил из противопоставления государственного сектора частному, в то время как на самом деле оно возникает из борьбы социалистического и капиталистического пути развития. При решении вопроса об основном противоречии нашей экономики Преображенский игнорирует принципиальную разницу между капиталистическими

элементами в нашем хозяйстве и элементами простого товарного производства; поэтому при попытке конкретного анализа действительная роль капиталистических элементов у него смазывается и они частично превращаются в союзников пролетариата, частично — в союзников крестьянства.

Четкое разграничение трех принципиально отличных друг от друга основных элементов нашей экономики — социалистических, капиталистических и простого товарного производства — показывает, что не капиталисты делятся на союзников госпромышленности и крестьянства, а простые товаропроизводители (крестьянство и кустари) могут стать как союзниками пролетариата, так и союзниками буржуазии, вследствие чего борьба двух противоположных секторов (социалистического и капиталистического) превращается в борьбу двух тенденций развития. Если в капиталистическом строе судьба каждого отдельного капиталиста сильнейшим образом зависит от общих условий производства прибавочной стоимости, то в нашем хозяйстве она не менее сильно зависит от общих условий развития процесса социалистического накопления. Поэтому трудности смычки, которые «ножницы» в каждый данный момент обостряют, нельзя смазывать тем, что эти «ножницы» не выгодны также и сельскохозяйственной буржуазии. Поскольку факт «ножниц» и их определенные размеры обусловливаются требованием индустриализации страны, они («ножницы») в конечном счете действуют против всех капиталистов — и промышленных и сельскохозяйственных; однако поскольку в данный момент «ножницы» ухудшают смычку, они создают возможность расширения деятельности как для промышленных, так и для сельскохозяйственных капиталистов.

Рассмотренный случай анализа Преображенским капиталистического сектора лишний раз показывает, какую глубочайшую ошибку он совершил, сделав неэквивалентный обмен исходным пунктом своей теории воспроизводства.

ГЛАВА VI.

Проблема кризисов в хозяйстве СССР.

Выше мы видели, что теория капиталистических кризисов возникла в результате анализа процесса расширенного воспроизводства, не только с точки зрения основных его экономических моментов, но и с точки зрения определенных форм их проявления в условиях определенной материально-технической среды. При изучении кризисов Маркс уже не отвлекается от тех рыночных форм, в которых реализуются основные экономические процессы капитализма. Движение цен, движение прибыли, учетного процента, — все это подвергается подробному анализу при выяснении условий его образования. А коль скоро объектом анализа становятся непосредственно рыночные категории, то и в отношении техники Маркс уже больше не абстрагируется от постоянного роста органического строения капитала, равно как и от тех ненормальностей в процессе этого роста, которые имеются в действительности.

Основным противоречием капитализма, которое в кризисах находит лишь временное разрешение, Маркс считает противоречие между трудом и капиталом. Это глубинное противоречие капитализма проявляется в ряде более конкретных противоречий, которые в свою очередь находят непосредственное выражение в движении чисто рыночных категорий, и прежде всего — в цене и норме прибыли. Поэтому-то непосредственной причиной переломов конъюнктуры является норма прибыли, которая отражает в себе развитие всех противоречий капиталистического строя. Падение нормы прибыли ведет к прекращению строительства и кризису, а подъем ее связан с началом нового строительства и следовательно подъема всего народного хозяйства. В том, что смена фаз процесса расширенного воспроизводства (причина которой заключается в противоречии экономической структуры капитализма) связана с процессом строительства основного капитала, нет ничего удивительного, если иметь в виду, что производственным содержанием всякого процесса расширенного воспроизводства является постоянное превращение части дохода в средства производства, независимо от того, в какой социально-экономической форме, путем преодоления каких противоречий это пре-

вращение происходит. Специфические противоречия определяют пути превращения общественного дохода в постоянный капитал, а не самый факт этого превращения.

С какими внутренними противоречиями в нашем хозяйстве приходится иметь дело этому процессу превращения части общественного дохода в средства производства и в каком отношении они находятся к противоречиям капиталистического строя? Мы неоднократно отмечали, что противоречия, присущие капитализму, в нашем хозяйстве не действуют. Противоречие, содержащееся внутри рабочей силы, как товара, в нашем хозяйстве не существует, так как рабочая сила ни в социалистическом секторе, ни в секторе простого товарного производства не является товаром. Что же касается капиталистического сектора, то он в нашем хозяйстве находится в столь зачаточном состоянии, что благодаря ему специфически капиталистические противоречия у нас также не могут найти своего проявления [1]. Отсутствие основного противоречия капитализма решает вопрос и о частных, более конкретных капиталистических противоречиях, поскольку все они являются лишь проявлением этого основного противоречия. Оно решает вопрос и о норме прибыли как универсальном выразителе экономических противоречий: в нашем хозяйстве норма прибыли не является основным показателем состояния конъюнктуры. Совершенно ясно, что отсутствие противоречий капитализма делает также невозможными и капиталистические кризисы в нашем хозяйстве. Но этим еще не решается вопрос о наших кризисах вообще. Поскольку у нас имеются свои специфические противоречия, у нас могут быть и свои специфические кризисы. Каков характер наших противоречий? В состоянии ли они вызвать кризис? Каков характер советских кризисов? К этим вопросам мы подошли вплотную.

В предыдущей главе мы установили характер основного противоречия нашего переходного строя. Следуя методу Маркса, мы попытаемся в настоящей главе осветить, каким образом основное противоречие нашей экономики проявляется на поверхности хозяйственного процесса.

---

[1] Капиталистический сектор в нашем хозяйстве оказывается в состоянии подчинить своему влиянию известную часть простого товарного хозяйства и создать капиталистическую тенденцию воспроизводства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако удельный вес производительных сил, действующих в форме чисто капиталистических отношений, безусловно крайне незначителен. Поэтому капиталистические элементы оказывают вполне определенное влияние на образование специфических противоречий советской экономики, но они не могут привить нашему хозяйству основного противоречия капиталистической системы.

* * *

Одной из серьезных диспропорций, особенно остро дающей себя чувствовать в начале реконструктивного периода, является товарный голод в отношении промышленной продукции. Товарный голод сам по себе не может считаться кризисом, хотя бы и специфическим, — ниже мы постараемся это обосновать. Но вместе с тем нет никакого сомнения в том, что он представляет собою частичное нарушение пропорциональности. Следовательно перед нами прежде всего встает задача — найти социально-экономические корни товарного голода.

Факторов, которые в той или иной форме и степени являются причинами товарного голода, имеется довольно много. Прежде всего, разумеется, в качестве фактора товарного голода необходимо отметить историческую отсталость русской промышленности. Довоенная русская промышленность могла удовлетворять требованиям рыночного равновесия лишь в условиях полуфеодального состояния деревни, с соответствующей этому степенью интенсивности и рыночности сельского хозяйства. Историческая отсталость русской промышленности является следовательно таким фактором, который в условиях ликвидации феодальных и в значительной мере капиталистических отношений, должен сказываться в недостатке промышленной продукции.

Но отсталость русской промышленности была значительно усугублена рядом обстоятельств, вызванных самой Октябрьской революцией. Одним из этих новых факторов является отход от СССР ряда индустриальных районов, в результате чего от СССР отошло около половины шерстяной промышленности довоенной России, больше трети кожевенной и пятая часть хлопчатобумажной. Если иметь в виду, что это все товары широкого потребления и что за последние годы именно в них ощущается особенно острый недостаток, то значительная роль отхода от нас индустриальных районов, как фактора товарного голода, явится совершенно бесспорной.

Не менее сильно историческая отсталость русской промышленности была усугублена растратой основного капитала во время империалистической и гражданской войны.

Как бы в порядке усиления действия перечисленных факторов, снижающих уровень нашей промышленности, Октябрьская революция повысила норму потребления трудящихся и соответственно этому — спрос на ее продукцию.

Но рост потребления на создании недостатка промышленной продукции сказался не только непосредственно, в форме уве-

личения спроса на нее, — он произвел также и косвенное влияние на уровень промышленности путем сокращения экспорта сельскохозяйственной продукции. Общеизвестно, что довоенный экспорт русского хлеба был основан в значительной степени на реализации лозунга «недоедим, а вывезем», и совершенно естественно, что вызванный Октябрьской революцией рост потребления крестьянства должен был сказаться в понижении товарности хлеба, и в особенности экспорта его. Таким образом, если рост потребления промышленной продукции обострил товарный голод на последнюю со стороны спроса, то рост потребления крестьянством своей собственной продукции оказал неблагоприятное влияние путем сокращения базы для импорта продуктов иностранной промышленности.

Все эти обстоятельства естественно сильно затруднили задачу нормального удовлетворения рыночного спроса на продукцию промышленности. В годы восстановительного периода эта задача упрощалась наличием запасов основного капитала. Большие запасы основного капитала весьма успешно противодействовали перечисленным факторам. С окончанием же восстановительного периода действие этих факторов должно было сказаться чрезвычайно остро. Поскольку же окончание восстановительного периода есть вместе с тем вступление в период глубокой реконструкции народного хозяйства, оно означает не только ликвидацию противодействующего товарному голоду обстоятельства, но и образование новой, и к тому же чрезвычайно сильно действующей, причины товарного голода. Коренное переоборудование техники, причем не только в области промышленности, но и сельского хозяйства, а также чрезвычайно быстрый темп переоборудования сопровождается столь значительным капитальным строительством, что недостаток готовой промышленной продукции, обусловленный вышеизложенными причинами, не может не испытать резкого усиления. Реконструирование производительных сил, сопровождающееся интенсивным капитальным строительством, является в первых стадиях новой, и к тому же чрезвычайно значительной, причиной товарного голода.

Мы видим таким образом, что товарный голод обусловливается довольно длинным рядом причин. Однако было бы совершенно неправильно полагать, что перечисленные обстоятельства сами по себе, независимо от социально-экономической структуры нашего хозяйства, способны привести к товарному голоду. Те же самые факторы при другой экономической структуре привели бы к совершенно иным результатам. У нас они выражаются в товарном голоде под влиянием специфических особенностей нашей экономики и содержащихся в ней противоречий.

Прежде всего необходимо отметить, что недостаток товаров, образующийся в результате действия вышеизложенных обстоятельств, может принять форму товарного голода только в том случае, когда имеет место государственное регулирование товарных цен. Так в капиталистическом обществе, как известно, диспропорция между спросом и предложением принимает форму не товарного голода, а растущих цен. Необходимость же регулирования товарных цен со стороны пролетарского государства диктуется интересами борьбы социалистической тенденции нашей экономики против капиталистической.

Процесс ценообразования представляет собою в нашем хозяйстве одну из основных линий борьбы плана со стихией. Структура цен в сильной степени определяет характер производственных и распределительских пропорций, особенно для сферы капиталистического накопления. Поэтому вся сила экономического сопротивления капиталистических элементов прежде всего сказывается в процессе ценообразования.

В условиях экономики диктатуры пролетариата, когда в распоряжении капиталистического сектора находится худшая, наиболее отсталая часть производительных сил, капиталистические отношения могут развиваться лишь при сравнительно высоком уровне цен. Рост промышленных цен, поскольку он ослабляет смычку с крестьянским хозяйством, является недопустимым с точки зрения социалистического государства; ослабление же смычки крестьянского хозяйства с государственной промышленностью является необходимым условием развития капиталистического накопления. Рост сельскохозяйственных цен, поскольку он явится исходным пунктом повышения общего уровня цен и следовательно поставит под угрозу устойчивость нашей валюты, также несовместим с интересами укрепления смычки социалистической промышленности с крестьянским хозяйством; но именно поэтому он становится одним из необходимых условий развития капиталистических отношений. В начальных стадиях реконструктивного периода, когда чрезвычайно остро сказывается недостаток промышленной продукции, борьба социалистической и капиталистической тенденций за структуру цен и методы ценообразования приобретает особенную остроту и значимость. В условиях недостатка товаров лозунг свободного действия закона спроса и предложения становится боевым знаменем капиталистического сектора; закон стоимости в этих условиях больше чем когда бы то ни было становится фактором капиталистического накопления. Социалистический же сектор, наоборот, регулятором всего общественного производства устанавливает свой план, который является планом борьбы про-

тив капиталистических тенденций, за социалистическую переделку страны; структура цен становится одним из звеньев плана борьбы против капиталистических тенденций. Борьба социалистического плана против господства закона спроса и предложения становится обязательным условием успешной борьбы процесса воспроизводства социалистических отношений против капиталистического пути развития. Бесспорно следовательно, что регулирование цен, придающее отмеченной выше, частичной диспропорции форму товарного голода, обусловливается характером внутреннего противоречия нашей экономики.

Но если даже мы и отвлечемся от регулирования цен и будем рассматривать влияние изложенных факторов на образование недостатка промышленной продукции независимо от того, проявляется ли этот недостаток в товарном голоде или росте цен, — то и в этом случае окажется, что влияние каждого из перечисленных выше факторов теснейшим образом связано с характером противоречий нашей экономики. Остановимся под этим углом зрения на реконструкции народного хозяйства как факторе товарного голода.

Вся сложность осуществляемой нами реконструкции состоит в том, что, во-первых, она имеет чрезвычайно широкий размах; во-вторых, отличается чрезвычайно интенсивным темпом; в-третьих, осуществляется исключительно внутренними силами. Эти особенности осуществляемой нами реконструкции заставляют вкладывать в капитальное строительство колоссальные средства, которые через несколько лет изменят облик всей нашей экономики, но в период до окончания строительства основного капитала создают сугубо напряженную хозяйственную обстановку. Эти трудности дали основание правым поставить под сомнение необходимость и целесообразность отмеченных особенностей нашей реконструкции. Правые выступили за снижение темпа реконструкции и ее размаха, в частности — против широкого колхозного и совхозного строительства. В нашу политику внешней торговли вносились «поправочки», идущие по существу по линии уступок иностранному капиталу. Совершенно ясно, что все эти предложения правых коренятся в абсолютно неправильном понимании классовой структуры нашего хозяйства. Они основаны на игнорировании факта борьбы двух непримиримых экономических тенденций, т. е. на теории единого типа воспроизводства производительных отношений, теории врастания кулака в социализм.

Темп реконструкции и ее размах мы приняли не произвольно, а в результате учета тех задач, которые перед нами поставили объективные условия развития пролетарской революции и без

разрешения которых мы не можем выполнить нашей исторической роли. Громадный удельный вес мельчайших крестьянских и кустарных хозяйств; жестокая борьба со стороны капиталистического сектора за включение этих хозяйств в капиталистический круг воспроизводства; рационализация производства в окружающих нас капиталистических странах, сопровождающаяся обострением капиталистических противоречий и усилением угрозы войны против нас, — все это делает для нас совершенно невозможным удовлетворяться довоенным темпом развития нашей промышленности. Поскольку с завершением восстановительного процесса исчезла возможность быстрого роста за счет использования старых запасов основного капитала, мы вынуждены производить новое капитальное строительство в таких размерах, которые обусловили бы способность нашей промышленности укреплять связь с крестьянским хозяйством в форме его постепенной социалистической переделки и уменьшать сферу действия процесса воспроизводства капиталистических отношений. Жизнь перед нами поставила задачу социалистической реконструкции деревни, причем поставила ее в такой острой форме, что если бы мы с нею не справились, мы отдали бы инициативу в руки капиталистического сектора. Это обстоятельство особенно резко ставит вопрос о быстром темпе и широком размахе реконструкции, несмотря на затруднения и обострение товарного голода, которые этим обстоятельством вызываются. Борьба двух враждебных тенденций в условиях технико-экономической отсталости страны делает обязательным обеспечить государственной промышленности такой уровень, который гарантировал бы победу социалистического пути развития.

Вряд ли требуется долго останавливаться на доказательстве того, что при выполнении огромных и трудных задач по реконструкции страны мы не можем рассчитывать на средства капиталистических государств. Внутреннее противоречие нашей экономики (борьба двух тенденций) делает обязательным быстрый темп индустриализации страны и вместе с тем исключает возможность сколько-нибудь серьезной помощи извне. Выше нами уже указывалось, что проблему связи с капиталистическими странами необходимо рассматривать в аспекте развития внутреннего противоречия нашей экономики. Мы ввели и сохраняем монополию внешней торговли потому, что только таким путем мы оказываемся в состоянии торговлю с капиталистическими странами использовать в интересах усиления и расширения процесса воспроизводства социалистических отношений; капиталистические элементы, напротив, ведут борьбу против монополии внешней торговли, ибо в случае ее отмены ино-

странный капитал включился бы в сферу капиталистического накопления в нашей стране, что решило бы проблему «кто-кого» по-устряловски. Совершенно ясно, что с такой же точкой зрения следует подходить и к вопросу о возможности серьезной помощи в виде иностранных кредитов. У нас нужда в иностранных кредитах чрезвычайно большая. Они позволили бы нам гораздо быстрее и со значительно меньшим напряжением поднять нашу промышленность до необходимого уровня. Но получение иностранного кредита для нас окажется приемлемым лишь на таких условиях, которые не могут ослабить позиций социалистического типа воспроизводства. Интересы социалистического типа воспроизводства в его борьбе с капиталистическим являются границей возможных уступок с нашей стороны иностранному капиталу. Естественно, что такие принципы использования иностранного капитала уничтожают для него возможность свободы действий у нас в стране, не говоря уже о господствующей роли, которой в эпоху финансового капитала добиваются кредиторы. Эти принципы следовательно парализуют основной стимул инвестирования иностранных капиталов в нашем хозяйстве и заставляют решать проблему индустриализации собственными силами.

Мы видим таким образом, что и размеры капитального строительства и темп его, а также и источники средств, необходимых для этого, диктуются той социально-экономической системой, на основе которой происходит превращение общественного дохода в средства производства. Осуществляемый темп и характер индустриализации определяется условиями развития и разрешения специфического противоречия нашей экономики. Реконструкция народного хозяйства становится фактором обострения товарного голода только потому, что она происходит в условиях борьбы двух противоположных экономических тенденций.

Выше мы рассматривали отход от нас индустриальных окраин и растрату основного капитала во время империалистической и гражданской войн как причины недостатка промышленной продукции. Необходимо здесь отметить, что и они факторами товарного голода становятся лишь в условиях борьбы двух экономических тенденций. Если бы мы могли ввозить из-за границы продукты широкого потребления, мы бы компенсировали сокращение шерстяной, кожевенной и других отраслей промышленности, происшедшее вследствие отхода от СССР ряда районов царской России; если бы мы могли осуществить широкое привлечение иностранного капитала в нашу промышленность, нам бы значительно легче было преодолеть изношенность

основного капитала, обусловленную империалистической и гражданской войнами. Мы однако отказываемся от этих «путей» преодоления диспропорции, но отказываемся от них именно потому, что они шли бы вразрез интересам успешной борьбы против капиталистического типа воспроизводства за социализм.

Рост потребления трудящихся, который с первого взгляда можно принять за непосредственную причину товарного голода, на самом деле оказывается таковой также только в специфических условиях нашей экономики, благодаря действию присущего ей внутреннего противоречия. В капиталистическом обществе, например, рост потребления рабочего класса не только не создает товарного голода, но наоборот, приводит к кризису перепроизводства. Уже одного этого обстоятельства, думается, достаточно, чтобы влияние роста потребления на процесс расширенного воспроизводства рассматривать в аспекте той социально-экономической формы, в которой этот процесс происходит, а не абстрагируясь от нее. Совершенно ясно, что если бы нас окружали не капиталистические, а социалистические страны, или если бы мы могли широко пользоваться иностранным кредитом, или, наконец, значительно меньшую часть общественного дохода употреблять на капитальное строительство, — рост потребления трудящихся не сделался бы фактором товарного голода. Только в условиях борьбы двух экономических тенденций, к тому же при данном конкретном состоянии этой борьбы (в начальный период реконструктивного процесса) рост потребления трудящихся становится фактором товарного голода.

Из сказанного с самоочевидностью следует, что понять корни нарушения пропорциональности, выступающей в форме товарного голода, возможно только при правильной оценке особенностей нашей экономической структуры и ее внутренних противоречий. Как перепроизводство при капитализме нельзя объяснять высоким уровнем техники, так и товарный голод у нас недопустимо объяснять низким ее уровнем. Товарный голод представляет собою специфическую форму частичной диспропорции в процессе расширенного воспроизводства, происходящего в оболочке борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений. Товарный голод, можно сказать, является выражением влияния внутреннего противоречия нашей экономики на условия и характер развития промышленности.

* * *

В последние годы с исключительной резкостью встал вопрос о низкой товарности сельского хозяйства, особенно его

зерновой части. Причины низкой товарности зернового хозяйства нашли в партийной литературе достаточное освещение. Крайняя раздробленность производящих хозяйств резко снизила урожайность и особенно товарность. Образовавшаяся вследствие этого напряженность на хлебном рынке позволила выросшим капиталистическим элементам оттянуть из-под влияния государственных заготовителей часть крестьян — производителей хлеба, что и выразилось в хлебозаготовительном кризисе. Отсюда вытекает особенная необходимость форсированного наступления на кулака и строительства зерновых фабрик.

Проблема технических культур от зерновой проблемы отличается прежде всего несравненно более быстрым темпом роста их посевных площадей. Рост посевных площадей технических культур, превысивших уже к 1929 году примерно на 50% довоенный уровень, представляет собою безусловно прогрессивное явление не только с точки зрения интересов сельского хозяйства, но и народного хозяйства в целом. Одного этого факта достаточно, чтобы видеть всю нелепость разговоров о деградации сельского хозяйства. Однако, несмотря на рост посевных площадей, наше сырьевое хозяйство переживает по существу те же трудности, что и зерновое хозяйство. Ввиду того что в нашей литературе, посвященной характеристике трудностей развития сельского хозяйства, этой стороне вопроса уделяется недостаточное внимание, мы считаем необходимым более подробно остановиться на проблеме товарности технических культур.

Русское сырьевое хозяйство развивалось в условиях крайне ничтожных капитальных вложений. Львиная доля тех средств, которые царским правительством отпускались сельскому хозяйству, шла не в производство, а на финансирование крестьянских покупок помещичьих земель и следовательно улучшала положение рвущих связь с сельским хозяйством помещиков, но не самого сельскохозяйственного производства. Помещичье хозяйство оказалось не в состоянии перестроиться на основе капиталистических принципов и предпочитало экстенсивные формы хозяйства, более приспособленные к полуфеодальным отношениям, сохранившимся в России вплоть до Октябрьской революции. Капитализм в русской деревне находился в зачаточном состоянии и располагал незначительными средствами. Что же касается основной массы крестьянских хозяйств, то кабальная зависимость от помещиков заставляла их свой добавочный труд, вместо использования его для интенсификации своего хозяйства, переправлять в помещичьи хозяйства. Все это, вместе взятое, обусловило совершенно ничтожный удельный вес технических

культур во всей продукции сельского хозяйства. Правда, в последние годы перед войной темп роста производства технических культур несколько повысился, что объясняется ростом капитализма в русской деревне, сумевшим оказать некоторое влияние даже на характер помещичьих хозяйств.

Октябрьская революция чрезвычайно усложнила условия производства технических культур. Помещичьи хозяйства исчезли с лица земли. Кулацкие хозяйства — носители растущего капитализма в русской деревне — подверглись раскулачиванию. Вырастающие на почве нэпа кулацкие элементы наталкиваются на препятствия со стороны всех рычагов диктатуры пролетариата. Кулацкие хозяйства не могут таким образом улучшить наши перспективы в отношении технических культур. Из трех групп производителей технических культур царской России решающая роль переходит к одной — бедняцким и середняцким хозяйствам. Этот процесс с полной ясностью обнаружился уже в первые годы нэпа. Опубликованные под редакцией А. Л. Соколовского материалы сырьевого совещания при ВСНХ дают возможность цифровыми данными подтвердить передвижку производства технических культур в бедняцкие и середняцкие хозяйства, происшедшую в результате Октябрьской революции.

Наиболее сильная передвижка вниз, к маломощным группам, произошла в области производства хлопка.

Распределение хозяйств по размеру посевной площади (в %) [1].

До войны

Группы	Беззем.	До 0,5 га	0,5—1,1	1,11—2,2	2,21—3,3	3,31—5,5	5,51—11,0	11,01—22,0	22,01—33,0	Свыше 33 га	Всего
Площадь	1,43	23,10	15,85	19,85	14,91	13,84	8,79	2,27	0,50	0,03	1,00

1925 г.

Группы	Беззем.	до 0,5 га	0,5—1,1	1,1—2,2	2,2—3,3	3,3—4,4	4,4—6,6	Свыше 6,6 га	Всего
Площадь	9,5	23,4	10,1	28,8	14,1	6,6	4,9	2,3	100

[1] Сырьевые проблемы промышленности, сб. под ред. А. Л. Соколовского, стр. 18.

Приведенная таблица показывает значительный рост к 1925 г., по сравнению с довоенным временем, безземельных, следовательно довольно интенсивную пролетаризацию бедняцких хлопкопроизводителей. Но наряду с этим она показывает полное исчезновение хлопкопроизводителей с посевной площадью выше 11 *га* и чрезвычайно сильное сокращение высших групп, начиная с хозяйств с посевной площадью в 3 *га*.

Вся продукция хлопка в 1925 г. между отдельными группами хозяйств распределяется следующим образом (в %) [1].

Группы хозяйств	% ко всей продукции
Площадь посева до 1,1 *га*	32
» » от 1,1 до 2,2 *га*	33
» » » 2,2 » 3,3 »	18
» » » 3,3 » 4,4 »	8
» » » 4,4 » 5,5 »	7
» » свыше 5,5 »	3

Таблица показывает, что не только по посевной площади, но и по валовому сбору хлопка решающее влияние принадлежит бедняцким и маломощным хозяйствам.

О роли различных групп в производстве льна в 1925 г. говорит следующая таблица, составленная по данным гнездовой переписи ЦСУ 1925 г. [2]:

Группы хозяйств	Число обследованных хозяйств	Площадь посева под льном	
I С площадью посева от 0 до 0,1 *га*	4 197	1	—
II » » » » 0,1 » 2,2 »	64 013	6 554	—
III » » » » 2,2 » 4,4 »	51 010	12 835	19,608
IV » » » » 4,5 » 6,6 »	11 649	6 773	
V » » » » 6,7 » 11,0 »	3 057	2 097	2,316
VI » » » » 11,1 » 17,6 »	197	192	
VII » » » » 17,7 » 27,5 »	11	27	
VIII » » » свыше 27,5 »	—	—	—
	134 134	28 479	—

Как видно из таблицы, главными производителями льна являются II—IV группы хозяйств с площадью посева от 0,1 до 6,6 *га*, т. е. маломощные и середняцкие хозяйства.

Если к маломощным хозяйствам отнесем условно II группу, к хозяйствам средней мощности — III и IV группы, а остальные груп-

---

[1] Сырьевые проблемы промышленности, сб. под ред. А. Л. Соколовского, стр. 19.

[2] Там же, стр. 20.

ны — к зажиточным, то удельный вес их в производстве льна выразится следующими относительными цифрами (в %).

Маломощные	23,1	91,9
Средние	68,8	
Зажиточные	8,1	
Итого	100 [1]	

В отличие от производства хлопка решающая роль в производстве льна принадлежит середняцкой группе. Однако так же, как и там, группа зажиточных играет совершенно ничтожную роль, в то время как значение маломощных очень велико (23%).

Так же, как со льном, дело обстоит и с другими техническими культурами. Некоторое исключение представляет только производство сахарной свеклы. Участие различных групп крестьянства в производстве сахарной свеклы представляется в следующем виде [2]:

Группы хозяйств по величине площади посева	% хозяйств		% посевов от всей площади	
	Всех хозяйств	Сеющих свеклу	Всех хозяйств	Сеющих свеклу
Беспосевные и сеющие до 1,1 *га*	18,0	2,0	3,0	0,5
Сеющие от 1,1 до 2,0 *га*	26,2	11,8	9,1	5,5
» » 2,2 » 4,4 »	36,1	45,4	36,3	34,4
» » 4,4 » 6,6 »	18,8	26,3	27,3	31,8
» » 6,6 и более »	6,9	14,6	27,0	27,8
Итого	100	100	100	100

Таким образом основными производителями сахарной свеклы являются крестьянские хозяйства средних и вышесредних посевных групп от 2,2 до 6,6 *га*. Маломощные хозяйства играют совершенно ничтожную роль, а зажиточные, наоборот, сравнительно высокую.

Причины столь незначительного удельного веса маломощных хозяйств в производстве сахарной свеклы коренятся в крайне низкой обеспеченности последних инвентарем и особенно рабочим скотом. Острый недостаток инвентаря у маломощных групп характерен не только для производства сахарной свеклы, — его испытывают также производства всех прочих культур. И если в производстве сахарной свеклы это обстоятельство получило выражение в низком, по сравнению с другими культурами, удельном весе маломощных хозяйств, то причину этого

[1] Там же, стр. 25. Сырьевые проблемы промышленности, стр. 20.

следует видеть в том, что здесь происходит особенно большое расходование тяговой силы.

На долю участия маломощных хозяйств в производстве технических культур оказывают влияние два противоположно действующих фактора. Высокая трудоемкость этих культур стимулирует переход маломощных хозяйств на производство технических культур; необходимость же более высоких, чем при производстве зерновых культур, затрат средств производства, наоборот, затрудняет этот переход. В отношении производства льна действие первого фактора сказывается особенно отчетливо, в то время как в отношении производства сахарной свеклы, наоборот, преобладающее влияние принадлежит степени обеспеченности средствами производства. В основном же, благодаря активной помощи государства бедняцким и середняцким хозяйствам, последние стали основными производителями технических культур.

Но не будучи в состоянии помешать маломощным хозяйствам переходить на производство технических культур, недостаток средств производства (земли и ивентаря) оказывает вместе с тем чрезвычайно сильное влияние на доходность этих хозяйств и производительность труда в них.

Условия использования инвентаря в области производства представлены в следующей таблице [1]:

Группы хозяйств	Стоимость основного капитала на 1 х-во	Стоимость оборотного капитала на 1 х-во	Голов рабоч. скота на 1 х-во	Стоимость мертвого инвентаря на 1 га земли	Стоимость погашения мертвого инвентаря на 1 га земли	Изменение стоимости основного капитала к концу года в рублях (+увеличение, — уменьшение)
I	0,61	105,10	—	—	—	+ 0,10
II	153,88	163,13	0,2	67,34	15,41	+ 34,00
III	191,95	152,98	0,2	18,73	4,57	— 7,82
IV	466,60	182,97	0,9	22,67	5,98	— 90,83
V	424,72	437,67	0,8	23,21	5,17	— 3,78
VI	476,12	577,29	1,6	12,67	3,52	+ 67,51
VII	1 043,59	1 608,17	1,5	20,47	4,05	+ 212,00
VIII	1 242,68	2 196,09	3,0	15,93	2,91	+ 511,03
IX	2 692,21	7 236,47	2,5	12,94	2,92	+ 134,67
В среднем .	601,03	939,16	1,1	17,48	3,82	+ 82,42

Из таблицы видно, что стоимость мертвого инвентаря на 1 *га* земли повышается от высших групп к низшим, вследствие чего повышается и стоимость амортизации. Мелкие хозяйства должны рас-

[1] Сырьевые проблемы промышленности, стр. 18.

ходовать на единицу площади больше капитала, что сильно понижает их доходность, не говоря уже о проблеме изыскания средств.

В области производства льна имеет место то же самое:

«Несмотря на недостаточность средств производства в этих двух группах хозяйств (II и III), и имеющиеся средства, как и в хлопководстве, не могут быть использованы полно, вследствие недостаточных размеров эксплоатируемой земельной площади. В хозяйствах с посевной площадью 17,6—27,5 *га* 1 голова рабочего скота обслуживает 5,97 *га*, 1 плуг — 8,1 *га*. В хозяйстве II и III групп использование рабочего скота падает при одновременном падении интенсификации этих хозяйств. На 1 голову приходится в хозяйстве II группы 2,41 *га*, на 1 плуг — 3,4 *га*, в хозяйстве следующей III группы на 1 голову рабочего скота — 3,13 *га*, на 1 плуг — 3,8 *га*» [1].

Столь непроизводительное употребление инвентаря в мелких хозяйствах сопровождается еще и острым недостатком его.

«42,7% хозяйств II группы с посевом до 2,2 *га*, которые поставляют на рынок около 15% льна-волокна, не имеет рабочего скота; у них отсутствует тот основной элемент, который определяет хозяйство как работоспособную производственную единицу; 39,5% этих хозяйств не имеет пахотных орудий. Сельскохозяйственное производство этой группы вообще и производство льна в частности основано на наемной тяговой силе. Это не может не отразиться крайне неблагоприятно на урожайности культур, так как не могут быть выполнены во-время и тщательно основные полевые работы. Следующая группа — III, с посевом от 2,2 до 4,4 *га*, имеющая наибольший удельный вес в производстве льна-волокна, обеспечена средствами производства гораздо лучше, но все же недостаточно: процент безлошадных в этой группе достигает 9,1 и процент хозяйств от пахотных орудий — 7,4» [2].

Примерно такое же положение мы имеем в области производства хлопка.

Остальные культуры не представляют в этом отношении исключения. По данным гнездовой переписи ЦСУ, в Центрально-земледельческом районе процент безлошадных среди конопледоводных хозяйств составляет:

Группы	С посевом в *га*	Посевная площадь в группе (тыс. *га*)	На 100 *га* посева приходится посевов конопли	% безлошадных хозяйств
I	0 — 0,1	0,03	—	91,4
II	0,1 — 2,2	31,0	0,04	63,3
III	2,3 — 4,4	106,0	0,06	38,0
IV	4,5 — 6,6	103,5	0,60	15,2
V	6,7 — 11,0	81,4	0,08	5,7
VI	11,1 — 17,6	14,1	0,08	1,7
VII	17,7 — 27,5	1,0	0,37	—
VIII	свыше 27,5	—	—	—

[1] Сырьевые проблемы промышленности, стр. 22.
[2] Там же.

Как видно из таблицы, процент безлошадных среди конопле-водных хозяйств еще выше, чем у соответствующих групп производителей льна.

Что касается производителей сахарной свеклы, то по материалам ЦСУ Украины общая обеспеченность всех крестьянских хозяйств свеклосевных районов (как сеющих свеклу, так и не сеющих ее) рабочим скотом и мертвым инвентарем равняется:

	1917 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Без рабочего скота	43,3	19,2	34,1	45,3	46,4	45,6
» инвентаря	43,6	23,8	30,3	33,8	41,6	41,8

Процент безлошадных и безынвентарных хозяйств чрезвычайно высок, и как явствует из вышеизложенного, значительная часть их вероятно не может заниматься свеклосеянием.

Рассмотренные социально-экономические условия в области производства технических культур—передвижка основной массы посева в середняцкие и маломощные группы и низкая обеспеченность инвентарем при крайне нерациональном его использовании — не могли не отразиться на валовой продукции и товарности технических культур. Посевная площадь большинства технических культур значительно превзошла довоенный уровень. В среднем по всем культурам она к 1929 г. превышает довоенный уровень на 50%, и тем не менее валовой сбор технических культур не превышает довоенного сбора, а товарность значительно отстает от довоенной товарности.

Таким образом по сравнению с зерновым хозяйством технические культуры имеют большое преимущество в смысле чрезвычайно благополучного темпа роста посевных площадей. В другом же отношении, в смысле крайней раздробленности производящих хозяйств и вытекающей отсюда низкой производительности и товарности, положение дел в области технических культур не лучше, чем в области зерновых.

Тов. Бухарин в «Заметках экономиста» пытается переживаемые нашим сельским хозяйством трудности свести к неправильной политике цен в отношении зерновых культур, вызвавшей перелив труда в отрасли технических культур. В действительности же то, что Бухарин считает злом, созданным неправильной политикой, является, наоборот, положительным фактором. Рост трудоемких технических культур представляет собою безусловно положительное явление как с точки зрения его влияния

на само сельское хозяйство, так и с точки зрения развития общественных производительных сил. Этот положительный процесс является следствием ликвидации феодальных отношений и говорит именно против авторов теории деградации сельского хозяйства.

Из предыдущего совершенно ясно, что корни низкой товарности нашего сельского хозяйства нужно искать не в росте посевных площадей технических культур за счет зерновых, а в факторах, которые обусловили отмеченную выше раздробленность сельского хозяйства и низкую производительность в нем. С этой точки зрения необходимо прежде всего отбросить противопоставление технических культур зерновым, которое Бухарин кладет в основу своего анализа, ибо низкая производительность и товарность характерна для всего нашего сельского хозяйства. Центральный комитет партии в последнее время заострил внимание на проблеме товарности ряда основных отраслей технических культур, и разумеется основная линия борьбы за повышение товарности здесь точно такая же, как и в отношении зерновых культур. Противопоставление технических культур зерновым у Бухарина получается вследствие того, что он ограничивается анализом рыночных явлений и исходит из совершенно неправильного понимания особенностей нашей экономики и сущности ее противоречий. Правильное объяснение низкой товарности сельского хозяйства, причем не только зерновых, но и технических культур, возможно только на основе правильного анализа специфических особенностей нашей экономической структуры и ее внутренних противоречий.

Выше мы видели, что вне учета борьбы двух экономических тенденций в едином народном хозяйстве невозможно понять причин товарного голода. То же самое необходимо отметить в отношении трудностей развития нашего сельского хозяйства. Измельчание крестьянских хозяйств является прямым следствием ликвидации помещиков и борьбы против крупных капиталистических хозяйств. Необходимость борьбы с тенденцией воспроизводства капиталистических отношений делает для нас совершенно обязательным вести систематическую борьбу против роста капиталистических хозяйств в деревне, не останавливаясь даже перед измельчанием и соответствующим падением уровня производительности труда сельского хозяйства. С другой стороны, капиталистическое окружение чрезвычайно затрудняет для нас использование мирового рынка в целях социалистической реконструкции сельского хозяйства. Конкретным выражением этих обстоятельств и является низкая производительность и то-

варность крестьянских хозяйств, решительная борьба с которой является основной нашей задачей на данном этапе развития. Социально-экономические корни этого явления, так же как и социально-экономические корни товарного голода, состоят в наличии двух борющихся тенденций в нашей экономике.

Излишне доказывать, сколь огромное значение для успешного хозяйственного развития нашей страны имеют размеры товарной сельскохозяйственной продукции. Неблагополучие в этом отношении ставит перед государством в качестве основной задачи экономической политики задачу борьбы за повышение товарного выхода сельскохозяйственной продукции. Но вышеприведенные данные о состоянии производства заставляют сделать вывод, что основные способы, при помощи которых возможно эту проблему разрешить, не отличаются большим разнообразием. Вообще говоря, возможны только два варианта мер для разрешения этой проблемы: или укрупнение и рационализация производства путем строительства совхозов и кооперирования середняцких и бедняцких хозяйств, при соответствующей поддержке и руководстве со стороны государства, или укрупнение и рационализация производства путем неограниченного обогащения зажиточных и кулацких хозяйств. Мы идем по первому пути, но неизбежно сталкиваемся при этом со значительными трудностями. Эти трудности и создают сплошь да рядом панические настроения и попытки найти выход на другом пути, на пути расширения возможностей развития зажиточным хозяйствам.

Разрешение проблемы товарности путем кооперирования середняцких и бедняцких производителей является вместе с тем и разрешением основной социальной проблемы переходного периода. Стремясь повысить таким путем производительность сельского хозяйства, мы вместе с тем производим переделку производственных отношений деревни. Однако, поскольку этот путь требует исключительно большого напряжения, не должны ли мы пойти в обходный путь? Не должны ли мы во имя облегчения роста производительных сил советского хозяйства пойти на уступку рыночной стихии? В 1921 г. из хозяйственного кризиса мы вышли путем введения нэпа; в 1924/25 г. мы ликвидировали задержку в росте производительных сил деревни путем разрешения аренды и найма рабочей силы. Почему сейчас, если наступление на капиталистические элементы и на стихийные законы рынка требуют столь сильного напряжения, мы не можем пойти на некоторые уступки рыночной стихии во имя облегчения роста производительных сил всего советского хозяйства? Почему обходный путь, в принципе допустимый, невозможен в настоящее время?

Введение нэпа само по себе является уступкой основной массе крестьянства. Однако, поскольку эта уступка была произведена в форме развязывания рыночных отношений, ею в очень сильной степени сумели воспользоваться и чисто капиталистические элементы. Достаточно вспомнить так называемый период разбазаривания, а также почти монопольное положение частника в течение первых годов нэпа в сфере розничной торговли, чтобы видеть, что уступкой пролетарского государства крестьянству капиталистические элементы сумели изрядно попользоваться. Капиталистические элементы смогли также использовать разрешение аренды и найма рабочей силы, произведенное XIV партконференцией. И несмотря на это, обе указанные уступки были совершенно необходимы и принесли несомненную пользу делу борьбы за социализм. В наше же время, вследствие специфических особенностей переживаемого советской экономикой периода, уступка рыночной стихии, поскольку она будет способствовать усилению капиталистических элементов, является совершенно недопустимой. Уступка 1921 г., равно как и уступка 1925 г., вызвала быстрый рост производительных сил нашего хозяйства, который компенсировал некоторое оживление капиталистических элементов. Обходный путь в этих случаях в том именно и состоял, что положительные процессы, вызванные ростом производительных сил, должны были действовать сильнее, чем отрицательные, вызванные оживлением капиталистических элементов. Особенность же переживаемого периода состоит в том, что усиление капиталистических элементов не только не будет сопровождаться ростом производительных сил, но неизбежно вызовет их деградацию. Этого обстоятельства не понимают правые и именно потому, что их объяснение переживаемых хозяйственных трудностей и стоящих перед нами задач основано на неправильной оценке основных закономерностей нашей экономики.

На протяжении всей истории развития советского хозяйства борьба двух противоположных экономических тенденций, т. е. вопрос «кто кого», является основным фоном хозяйственного строительства. Однако форма действия и острота этого противоречия меняются от одного этапа нашего развития к другому, делая необходимыми соответствующие изменения методов борьбы социалистического сектора против капиталистического. В начальный период реконструктивного процесса условия борьбы с капиталистической тенденцией развития резко отличаются от условий, существовавших во время преобладания восстановительного процесса. Интенсивное капитальное строительство и упор на развитие тяжелой индустрии создают громадное напря-

жение во всем народном хозяйстве. Обостряется проблема товарного голода. Делается неизбежным образование некоторой неэквивалентности в обмене между городом и деревней. Такое положение заставляет государство встать на путь вытеснения частника в области торговли недостаточными товарами. Однако эта же обстановка создает для капиталистических элементов возможность залезать в глубь сектора простого товарного производства и втягивать его в сферу капиталистического накопления. Недостаток промышленной продукции создает тенденцию усиления переработки сырья внутри деревни, причем для частника облегчается возможность стать во главе этого процесса. Если бы мы в этих условиях попытались отсталость нашего сельского хозяйства преодолеть путем уступки рыночной стихии, мы создали бы для капиталистических элементов возможность широко использовать резко обнаружившуюся отсталость нашего сельского хозяйства и обострение товарного голода в интересах значительного и опасного для нас развития капиталистического типа воспроизводства производственных отношений. Хозяйственная напряженность, обусловленная начальным периодом реконструктивного процесса, при политике уступок рыночной стихии несомненно привела бы к тому, что капиталистические элементы деревни прибрали бы к рукам значительную часть хлебного и сырьевого рынка, стали бы путем подчинения кустарей развивать домашне-капиталистическую промышленность, отрывая таким образом из процесса воспроизводства социалистических отношений все новые и новые пласты крестьянства и кустарей. Совершенно ясно, что при этом не только не произошло бы роста производительных сил, на что ориентируются правые, но, поскольку сравнительно совершенная социалистическая промышленность была бы оттеснена варварски отсталыми капиталистическими предприятиями, произошел бы несомненно регресс общественных производительных сил.

Когда Устрялов требует от нас уступок рыночной стихии, он правильно исходит из кровных интересов своего класса. Он ставит ставку на то, что развязывание капитализма в деревне будет означать расширение воспроизводства капиталистических отношений путем сужения воспроизводства социалистических отношений; он пытается проблему «кто кого» разрешить по-своему. Когда же наши правые капитулируют перед рыночной стихией, они лишь делают практический вывод из теории единого типа воспроизводства производственных отношений, теории, отрицающей проблему «кто кого» и вследствие этого признающей возможность врастания кулака в социализм.

Только полное непонимание особенностей условий борьбы со-

циалистического типа воспроизводства против капиталистического, характерных для переживаемой стадии реконструктивного периода, может создать надежду на то, что уступка рыночной стихии приведет к росту общественных производительных сил.

Ввиду того, что в настоящее время развязывание рыночной стихии больше, чем когда бы то ни было, укрепляет капиталистическую тенденцию развития, преодоление низкой товарности сельского хозяйства возможно исключительно на путях социалистической реконструкции последнего. Этот путь требует громаднейшего напряжения, наталкивается на серьезные трудности, но условия борьбы социалистического типа воспроизводства против капиталистического в настоящее время таковы, что другой путь для нас является совершенно невозможным.

Выше мы видели, что корни низкой товарности нашего сельского хозяйства невозможно правильно понять без учета условий борьбы двух тенденций воспроизводства производственных отношений. Теперь же мы подчеркиваем, что выход из создавшихся трудностей также определяется условиями борьбы двух тенденций нашей экономики.

* * *

Мы видим, что специфическое противоречие переходной экономики определяет характер развития нашего хозяйства (темп и тип индустриализации страны) и вместе с тем обусловливает образование частичных диспропорций в процессе расширенного воспроизводства (товарный голод, обострение проблемы производительности и товарности в сельском хозяйстве. Эти частичные диспропорции принципиально отличаются от диспропорций в капиталистическом хозяйстве, и тем не менее они представляют собою не случайные явления, а обусловлены развитием специфического противоречия переходной экономики. В отношении промышленности влияние этого противоречия сказывается в товарном голоде; в отношении сельского хозяйства оно сказалось в низкой производительности и товарности, которая резко дала себя чувствовать в начальный период реконструктивного процесса. Совершенно ясно, что оба указанных проявления внутреннего противоречия нашей экономики находятся между собой в постоянном взаимодействии, которое в конечном счете выражается в большом количестве конкретных, т. е. находящихся непосредственно на поверхности явлений, противоречий. Совокупность этих противоречий и представляет собою всю сумму хозяйственных трудностей, с которыми нам в каждый данный момент приходится иметь дело.

Таким образом как самый факт существования, так и конкретная форма хозяйственных трудностей обусловлены внутренним противоречием нашей экономики. Однако на основании того обстоятельства, что хозяйственные трудности в виде частичных диспропорций имеют объективные корни во внутреннем противоречии нашей экономики, ошибочно было бы сводить к ним проблему кризисов в нашем хозяйстве. В литературе, посвященной этим вопросам, к сожалению, часто не проводится необходимой грани между вопросом о частичных диспропорциях и проблемой кризисов. А например т. Бухарин в своих «Заметках экономиста» полностью их отождествляет. Формулируя стоящую перед ним задачу, он ставит один за другим следующие три вопроса:

«Не есть ли «товарный голод» общий закон нашего развития? Не обречены ли мы на периодические или непериодические кризисы?.. Не есть ли эти «критические» затруднения железный закон нашего развития?»

Проблема товарного голода следовательно им полностью отождествляется с проблемой кризисов, между кризисами и хозяйственными затруднениями ставится знак равенства!

Чем отличается понятие кризиса от отдельных затруднений в процессе расширенного воспроизводства?

Противоречие между общественным характером труда и индивидуальным способом присвоения приводит в капиталистическом хозяйстве к тому, что периодически наступает всеобщее перепроизводство капитала. Периодически создается обстановка, когда капитал не может приносить прибыль; а поскольку производство и реализация прибыли являются необходимым условием движения капитала, ее исчезновение или даже сильное сокращение сопровождается не только прекращением накопления, но и прямым свертыванием производства. Наступает разрыв связей между хозяйственными ячейками капитализма; и сокращение размеров общественного производства происходит до тех пор, пока падение нормы прибыли не сменится ее подъемом. Но с этим процессом всеобщего перепроизводства смешно было бы смешивать частичные диспропорциональности. Последние в капиталистическом обществе возникают постоянно, но они не только не нарушают процесса расширенного воспроизводства, а часто даже стимулируют его.

Не менее ясна разница между понятием кризиса и хозяйственных затруднений и в нашем хозяйстве. Устранив препятствия развитию производительных сил, исходившие от капиталистических отношений, мы не избавились однако от препятствий вообще. С несравненно меньшей силой, чем при

капитализме, в совершенно другом роде, но и у нас ощущается влияние экономических противоречий. Выше мы видели, что внутреннее противоречие нашей экономики выражается в товарном голоде, с одной стороны, и в сравнительно низкой товарности сельского хозяйства — с другой. Мы видели, что это противоречие обусловливает образование частичных диспропорций, выступающих в качестве серьезных хозяйственных трудностей. Однако эти диспропорции, поскольку они остаются частичными, не прерывают процесса расширенного воспроизводства; несмотря на серьезные трудности и частичные перебои, наше хозяйство в целом интенсивно развивается, оставляя далеко позади довоенные темпы развития. Бесспорна поэтому абсолютная недопустимость смешения понятий товарного голода и вообще хозяйственных затруднений с кризисом. Введение же такого понятия, как «критические затруднения» (Бухарин), способно лишь затушевать разницу между частичной диспропорцией и всеобщим нарушением процесса расширенного воспроизводства, которое только и может быть подведено под понятие «кризис».

Вопрос о возможности кризисов в советском хозяйстве сводится таким образом к вопросу о том, может ли внутреннее противоречие нашей экономики обостряться до такой степени, которая способна вызвать всеобщее нарушение процесса расширенного воспроизводства и временное сокращение размеров всего общественного производства. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Хозяйство переходного периода представляет собою единое целое. И вместе с тем оно развивается в условиях борьбы двух противоположных тенденций воспроизводства производственных отношений. Эта «раздвоенность» процесса воспроизводства производственных отношений, не устраняя единства системы производительных сил, вместе с тем постоянно влияет на процесс их развития. Выше, говоря о социально-экономических корнях товарного голода и низкой производительности и товарности сельского хозяйства, мы отмечали то влияние, которое «раздвоенность» нашей экономики оказывает на процесс развития производительных сил.

В данной же связи необходимо отметить, что процесс борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений оказывает влияние на развитие производительных сил не только путем непосредственного воздействия на уровень техники, но и тем, что производит постоянные перегруппировки внутри системы производительных сил. Одни и те же элементы производительных сил меняют свои места в системе, изменяют

структуру разделения труда в зависимости от хода борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений. Сегодня данная группа крестьянских хозяйств находится в производственной связи с частной промышленностью; завтра она вследствие победы социалистического сектора оказывается в сотрудничестве с государственной промышленностью. Народное хозяйство попрежнему остается единым, элементы системы производительных сил друг с другом увязаны, но характер увязки совершенно иной. Однако имеется теоретическая возможность того, что борьба двух типов воспроизводства производственных отношений вызовет не просто перегруппировку внутри системы производительных сил, а расчленение ее основных элементов. Если бы это произошло, наступил бы кризис, ибо это означало бы всеобщее расстройство процесса расширенного воспроизводства. Рассмотрим условия, которые могут привести к этому расчленению.

Вследствие того, что крестьянское хозяйство в настоящее время в производственную связь с социалистическим сектором вступает в несравненно большей мере, чем с капиталистическим, производительные силы, развивающиеся в форме социалистической тенденции, составляют абсолютно подавляющую часть общественных производительных сил. Они играют абсолютно решающую роль даже с чисто количественной точки зрения, не говоря уже о том, что средневековая техника карликовых капиталистических предприятий не может итти ни в какое сравнение с предприятиями государственной промышленности. Существуя в качестве вполне определенной экономической тенденции, воспроизводство капиталистических отношений вместе с тем играет жалкую роль в смысле охвата производительных сил. В форме капиталистического накопления развивается совершенно ничтожная по своим размерам и к тому же все уменьшающаяся часть производительных сил. Поэтому вся сила капиталистической тенденции состоит в наличии возможности ее развития, в ее способности усиливаться путем использования малейших слабостей социалистического сектора и разумеется ни в какой мере не в ее положительной роли в деле развития производительных сил. Эта разница в удельном весе обоих секторов и их роли в отношении развития производительных сил решает вопрос об условиях бескризисного развития. Чем сильнее и решительнее победы, которые социалистический сектор одерживает над капиталистическим, тем больше возможностей создается для прогресса производительных сил всего общества; чем больше хозяйств простых товаропроизводителей удается оторвать из-под влияния капиталистического сектора

и втянуть в процесс воспроизводства социалистических отношений, тем больше гарантий бескризисного развития всего народного хозяйства.

К совершенно противоположным результатам привело бы поражение социалистического сектора в его борьбе за включение простого товарного хозяйства в процесс воспроизводства социалистических отношений. Размер и структура государственной промышленности таковы, что без связи с деревней невозможно даже простое воспроизводство в ней. Отрыв крупных слоев крестьянства от государственной промышленности неминуемо вызвал бы всеобщее и чрезвычайно глубокое нарушение производственных связей в ней. Но при этих условиях сектор простого товарного производства также вступил бы в полосу острого кризиса. После разрыва связи с государственной промышленностью, он был бы обречен либо на натуральный способ производства со всеми вытекающими из него последствиями, либо на связь с капиталистическим сектором, компенсирующим свою техническую отсталость средневековой эксплоатацией. Таким образом нарушение процесса воспроизводства социалистических отношений привело бы к кризису и социалистический сектор и сектор простого товарного производства. Влиянию кризиса подверглась бы даже та часть крестьянства, которая является составной частью процесса капиталистического накопления. Благоприятная конъюнктура создалась бы только для капиталистического сектора. Последний получил бы дешевые рабочие руки, широчайший рынок сбыта и неограниченное, по сравнению с его более чем скромными потребностями, предложение сырья. Кризис в социалистическом и простом товарном секторах, т. е. в подавляющей части народного хозяйства, для капиталистического сектора означал бы крутой подъем. Такое положение возможно исключительно в условиях переходного периода, только в результате наличия двух тенденций в экономике. Оно отражает в себе также и то обстоятельство, что социалистический сектор является решающей, ведущей частью хозяйства, ибо кризис в нем сопровождается кризисом во всем народном хозяйстве. Мы таким образом можем притти к выводу, что кризис в нашем хозяйстве мыслим лишь в результате разрыва составных частей процесса воспроизводства социалистических отношений (государственной промышленности и простого товарного сектора) и вытекающего отсюда расстройства абсолютно подавляющей части общественных производительных сил.

Непосредственных причин кризиса может быть две. Отрыв крестьянства от государственной промышленности может про-

изойти либо вследствие перехода его на натуральный способ производства, либо потому, что капиталистическому сектору удалось создать для крестьянства более выгодные условия смычки. Во втором случае причиной кризиса явилась бы прямая победа капиталистического сектора над социалистическим. Но и при переходе крестьянства на натуральный способ производства капиталистическая тенденция развития несомненно значительно усилилась бы, так как полная натурализация при достигнутом уровне разделения труда невозможна. Порвавшие связь с социалистическим сектором простые товаропроизводители стимулировали бы капиталистическое накопление.

Мы указывали выше, что внутреннее противоречие нашей экономики на поверхности явлений проявляется во всей сумме конкретных хозяйственных трудностей. Эти трудности, как бы велики они ни были, являются лишь частичными диспропорциями и потому кризисом не являются. Но они затрудняют дело укрепления смычки государственной промышленности с крестьянским хозяйством и, следовательно, облегчают возможность развития капиталистической тенденции. Если социалистический сектор в союзе с основной массой крестьянства будет успешно преодолевать эти частичные диспропорциональности, он сумеет тогда ослабить капиталистическую тенденцию и обеспечить подъем в народном хозяйстве в целом; если, наоборот, капиталистический сектор сумеет использовать эти трудности, ухудшить условия смычки государственной промышленности с крестьянским хозяйством и добиться отрыва последнего от государственной промышленности, — наступит народнохозяйственный кризис. Ясно таким образом, что корни кризиса в нашем хозяйстве находятся в сформулированном выше внутреннем противоречии нашей экономики. Это противоречие, как мы видели, проявляется в товарном голоде на промышленную продукцию, с одной стороны, и в низкой товарности сельского хозяйства — с другой. Конкретным выражением этого противоречия является вся сумма хозяйственных трудностей, выступающих на поверхности явлений. Кризис же появился бы в том случае, если бы хозяйственные трудности возросли настолько, что нарушилась бы смычка государственной промышленности с крестьянством, в результате чего частичные диспропорции превратились бы в дезорганизацию всего хозяйственного организма.

Изложенная характеристика причин кризиса исходит из того, что основным законом нашего развития является не только существование двух борющихся экономических тенденций, т. е. проблемы «кто кого», но не в меньшей степени также и о б я з а-

тельность победы социалистической тенденции; последнее не только не исключает наличия проблемы «кто кого», но, наоборот, предполагает ее. Нарушение этого основного закона переходной экономики неминуемо ведет к кризису, и наоборот, реализация его сопровождается прогрессивным развитием всей нашей хозяйственной системы как целого. Следовательно постоянное усиление процесса воспроизводства социалистических отношений за счет капиталистических является обязательным условием целостности и единства нашей хозяйственной системы. Лишь благодаря осуществлению этого условия борьбы между двумя типами воспроизводства производственных отношений выступает как противоречие внутри единства, как противоречие, являющееся движущей силой развития переходной экономики в социалистическую.

В изложенном взаимодействии процесса воспроизводства производственных отношений и процесса развития производительных сил одновременно обнаруживается и специфическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями в нашем хозяйстве и вместе с тем их единство. Двойственность воспроизводства производственных отношений при обязательности победы социалистического пути развития, наряду с созданием ряда препятствий развитию производительных сил, является вместе с тем и движущей силой их развития, ибо необходимость борьбы с капиталистическими тенденциями определяет быстрый темп развития социалистического сектора, а с ним и всего хозяйства переходного периода. Возможность кризиса в результате обострения противоречий лишь подтверждает наличие (наряду с противоречием единства) производительных сил и производственных отношений.

Капиталистический кризис является результатом стихийного развития стоимостных отношений. Условия эксплоатации рабочей силы делают невозможным бескризисное развитие производительных сил. В нашем хозяйстве, как мы видели, возможность кризиса возникает не из борьбы буржуазии с пролетариатом за общественный доход, как при капитализме, а из борьбы социалистического способа производства против капиталистического. Принципиальная разница между возможными кризисами в нашем хозяйстве и капиталистическими кризисами определяется отличием переходной экономики от капиталистической. Причем особенность нашего строя, как переходного от капитализма к социализму, сказывается также и в том, что разрыв процесса воспроизводства социалистических отношений означает кризис во всем народном хозяйстве, а всякое поражение капиталистической тенденции, наоборот, сопровождается усилением

развития производительных сил страны. Это своеобразие экономических корней советского кризиса находит особенно яркое выражение в процессе развертывания последнего.

Одной из основных особенностей капиталистического кризиса является то обстоятельство, что он ликвидируется так же стихийно, как и наступает. Стихийный процесс развития капиталистических противоречий приводит к кризису, но, поскольку кризис представляет собою процесс стихийного разрешения капиталистических противоречий, его возникновение уже является залогом подъема. Совершенно по-иному решается вопрос о процессе развертывания и ликвидации советского кризиса. Наличие двух экономических тенденций в нашем хозяйстве исключает ту всеобщность, которую имеют фазы капиталистического цикла. Выше мы видели, что если бы в нашем хозяйстве произошел кризис, то в одной, правда совершенно незначительной, части нашей экономики он сопровождался бы бурным подъемом. И чем сильнее развивался бы кризис, тем быстрее росли бы капиталистические элементы и развивалась бы капиталистическая тенденция. Этот своеобразный, свойственный только переходной экономике, ход возможного кризиса совершенно исключает возможность ликвидации последнего путем, так сказать, самоизживания. Отрыв крестьянства от государственной промышленности может быть вызван только относительной слабостью последней в данный момент. Поскольку же этот отрыв означал бы дальнейшее серьезное ухудшение позиций социалистического сектора и укрепление капиталистического, стихийное развитие не могло бы привести к ликвидации кризиса. Наоборот, всякий новый шаг по пути дальнейшего расстройства процесса воспроизводства социалистических отношений и расширения капиталистических отношений сопровождался бы дальнейшим функциональным разрушением наиболее развитой части общественных производительных сил и усилением в нашем хозяйстве удельного веса примитивнейшей техники частной промышленности. Затяжной кризис в нашем хозяйстве представлял бы собою процесс отрицательного воспроизводства материальных благ при расширенном воспроизводстве капиталистических производственных отношений. Совершенно ясно, что стихийное развитие этого процесса в конечном счете означало бы не что иное, как процесс ликвидации советской системы хозяйства.

В нашем хозяйстве таким образом не может быть самоизживающегося кризиса. При первом же признаке превращения частичных диспропорций во всеобщее расстройство производствен-

ных связей со стороны государственной власти должны быть предприняты крутые меры, направленные на ослабление капиталистической тенденции развития и оздоровление процесса воспроизводства социалистических отношений. В отличие от капиталистического, в нашем хозяйстве без активного вмешательства политики изжитие кризиса невозможно.

Как решается вопрос о степени обязательности кризисов в нашем хозяйстве? Из предыдущего совершенно ясно, что вопрос о возможности кризисов решается утвердительно. При этом необходимо подчеркнуть, что возможность кризисов у нас обусловливается отнюдь не одним только наличием меновых отношений и возможностью ошибок планирования, как думают некоторые. Возможность кризисов в нашем хозяйстве обусловливается тем, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом не исчезает, а превращается в борьбу двух противоположных экономических тенденций единого хозяйственного процесса. Покуда в нашей экономике не снят вопрос «кто кого», не снята и объективная возможность кризиса.

Однако та же раздвоенность нашей экономики, которая делает кризисы возможными, *исключает их обязательность*. Капиталистическое хозяйство не может развиваться без кризисов, так как нормальное развитие капиталистических отношений, происходящее на основе закона стоимости, обостряет противоречия до такой степени, что единственной формой их разрешения становится всеобщий кризис. Поэтому в условиях капитализма кризис является совершенно нормальной составной частью процесса воспроизводства, столь же необходимой, как и любая другая фаза капиталистического цикла. В нашем же хозяйстве, как следует из вышеизложенного, нормальным является только такое развитие, которое сопровождается усилением процесса воспроизводства социалистических отношений, а также систематическим сокращением той части производительных сил, которая развивается в форме капиталистического накопления.

Кризис в нашем хозяйстве в противоположность капиталистическому кризису способен лишь углублять противоречие. Особенность нашего противоречия состоит в том, что оно создает объективную возможность образования кризиса и вместе с тем обязательным условием своего разрешения имеет бескризисное развитие. Если успешное развитие капиталистической системы предполагает кризис, то успешное развитие нашей переходной экономики, наоборот, исключает его.

Сказанное предопределяет решение вопроса о цикличности нашего хозяйственного развития. Поскольку стихийное развитие

кризиса в нашем хозяйстве вещь совершенно невозможная, поскольку кризис не является обязательной составной частью процесса воспроизводства, вопрос о цикличности нашего хозяйственного развития нельзя даже ставить. Структура нашей экономики не дает гарантий насчет преодоления стихийных тенденций в каждый данный момент, но она вместе с тем исключает стихийный ход расширенного воспроизводства.

В литературе, посвященной проблеме кризисов в нашем хозяйстве, больше всего внимания уделяется формам кризиса. При этом ряд авторов считает аксиомой, что специфической особенностью наших кризисов является то обстоятельство, что они протекают в форме недопроизводства в отличие от капиталистических кризисов перепроизводства. Выше мы старались показать, в чем состоит специфичность проблемы кризисов у нас. Ее нужно искать не в форме кризиса, а в экономических корнях его. Ударение же на форме недопроизводства как специфической особенности проблемы кризисов у нас обусловлено отсутствием правильного анализа специфических корней последних. Достаточно привести следующую формулировку Базарова:

«Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозою товарного голода, кризиса недопроизводства» [1].

Полное отождествление товарного голода с кризисом! При такой трактовке кризиса конечно недопроизводство выступает как единственная форма и основное специфическое свойство его. Такой же постановкой вопроса грешит и т. Бухарин, который сначала смазывает разницу между хозяйственными затруднениями и кризисом (выше нами это было отмечено), а затем делает ударение на том, что наш кризис по сравнению с капиталистическим является вывернутым наизнанку. Специфичность проблемы кризисов у нас определяется не формой, не тем, что они по сравнению с капиталистическими кризисами представляются вывернутыми наизнанку, а специфичностью внутреннего противоречия нашей экономики. Если же подойти к вопросу о форме не от товарного голода, а от анализа основных причин возможного кризиса, отражающих в себе все своеобразие переходной экономики и определяющих не только формальное, но и глубоко принципиальное отличие проблемы кризисов у нас от проблемы капиталистических кризисов, то вопрос о форме окажется значительно более сложным.

[1] В. Базаров — Капит. циклы . . . ., стр. 99.

Кризис 1923 г. например имел рыночную форму *перепроизводства* продуктов промышленности, что объясняется тем, что крестьянство начало рвать связи с государственной промышленностью по линии покупки ее продукции. Но отрыв крестьянства от социалистического сектора при соответствующих условиях мог бы начаться и с другого конца. Социально-экономическая сущность кризиса не изменилась бы, если бы крестьянство стало рвать с государственной промышленностью по линии сбыта сельскохозяйственной продукции, хотя при этом кризис имел бы форму *недопроизводства* продукции государственной промышленности. Мы видим таким образом, что, в противоположность капитализму, для возможных кризисов у нас не обязательна определенная рыночная форма. В зависимости от конкретного состояния экономики одно и то же социально-экономическое противоречие может принимать различные рыночные формы выражения. Только в результате полного отказа от марксистского анализа можно утверждать, что все дело в том, что у нас все вывернуто наизнанку (Бухарин), или прямо отождествлять кризис с товарным голодом (Базаров). Кризис как при капитализме, так и у нас есть результат максимального обострения внутренних противоречий. Но из природы капиталистического строя вытекает, что там кризис может образоваться лишь как перепроизводство капитала, которое обязательно примет форму перепроизводства товаров, в то время как возможные кризисы в советском хозяйстве не только не являются перепроизводством капитала, но и вообще, как мы выше видели, развертываются по совершенно другой линии. Поэтому с точки зрения марксистской методологии прямо-таки чудовищно искать основное отличие проблемы кризисов у нас от проблемы капиталистических кризисов в противоположной рыночной форме.

* * *

Вопрос о раздвоенности советской экономики в свое время резко был поставлен Преображенским как в связи с проблемой социалистического накопления, так и в связи с проблемой регулятора. Но в интерпретации Преображенского раздвоенность нашей экономики приняла такой характер, который совершенно исключает возможность социалистической переделки последней. Поскольку он социалистическому сектору противопоставил в качестве непримиримого антагониста объединенный товарно-капиталистический сектор, согласно его теории получилось, что рост социалистических отношений за счет товарного сектора может происходить лишь путем перекачки. Согласно этой

установке воспроизводство в социалистическом секторе не только не смыкается с воспроизводством в простом товарном секторе, но, наоборот, находится в непримиримом антагонизме с ним. Следовательно в своей теории социалистического накопления Преображенский дал в корне неправильный анализ процесса взаимодействия основных в нашей экономике типов производственных отношений. Две борющиеся тенденции в нашей экономике им изображены без учета отличий простого товарного хозяйства от капиталистического.

Но ошибка Преображенского усугубляется еще и тем, что его теория двух регуляторов переносит раздвоенность и на систему производительных сил. Стремление к пропорциональности в единой системе производительных сил не может происходить путем действия двух регуляторов, к тому же отделенных друг от друга не только функционально, но и территориально. Наличие двух регуляторов возможно только в том случае, если налицо два круга воспроизводства не только производственных отношений, но и производительных сил. Но это означало бы либо существование двух обособленных хозяйств, либо перманентный кризис. Следовательно и в том и в другом случае действия двух регуляторов в едином хозяйстве не было бы: в первоом случае мы имели бы дело с двумя обособленными хозяйствами, в каждом из которых действует вытекающий из его экономической структуры регулятор; во втором же случае было бы налицо единое «хозяйство», но без тенденций к пропорциональности.

Теория двух регуляторов является таким образом результатом не только неправильного понимания раздвоенности нашей экономики в смысле противопоставления крестьянства социалистическому сектору, но и результатом перенесения раздвоенности на систему производительных сил, что впрочем теснейшим образом связано с первой ошибкой. Поскольку у нас остается проблема «кто кого», в области производственных отношений не может существовать «равновесие» между двумя тенденциями воспроизводства производственных отношений. Постоянное качественное изменение экономической структуры является отличительной чертой нашего строя как переходного. Но с другой стороны, поскольку наше хозяйство является единым целым, должна постоянно действовать тенденция к определенной, вытекающей из условий борьбы за социализм, пропорциональности между элементами единой системы производительных сил, несмотря на то, что движение их происходит в форме различных производственных отношений. Этими чертами и определяется харак-

тер нашего регулятора. Единство системы производительных сил делает необходимым существование единого регулятора. Наличие двух противоположных тенденций в экономике при гегемонии социалистической тенденции, т. е. существование проблемы «кто кого», скажется не в образовании двух регуляторов, а в характере того единого регулятора, благодаря действию которого в нашем хозяйстве достигается известная пропорциональность, несмотря на непримиримую борьбу двух противоположных экономических тенденций.

Специфические черты переходной экономики оказывают определяющее влияние как на характер пропорций в производственном процессе у нас, так и на способы установления этих пропорций. Что касается характера пропорций, то нужно сказать, что регулятор в переходном хозяйстве должен обеспечить реализацию таких пропорций, которые обусловили бы социалистическую переделку нашей экономики. Выше мы видели, что хотя бы временное торжество противоположной тенденции (т. е. победа капиталистического сектора в отношении влияния на производительные силы) в условиях нашего строя неизбежно вызовет народнохозяйственный кризис. Этим определяется, так сказать, основная задача регулятора в переходном хозяйстве. Каковы же способы, при помощи которых эта задача выполняется?

Совершенно ясно, что способы выполнения этой задачи теснейшим образом связаны с ее содержанием и полностью определяются тем, что проблема равновесия в нашем хозяйстве является лишь частью проблемы «кто кого». В нашей экономике два противоположных начала борются за свои пропорции, и, поскольку необходимым условием нормального развития всего нашего хозяйства является победа социалистической тенденции, способы достижения пропорциональности полностью определяются способами борьбы социалистического сектора против капиталистического за решающее влияние на простое товарное хозяйство. Таким образом пропорциональность развития переходного хозяйства достигается при помощи той системы мер, которую социалистический сектор сознательно проводит в целях достижения переделки простого товарного хозяйства и разгрома капиталистического сектора. А так как наш план является не чем иным, как совокупностью мероприятий социалистического сектора, направленных на борьбу против капиталистического типа воспроизводства, то его и следует считать регулятором производства в нашем хозяйстве. Разумеется наш план, поскольку он представляет собою программу борьбы против капиталистического типа воспроизвод-

ства, принципиально отличается от социалистического, являющегося программой борьбы бесклассового общества с природой. Характер регулятора в нашем хозяйстве определяется единством системы производительных сил, развивающейся в оболочке борьбы двух экономических тенденций, из коих одна (социалистическая) должна иметь и имеет решающий перевес. Успешное действие нашего регулятора возможно исключительно на пути победы социалистической тенденции над капиталистической. В противном случае делается неизбежным кризис.

Мы не ставим перед собой задачи сколько-нибудь исчерпывающего разбора проблемы регулятора. Вышеизложенные соображения имеют целью лишь показать, что решение проблемы регулятора теснейшим образом связано с решением проблемы воспроизводства, ибо проблема регулятора относится к проблеме воспроизводства, как закон пропорциональности относится к основному закону движения данной общественной формации.

Для Преображенского основным законом движения переходной экономики является закон первоначального социалистического накопления, и потому равновесие мыслится им как результат борьбы двух самостоятельных регуляторов; для Бухарина основным законом движения переходной экономики является постепенная переделка не только простого товарного, но и капиталистического сектора (врастание кулака в социализм), и потому регулятором у него является закон трудовых затрат; из ленинского понимания основного закона нашего движения, как процесса решения проблемы «кто кого», как процесса победоносной борьбы социалистического типа воспроизводства против капиталистического за овладение системой производительных сил в целом, вытекает понимание регулятора как плана социалистического сектора, направленного на полное устранение капиталистических тенденций.

ГЛАВА VII.

Механистические теории кризисов.

Плановый характер советского хозяйства, зависимость каждого отдельного проявления хозяйственной жизни от сознательного воздействия государства на экономику, ставит в совершенно особые условия процесс построения теории советского хозяйства. Экономическая действительность, находясь в несравненно большей зависимости от экономической науки, чем во все предыдущие формации, больше, чем когда бы то ни было, подталкивает последнюю, требуя вместе с тем от нее освещения именно тех проблем, без теоретического разрешения которых невозможно развитие планирования, а следовательно и развитие советской экономики как переходной к социализму. Это обстоятельство, стимулируя с громадной силой развитие теории советского хозяйства, делает наряду с этим неизбежной известную нестройность в ее развитии.

Политическая экономия Маркса представляет собою систему, которая воспроизводит в нашем сознании весь механизм капиталистических отношений и дает ясное представление о роли и значении каждого из его многочисленных элементов. Но стройность марксовой системы в качестве одной из основных своих предпосылок имела то обстоятельство, что перед исследователем находился вполне развитый объект исследования, позволивший ему начать свой анализ с простейших элементов, наиболее отдаленных от поверхности явлений. В условиях переходной экономики столь нормальный (с точки зрения метода исследования) ход теоретической мысли совершенно исключен.

Во-первых, поскольку объектом исследования является переходная экономика, о полном сформировании ее нечего и говорить, так как процесс развития переходной экономики есть вместе с тем процесс ее исчезновения; во-вторых, теоретическое исследование в наших условиях ни на одном этапе своего развития не может ограничиться анализом частичных проблем, а должно стремиться в том или ином разрезе представить закономерности всей системы в целом, ибо только в таком виде теория может быть непосредственно использована

политикой. Поэтому, в то время как у Маркса теория воспроизводства капиталистического хозяйства представляет собою одно из заключительных звеньев, которому предшествует изолированный (точнее — абстрагированный) анализ каждой составной части капиталистической системы отношений, у нас она обычно выступает на первых же порах теоретического анализа. Во всех сколько-нибудь значительных теоретико-экономических дискуссиях, которые у нас имели место независимо от того, под каким официальным названием эти дискуссии проходили, проблема воспроизводства всегда была основной проблемой. В зависимости от характера каждого данного этапа развития переходной экономики меняется постановка проблемы воспроизводства, но обсуждение ее происходит на всем протяжении развития теории советского хозяйства.

Следовательно особое положение теоретической экономии в переходный период выражается между прочим в том, что теоретическая мысль вынуждена работать над проблемой воспроизводства советского хозяйства в целом тогда, когда частные проблемы советской экономики еще не нашли исчерпывающего разрешения.

Но указанным обстоятельством влияние специфических особенностей советской экономики на процесс теоретической разработки проблемы воспроизводства не ограничивается. Дело в том, что, поскольку в наших условиях политика является составной частью экономики, генеральная линия экономической политики становится фактором развития переходной экономики, а также фактором равновесия, как момента движения. А это обстоятельство приводит к тому, что представление об основном законе движения и о проблеме равновесия находится в теснейшей связи с решением вопроса о характере необходимой генеральной линии экономической политики. Совершенно естественно поэтому, что разные генеральные линии экономической политики должны быть связаны с различными теориями воспроизводства.

В предыдущих главах мы пытались изложить основные элементы учения о воспроизводстве и кризисах, исходя из той генеральной линии, которую проводит партия. Остановимся на теории Базарова, сформулированной им в специальной работе [1].

Прежде чем приступить к разбору работы Базарова, напомним о теории потухающей кривой, которую защищал Базаров в 1925 г.

---

[1] В. Базаров, Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР.

Как известно, эта теория представляет собою попытку по-своему разрешить проблему воспроизводства в той хозяйственной обстановке, которая сложилась к 1925 г. Устанавливая определенные закономерности, касающиеся темпа развития всего нашего хозяйства, Базаров (вместе с Громаном) пытался разрешить основной вопрос накопления «общественного капитала». Однако в руках Громана и Базарова проблема воспроизводства оказалась исключительно технико-производственной проблемой.

Марксистской критике никакого труда не стоило доказать, что, поскольку авторы теории потухающей кривой абстрагировались от социально-экономических моментов, их выводы являются ошибочными даже с чисто производственной точки зрения. На вопросах темпа развития промышленности, денежного обращения, кредита, т. е. на конкретных вопросах хозяйственной динамики, было доказано, что проблемы воспроизводства, как проблемы одной технической увязки отраслей и расширения производства материальных благ, в природе не существует. На конкретном процессе развития советского хозяйства была лишний раз подтверждена правильность того положения Маркса, что воспроизводство материальных благ есть лишь одна из сторон процесса воспроизводства, что вместе с ним происходит воспроизводство определенной системы экономических отношений и что обе эти стороны расширенного воспроизводства находятся между собой в постоянной зависимости и взаимодействии. Тогда же было подчеркнуто, что это положение, обязательное для всякой экономической формации, особенно важно учитывать при анализе переходной экономики с присущей ей исключительной динамичностью не только производительных сил, что имеет место и при капитализме, но и производственных отношений [1].

Но несмотря на то, что полемика вокруг теории потухающей кривой была по существу полемикой по вопросам воспроизводства в хозяйстве СССР, авторы этой теории всячески пытались сузить рамки вопроса до отдельных «эмпирических законностей», устанавливаемых ими только для области материального процесса производства. Тем бо́льшего внимания заслуживает попытка В. Базарова развить свою теорию потухающей кривой в аспекте соответствующей теории воспроизводства и кризисов в капиталистическом хозяйстве и хозяйстве СССР.

---

[1] См. Р. Вайсберг, Советское хозяйство как переходное. «Плановое хозяйство» № 9 за 1925 г.

* *
*

В своей книге Базаров делает попытку использовать учение Маркса о воспроизводстве и кризисах в капиталистическом хозяйстве для анализа соответствующих проблем в хозяйстве СССР. При этом основным его положением является утверждение, что схемы простого и расширенного воспроизводства общественного капитала, сформулированные Марксом во втором томе, должны быть положены в основу борьбы за равновесие в нашем хозяйстве. Автор тратит чрезвычайно много труда на то, чтобы путем детализации этих схем доказать их необходимость для построения и реализации баланса нашего народного хозяйства.

Но выдвинув положение о реальности марксовых схем в условиях СССР, Базаров обращает внимание на то обстоятельство, что при капитализме воспроизводство совершается при абсолютном господстве одной (капиталистической) формации, в то время как у нас из пяти образующих нашу экономику формаций ни одна не способна играть столь господствующую роль. Из этого положения он выходит путем своеобразного использования марксова метода абстракции: Маркс абстрагировался от всех докапиталистических формаций и рассматривал проблему воспроизводства в условиях чисто капиталистических отношений; желая следовать этому же методу, Базаров из всех пяти укладов, в совокупности образующих нашу экономику, оставляет только социалистический, применительно к которому и доказывает правильность своей теории баланса.

В этом методе кроется абсолютно неправильное понимание воспроизводства в советском хозяйстве, но вместе с тем и исключительно примитивное толкование марксовой теории воспроизводства и в частности схем второго тома.

Туган-Барановский и Р. Люксембург имели то общее, что одинаково неправильно понимали марксовы схемы расширенного воспроизводства. И тот и другая относились к ним как к цифровому выражению равновесия между отраслями в процессе расширенного воспроизводства материальных благ. Эту вульгаризацию схем очевидно допускает и Базаров, поскольку он считает возможным на их основе решать проблему воспроизводства при социалистических отношениях. Наличие расширяющегося производства материальных благ, наличие широкого разделения труда и необходимость увязки между отраслями производства — эти черты, присущие всякой экономической формации, очевидно по мнению Базарова исчерпывают собою содержание марксовых схем расширенного вос-

производства. Только при таком понимании схем возможно распространять их на социалистическое хозяйство.

Одной из основных отличительных черт схем второго тома является то обстоятельство, что отрасли, между которыми должна быть сохранена известная пропорциональность, делятся на c + v + m. Уже одна эта ценностная формулировка отраслей исключает внеисторический характер схем. Она показывает, что в схемах речь идет не о простом факте сохранения равновесия между отраслями в процессе расширения производства, а о таком равновесии, которое достигается на фоне превращения рабочей силы в товар, на фоне борьбы классов в процессе распределения производимого продукта, борьбы, которая определяет не только размер прибавочного продукта, но и степень его накопления.

Далее, совершенно ясно, что Маркс, разбивая все общественное производство на два подразделения, не случайно отдельно выделил отрасли, производящие материальные элементы дохода, и отдельно — отрасли, производящие материальные элементы постоянного капитала. Р. Люксембург такое деление объясняет желанием Маркса оттенить внеисторический, вечный момент процесса воспроизводства, состоящий в необходимости для всякой общественной формации часть общественного дохода производить как средства производства для следующего производственного периода. Но при этом Р. Люксембург игнорирует значение данной Марксом ценностной формулировки каждого подразделения. Бесспорно, что изложенная Р. Люксембург задача является действительно внеисторической, вечной задачей. Но в своих схемах Маркс показал, что осуществление этой вечной задачи в условиях капиталистических отношений встречает постоянные препятствия со стороны противоречий капиталистической системы и что препятствия эти возникают именно из того, что общественное производство делится не на средства производства и работников, а на постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость. Таким образом Маркс в своих схемах сформулировал основные социально-экономические отношения, на фоне которых в условиях капитализма действует стремление к пропорциональности в процессе расширенного воспроизводства, и основные социально-экономические противоречия, которые постоянно мешают достижению пропорциональности.

Еще яснее историчность марксовых схем выступает в связи с вопросом о так называемом недопотреблении.

Туган-Барановский объявил, что, не найдя почвы в своих собственных схемах расширенного воспроизводства, Маркс в

теории кризисов, объясняя причины последних недопотреблением, встал по существу на позиции Сисмонди; Р. Люксембург поняла схемы расширенного воспроизводства так же, как и Туган, и обвинила Маркса в полном игнорировании момента потребления. В действительности же Марксу было чуждо понимание недопотребления в том виде, как оно фигурировало у Сисмонди, и вместе с тем проблема потребления, в противоположность мнению Р. Люксембург, играет решающую роль в его теории воспроизводства и с достаточной ясностью поставлена в схемах второго тома.

Маркс никогда не считал, что причиной кризиса является низкий уровень потребления. Все цитаты, выписанные Туганом для подтверждения этой клеветы на Маркса, говорят не о низком уровне потребления как причине кризиса, а об узком базисе, на котором основываются условия потребления, что при элементарно-добросовестном отношении к делу смешивать довольно трудно.

Причиной кризисов по Марксу является противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости. Интересы производства прибавочной стоимости требуют максимального сокращения заработной платы, следствием чего является увеличение накопления, т. е. увеличение той части общественного дохода, которая превращается в постоянный капитал для следующего производственного периода; в интересах реализации произведенной прибавочной стоимости, наоборот, является рост заработной платы и следовательно увеличение размеров общественного дохода, который реализуется как доход, а не превращается в постоянный капитал. Это внутреннее противоречие, подготовляющее окончательный взрыв капиталистической системы, периодически реализуется в экономических кризисах. Но в противоположность мнению Сисмонди оно реализуется отнюдь не только в форме недопотребления. Напротив, у Маркса имеются прямые указания на то, что когда увеличение накопления в такой мере усиливает спрос на рабочую силу, что происходит значительное увеличение реальной заработной платы, кризис делается неизбежным. Кризис здесь объясняется не низким уровнем потребления, ибо как раз к моменту его наступления заработная плата находится на наиболее высоком уровне; он объясняется здесь узким базисом, на котором покоятся условия потребления в капиталистическом обществе: когда заработная плата низка, создается пониженный спрос на продукты людского потребления, но когда она выходит за пределы того узкого базиса, который обусловлен

законами капиталистического накопления, это последнее (накопление капитала) прекращается, и наступает кризис. Нашла ли отражение в схемах второго тома такая трактовка недопотребления?

Кто ищет в марксовых схемах «недопотребление» в сисмондистском духе, тот разумеется его там не найдет. Но он, в противоположность мнению Тугана, не найдет его и в марксовой теории кризисов. Однако абсолютно неправильно было бы из этого обстоятельства делать тот вывод, что схемы вовсе игнорируют момент потребления. Основное противоречие капитализма — противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости, которое и создает узкий базис для потребления, — не только лежит в основе теории кризисов Маркса, но и зафиксировано уже в схемах второго тома. Формулировка каждого отдельного подразделения фиксирует уже существование рабочей силы как товара, борьбу за уровень заработной платы и зависимость накопления капитала от исхода этой борьбы. С другой стороны, разбивка всего общественного производства на два подразделения по такому принципу, что одно (I) производит только материальные элементы постоянного капитала, а другое (II) — только материальные элементы дохода, фиксирует, что основной задачей и вместе с тем основной трудностью расширенного капиталистического воспроизводства является задача превращения части общественного дохода, создаваемого рабочим классом, в постоянный капитал, принадлежащий классу капиталистов, для осуществления чего необходимо удержание потребления рабочего класса в весьма узких рамках.

Таким образом марксовы схемы представляют собою не что иное, как фиксирование узкого базиса, на котором покоятся условия потребления в капиталистическом обществе, как основной трудности в деле достижения пропорциональности в процессе расширенного воспроизводства. И совершенно ясно, сколь хорошо понял Маркса В. Базаров, если он считает возможным схему расширенного воспроизводства положить в основу борьбы за пропорциональность в социалистическом хозяйстве.

* * *

Мы указывали выше, что попытка безоговорочного распространения схем второго тома на советское хозяйство при абстрагировании от всех элементов последнего, кроме социалистиче-

ского, грешит как вульгаризацией схем второго тома, так и совершенно неправильным подходом к изучению советской экономики. Вопрос о вульгаризации схем второго тома мы рассмотрели. Остановимся на втором вопросе.

Воспроизводство материальных благ происходит у нас в форме чрезвычайно сложных и противоречивых производственных отношений. Наличие капиталистического типа воспроизводства и постоянная борьба его против социалистического типа воспроизводства представляют собою постоянно действующее внутреннее противоречие нашей экономики, оказывающее влияние на условия воспроизводства материальных благ. Естественно, что построить учение о воспроизводстве — значит прежде всего научно учесть влияние на воспроизводственный процесс основного социально-экономического противоречия нашего строя. Базаров же взял марксовы схемы, выхолостил из них всякий социально-экономический смысл, затем предположил, что в нашей экономике нет ни капиталистических отношений, ни отношений простого товарного производства, и, освободившись таким образом от усложняющих анализ обстоятельств, показал с тщательностью, заслуживающей лучшего применения, как нужно строить и реализовать баланс советского народного хозяйства на основе марксовых схем воспроизводства.

При такой постановке вопроса народное хозяйство превращается в сумму отраслей производства, требующих взаимной увязки в количественном отношении. С этой точки зрения совершенно правильно будет наше хозяйство рассматривать как социалистическое, а социалистическое хозяйство — как капиталистическое и употреблять для анализа закономерностей социалистического хозяйства без всяких изменений схемы, построенные Марксом в результате анализа специфических особенностей капиталистической системы отношений. Если для Маркса экономика есть отношение между людьми, то для Базарова — отношение между материальными элементами производства.

Изложенное отношение к проблеме воспроизводства нашло вполне соответствующее дополнение во взглядах автора на проблему кризисов в нашем хозяйстве.

Единственной специфической чертой экономики СССР, которую Базаров признает, является принципиальное изменение положения рабочего класса. Это изменение он кладет в основу своего учения о кризисах в СССР и, как увидим ниже, на основании его строит понятие цикла без кризиса.

«Но те новые общественные отношения, которые установились после октября 1917 г., радикально изменили экономическое положе-

ние рабочей силы как в городе, так и в деревне и сделали восстановление довоенного уровня и типа хозяйственного равновесия неосуществимым. До войны у нас, как и во всем капиталистическом мире, народное хозяйство страдало от противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением; несмотря на весьма скромный по своей абсолютной величине уровень развития производительных сил, промышленная продукция имела постоянную тенденцию к относительному перепроизводству, к расширению за пределы донельзя сжатого платежеспособного спроса основной массы населения. В настоящую «переходную эпоху» нашей системе хозяйства присуще прямо противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил. Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозою товарного голода, кризиса *недопроизводства*» [1].

В капиталистическом хозяйстве кризисы перепроизводства возникают вследствие недопотребления, т. е. вследствие своеобразного взаимоотношения между заработной платой и производительностью труда. Реальная заработная плата определяется стоимостью рабочей силы и следовательно в основном остается неизменной. Накопляемая же прибавочная стоимость через повышение органического строения капитала ведет к систематическому росту производительности труда. В результате этого в процессе накопления капитала доля рабочего в общей сумме производимых им продуктов систематически сокращается, что означает недопотребление, периодически реализующееся в кризисах. Кризисы перепроизводства в капиталистическом хозяйстве являются таким образом следствием закона отставания заработной платы от производительности труда.

В советском хозяйстве вследствие изменения положения рабочего класса относительной прибавочной стоимости нет, а следовательно нет и закона отставания заработной платы от производительности труда. Наоборот, поскольку рабочий класс оказался хозяином производства, у нас образовалась противоположная тенденция — отставания производительности труда от заработной платы. Таким образом, когда хозяином производства является капиталист, не представляющий собою основного потребителя, создается тенденция к перенакоплению; когда же хозяином становится сам рабочий класс, который является одновременно и основным потребителем, образуется не менее сильная тенденция к недонакоплению за счет увеличения потреб-

[1] В. Базаров, Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР, стр. 98—99.

ления. Поэтому, если обязательным спутником капитализма являются периодические кризисы перепроизводства, то законом нашего хозяйственного строя является недопроизводство, т. е. товарный голод. Правда, наше хозяйство от капиталистического отличается не только национализацией основной массы средств производства, но еще и наличием планового начала, при помощи которого тенденция к «перепотреблению» могла бы быть устранена. Но Базаров в рассуждения по этому поводу не вдается и «перепотребление», т. е. товарный голод, признает таким же стихийным законом в нашем хозяйстве, как кризисы перепроизводства при капитализме.

«Обычно возникновение товарного голода объясняют теми или другими частными ошибками экономической политики последнего времени. Я менее всего склонен отрицать наличность такого рода ошибок. Но если бы даже никаких ошибок не было, если бы наши директивные органы были всеведущи и идеально предусмотрительны, товарный голод был бы лишь несколько смягчен в своих наиболее острых проявлениях, но не устранен в корне. Пока мы находились на очень низком уровне развития производительных сил, создать стойкое относительное равновесие между продукцией и платежеспособным спросом можно было только капиталистическими методами ограничения этого последнего. Поскольку же наш хозяйственный и политический строй исключает или по крайней мере существенно ограничивает эти методы, постольку в рассматриваемую эпоху тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма»[1].

Таким образом противоречием капитализма является отставание заработной платы от производительности труда; противоречием нашего хозяйственного строя, напротив, — отставание производительности труда от заработной платы. Причем, поскольку подчеркивается, что влияние этого противоречия имеет место совершенно независимо от успехов экономической политики, очевидно предполагается, что оно действует столь же стихийно, как и противоречие капиталистического строя.

В изложенной теории воспроизводства и кризисов в хозяйстве СССР сказывается не только вульгарно-материалистический подход к политической экономии, о чем говорилось выше, но и враждебное отношение к советской системе хозяйства. Единственно новое, что Базаров нашел в нашей экономике, — это такое изменение положения рабочего класса,

---

[1] В. Базаров, Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР, стр. 99.

которое ведет к постоянной задержке процесса расширенного воспроизводства, т. е. к задержке в развитии производительных сил. Поскольку же положительной роли планового начала Базаров не признает, получается, что на смену отрицательным моментам капиталистических отношений явились специфические советские отрицательные факторы, а капиталистические стимулы прогресса (конкуренция) в советском хозяйстве устранены, но ничем не возмещаются. Наличие в нашей экономике капиталистического сектора и его стремление установить господство над сектором простого товарного производства Базаров, как мы видели, совершенно не учитывает в своей теории воспроизводства и кризисов. Это обстоятельство лишний раз показывает, что трудности расширенного воспроизводства он видит не в противодействии социалистическому строительству со стороны капиталистических элементов, а в том, что рабочий класс стал хозяином средств производства.

Нетрудно догадаться, как представляет себе Базаров пути преодоления противоречий нашей экономики. Борьба против капиталистического сектора и уменьшение его удельного веса не могут, по Базарову, служить средством преодоления трудностей воспроизводственного процесса; коллективизация крестьянского хозяйства как путь к национализации средств производства в сельском хозяйстве, по Базарову, должна не ослабить, а усугубить объективные хозяйственные трудности, ибо противоречие нашей экономики и возникающие из него хозяйственные трудности и даже кризисы проистекают именно от господствующего положения рабочего класса. Если наша партия путь ликвидации объективных возможностей экономических кризисов видит в борьбе против капиталистического сектора и в обобществлении простого товарного производства, то для Базарова очевидно единственным средством борьбы с хозяйственными трудностями является ликвидация диктатуры пролетариата.

Свои теоретические соображения по вопросу о воспроизводстве и кризисах Базаров использует в целях подкрепления его старой теории потухающей кривой. В свое время кроме методологических соображений, выдвинутых против этой теории (о которых мы выше упоминали), указывалось также на весьма слабую ее обоснованность со стороны конкретной действительности. В частности обращалось внимание на то, что темп роста промышленной продукции в 1924/25 г. находится в вопиющем противоречии к основным положениям этой теории.

С точки зрения методологической Базаров свою старую позицию в рассматриваемой книге довел, как говорится, до логического конца, развив, как бы вместо ответа на аргументы

его критиков, свои исходные методологические положения до теории воспроизводства и кризисов.

Что касается фактов конкретной действительности, то Базаров считает необходимым разделаться лишь с неприемлемым для его теории темпом развития промышленности в 1924/25 г. Производит он это путем деления всего периода восстановительного процесса на два цикла: с начала нэпа до кризиса 1923 г. и с момента ликвидации последнего до окончания восстановительного периода.

«Таким образом «большой цикл» пятилетнего восстановительного процесса расслоился на два подцикла: первый начинается во второй половине 1920/21 г. и оканчивается на рубеже 1923 и 1924 календарных годов; второй объемлет календарный 1924 г. и два последующие хозяйственные года» [1].

«Как видим, динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей аналогична «автокаталитической» реакции, а также динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда (см. главы IV и V). В том и другом случае движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер с одним однако крупным различием; так как наша государственная система кредита принципиально отлична от частнокапиталистической, то можно думать, что во второй своей части цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и «расцвета», раздувающего объем продукции на приостановленном в своем росте или даже деградирующем уровне, с нарушением нормальных пропорций между отдельными отраслями хозяйства. А раз это так, восстановительный цикл должен более или менее плавно подвести продукцию к новому уровню без того кризиса на финише, который при капитализме является неизбежным последствием и стихийным разрешением противоречий, накопленных в течение фазы «расцвета». Таким образом мы имеем достаточное основание предположить, что наш восстановительный процесс в противоположность капиталистическому циклу должен на всем своем протяжении характеризоваться согласным движением физического объема продукции и уровня производительных сил и что общий закон этого согласного движения графически изобразится плавной эсобразной кривой, по которой при капитализме движется уровень, а не объем продукции» [2].

Как явствует из приведенных слов автора, второй цикл оказывается без кризиса вследствие особого положения кредита в условиях СССР. Но в таком случае непонятно, почему автор отрезок времени с 1924 г. по конец восстановительного периода объявляет циклом. Цикл ведь понятие определенное, включающее в себе стихийный переход от подъема к кри-

[1] В. Базаров, Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР, стр. 106.

[2] Там же, стр. 102.

зису. С другой же стороны, представляется чрезвычайно странной та исключительная роль, которую Базаров в данном случае отводит кредиту в деле образования кризиса. Мы видели выше, что при общем решении вопроса Базаров не считал явления кредита основной причиной кризисов. Сам автор наличие двух законченных циклов в течение восстановительного периода обосновывает следующим образом:

«Каковы причины этого усложнения формы восстановительного процесса? Вызвано ли расщепление последнего на два цикла случайной комбинацией конъюнктурных условий или к тому имеются более глубокие основания? По нашему мнению двуциклический тип движения предрешался всей структурой нашей пореволюционной экономики и был лишь несколько модифицирован явлениями «случайного» и чисто конъюнктурного порядка. Дело в том, что реконструкция методов использования рабочей силы, составляющая основу нашего восстановительного процесса, не могла быть проведена до конца в обстановке 1920, 1921 и 1922 гг., когда государственный бюджет опирался на «эмиссионный налог», а стремительно падающая валюта, с одной стороны, исключала возможность правильного финансирования промышленности на основе банковского кредита и, с другой стороны, делала крайне проблематичными всякого рода калькуляции издержек производства и выручки. При таких условиях, при отсутствии элементарнейших предпосылок учета производительных сил, никакая серьезная рационализация их была конечно невозможна» [1].

Все дело следовательно сводится к уровню производительности труда. С начала нэпа до кризиса 1923 г. темп роста промышленной продукции испытывал потухающую кривую. В 1924/25 г. благодаря проведенной денежной реформе производительность труда делает сильный скачок вверх, вследствие чего и темп роста промышленной продукции в этом году значительно превышает темп предыдущих лет. Таким образом фактором, определившим движение конъюнктуры, явился уровень производительности труда. Его повышение сделалось началом нового цикла.

Это до чрезвычайности странное положение вполне согласуется и даже непосредственно вытекает из представления Базарова о характере и корнях кризисов в хозяйстве СССР. Выше мы указывали, что, по Базарову, причиной кризисных затруднений в нашем хозяйстве является отставание производительности труда от заработной платы. Причем, так как значение планового начала им совершенно игнорируется и действие сформулированного им противоречия нашей экономики рассматривается как стихийный процесс, то и понятно, что рост

[1] В. Базаров, Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР, стр. 106.

производительности труда, последовавший после проведения денежной реформы, рассматривается им как временный период подъема нового цикла. Сменится ли этот подъем упадком? Да, по Базарову он должен смениться упадком. Тенденция рабочего класса — используя свое господствующее положение — повышать жизненный уровень до нормы, превышающей уровень производительности труда, — ослабит накопление и создаст товарный голод, а постепенное исчерпание восстановительных возможностей сделает невозможным соответствующую компенсацию со стороны восстановительного процесса. Но смена подъема упадком не примет крутой формы, делающей ее похожей на капиталистический кризис, так как в советском хозяйстве имеет место регулирование кредита со стороны государства. Только таким образом и возможно понять странное даже для Базарова утверждение, что второй цикл восстановительного периода, оставаясь циклом, не завершился кризисом только из-за государственного регулирования кредита.

Теория потухающей кривой, подвергшись уточнению, оказалась таким образом оправданной. Доказано, что она подверглась некоторому нарушению только потому, что в 1924 г. произошло событие (денежная реформа), ослабившее действие основного противоречия советской экономики. Но после создавшегося вследствие этого обстоятельства подъема жизнь снова пошла в строгом соответствии с теорией потухающей кривой. Когда будет новый подъем, который положит начало третьему циклу, и будет ли он вообще? Из теории Базарова этого нового подъема не видно, так как она пророчит неспособность нашего хозяйства после завершения восстановительных тенденций превзойти довоенный темп накопления при значительном превышении довоенных потребительских норм рабочего класса. Мы видим таким образом, что защита Базаровым теории потухающей кривой опирается на его теорию воспроизводства и кризисов и вместе с этим представляет собою развитие этой теории. Но, так же как и сама теория, это ее «развитие» носит на себе яркую печать примитивизма и вульгаризации.

Теория потухающей кривой является в корне ошибочной, потому что она основана на одностороннем учете факторов из сферы только производительных сил. Наличие к моменту введения нэпа больших запасов неиспользуемого основного капитала оказало конечно громадное влияние на темп развития всего нашего хозяйства. Далее, по мере использования этих запасов, т. е. по мере завершения восстановительных тенденций, происходило весьма серьезное обострение проблемы темпа расширения производства. Но это обострение проблемы расширения произ-

водства могло бы превратиться в систематическое сокращение темпа, т. е. в развитие по потухающей кривой, лишь при прочих равных условиях. А поскольку эти прочие условия, т. е. прежде всего состояние производственных отношений, в переходный период подвержены особенно частым изменениям, исходить из наличия «прочих равных условий» — значит отрицать обратное влияние производственных отношений на производительные силы.

История советского хозяйства представляет собою наиболее сильное подтверждение общеизвестного положения Маркса, что тот или иной темп развития народного хозяйства зависит не от одних только производительных сил, а от характера сочетания последних с производственными отношениями.

а) Во время военного коммунизма имела место деградация производительных сил вследствие того, что мы были вынуждены создать такую систему производственных отношений, которая не соответствовала уровню развития производительных сил.

б) В период с начала нэпа до кризиса 1923 г. темп развития промышленности сильно отставал от последующих лет, несмотря на то, что запасов основного капитала в этот период было значительно больше, т. е. состояние производительных сил значительно сильнее благоприятствовало быстрому развитию. Произошло это потому, что в первый период нэпа была крайне слаба регулирующая роль социалистических командных высот и, наоборот, сравнительно сильна роль товарно-капиталистической стихии. Именно такое состояние производственных отношений не позволило провести денежную реформу раньше 1924 г. и заставляло мириться с далеко неполным использованием имевшихся восстановительных возможностей.

в) Базаров пророчил, что после завершения восстановительного процесса мы обречены на довоенный темп развития, но жизнь это пророчество ни в какой мере не оправдала и именно потому, что реконструированные производственные отношения (ликвидация феодализма в деревне, национализация промышленности и рост на основе успехов первых лет нэпа планового начала и вообще влияния социалистических командных высот) в очень сильной мере компенсировали отсутствие восстановительных возможностей. Базаров пытается спасти свою теорию потухающей кривой (т. е. удержаться на позиции игнорирования роли производственных отношений) ссылкой на рост производительности труда, происшедшей [illegible]
Но для того чтобы этот рост не противоречил [illegible]
заров должен суметь его объяснить при[illegible]
следней, ибо она ведь решает вопр[illegible]

тия нашего хозяйства. Но в том-то и дело, что без анализа производственных отношений Базаров мог лишь сослаться на денежную реформу, но не мог объяснить, почему она была проведена в 1924 г., а не раньше.

Все перечисленные периоды представляют собою последовательные этапы процесса перерождения экономики диктатуры пролетариата в социалистическую экономику, процесса, происходящего путем взаимодействия развивающихся производительных сил и производственных отношений. В свете такой оценки их для нас делается совершенно понятным и более быстрый темп развития промышленности в 1924/25 г., чем до него, и высокий темп развития нашего хозяйства после завершения восстановительного процесса. Для Базарова же разумеется не существует этих этапов врастания в социализм. Прошлое советского хозяйства представляется ему в виде стихийного, циклического использования производственного аппарата, полученного от капитализма, а будущее — в виде чахлого состояния, обусловленного систематическим отставанием производительности труда от уровня потребления.

Таким образом попытку Базарова включить теорию потухающей кривой в общую теорию воспроизводства и кризисов в хозяйстве СССР следует считать вполне удавшейся в том смысле, что в результате получилась стройная теория, основанная на вульгаризации марксова учения о воспроизводстве и безусловно враждебном отношении к советской системе.

* * *

В «Заметках экономиста» т. Бухарин посвящает один параграф вопросу о природе наших кризисов, в котором к схемам второго тома относится примерно так же, как Базаров.

«В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются, и классовая борьба временно даже обостряется. Но общество переходного периода есть в то же время известное единство, хотя и противоречивое. Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если на то пошло, «правом») можно построить, по аналогии со вторым томом «Капитала», «схему воспроизводства», т. е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собой, или, другими словами, условия подвижного экономического равновесия. По сути дела в этом и состоит задача выработки народнохозяйственного плана, который все больше и больше приближается к балансу [illegible]го хозяйства, — плана, сознательно намечаемого, являю[illegible]нием (прогнозом) и директивой одновременно».

[illegible] схемы применимы в нашем хозяйстве, да [illegible]ем в другом, свидетельствует о том,

что их рассматривают с точки зрения балансовой увязки отраслей. Несмотря на то, что выводы т. Бухарина в отношении природы наших кризисов принципиально отличаются от учения Базарова, неправильное отношение к схемам второго тома не могло не найти в них своего выражения.

В самом начале статьи т. Бухарин ставит перед читателем следующие вопросы:

«...не есть ли «товарный голод» общий закон нашего развития? Не обречены ли мы на периодические или непериодические «кризисы»?.. Не суть ли эти «критические» затруднения железный закон нашего развития?»

Сразу же вслед за этими вопросами он заявляет:

«В этой встречающейся и в нашей экономической литературе постановке вопроса уже заранее заложен определенный порок. Здесь смешиваются две совершенно различные вещи: с одной стороны, отставание — в каждый данный момент — развертывающихся производительных сил от еще более быстро растущих потребностей («спроса» — в широком смысле этого слова); с другой, — специфически острая, «кризисная», форма, а именно форма товарного голода (где уже идет речь о спросе платежеспособном). Первое явление выражает лишь тот факт, что общество действительно переходит к социализму, что рост потребностей является непосредственной двигательной пружиной его экономического развития, что производство становится средством и т. д. Совсем другое — моменты кризисного характера, которые нарушают ход воспроизводства. Они могут лежать лишь в нарушении условий экономического равновесия, т. е. вытекать из неправильного сочетания элементов воспроизводства (включая сюда и момент потребления). «Извращенный» — по сравнению с капиталистическим — характер «кризисов» определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством. Но это соотношение не есть развивающийся антагонизм (наоборот, производство догоняет все время потребление масс, идущее впереди, являющееся основным стимулом всего развития), поэтому здесь нет базы для «з а к о н а кризисов», для закона неизбежных кризисов. Но здесь могут быть «кризисы», вытекающие из относительной анархичности, т. е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода».

В этой цитате имеется вполне определенный ответ на поставленные вопросы. Однако правильность его и убедительность аргументации по меньшей мере сомнительны.

С первого взгляда кажется совершенно непонятным, почему это Бухарин считает, что в вышеприведенных вопросах «уже заранее заложен определенный порок». Непонятно, почему это тот, кто ставит вопрос о степени обязательности товарного голода, оказывается виновным в смешении «спроса в широком смысле этого слова» (в смысле потребностей) с платежеспособным спросом. У нас как будто бы считается аксиомой, что товарный голод (независимо от его размеров) потреб-

ностями непосредственно не определяется. Однако следующие фразы приведенной цитаты свидетельствуют о том, что причиной недовольства Бухарина в данном случае является то обстоятельство, что в его личной концепции потребностям придается особое значение.

В предпоследней фразе Бухарин отмечает, что в нашем хозяйстве «нет базы для закона кризисов». Этот основной вывод сделан на основании одного только того обстоятельства, что «характер (наших) «кризисов» определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством», причем это новое соотношение состоит в том, что «производство догоняет все время потребление масс, идущее впереди, *являющееся основным стимулом его развития*» (*разрядка наша. — И. Б.*).

Следовательно ход рассуждения у Бухарина таков:

Первая посылка. При капитализме стимулом развития производства являются не потребности масс, а частнохозяйственное накопление, вследствие чего (согласно Марксу) создается основное противоречие капитализма, выражающееся в периодических кризисах.

Вторая посылка. При диктатуре пролетариата основным стимулом развития государственной промышленности является рост потребности масс, и следовательно исчезает основное противоречие капиталистического строя.

Вывод. Следовательно при диктатуре пролетариата «нет базы для закона кризисов».

Первая посылка и вывод т. Бухарина совершенно правильны. Однако утверждение, что основным стимулом всего нашего хозяйственного развития являются потребности масс, представляет собою смазывание переходных черт нашей экономики.

Мы уже не говорим о том, что в капиталистическом секторе потребности не могут служить стимулом развития. Даже в отношении нашей государственной промышленности нельзя приписывать только одним потребностям роль основного стимула развития. В отличие от капитализма этот момент является конечно весьма существенным фактором в развитии нашей государственной промышленности. Однако вряд ли кто решится утверждать, что осуществляемый в настоящее время темп развития государственной промышленности обусловлен только стремлением государства полнее удовлетворить потребности трудящихся масс.

Совершенно ясно и особенно на данном этапе, что условия борьбы с капиталистическими тенденциями в нашей экономике, стремление социалистического сектора установить господствующее влияние на всю переходную экономику в целях

ее социалистической переделки не в меньшей мере являются стимулом развития нашей государственной промышленности, чем отмечаемый Бухариным рост потребностей.

— В конечном итоге действие обоих указанных факторов полностью совпадает, ибо ликвидация капиталистических тенденций и осуществление социалистической переделки нашей экономики будут конечно сопровождаться гигантским ростом личного потребления. Однако на переживаемом этапе переходной экономики оба эти фактора не только не сливаются, но иногда испытывают даже известные коллизии. Так осуществляемый в настоящее время темп и тип индустриализации не способствуют немедленному росту потребления трудящихся и тем не менее являются безусловно необходимыми для успешного продвижения к социализму. Одни интересы потребления трудящихся непосредственно не обусловливают осуществляемый темп (и особенно тип) индустриализации, его можно понять только в том случае, если видеть, что наряду с потребностями стимулом развития нашей промышленности является также борьба против капитализма за социалистическое хозяйство.

Мы видим таким образом, что вторая посылка не связана с правильным положением об отсутствии в нашем хозяйстве закона неизбежных кризисов. Это положение с очевидностью вытекает из самого факта замены капиталистических отношений переходными. Смазывание же переходных черт нашей экономики, которое т. Бухарин допускает в своей второй посылке, бьет по существу значительно дальше вопроса о наличии в нашем хозяйстве закона неизбежных кризисов, — оно в значительной степени уже предрешает вопрос о корнях возможных в нашем хозяйстве кризисов. И в полном соответствии с этой «диспропорцией» т. Бухарин сразу же вслед за правильным утверждением об отсутствии закона неизбежных кризисов заявляет:

«Но здесь могут быть «кризисы», вытекающие из относительной анархичности, т. е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода».

В этом разъяснении уже совершенно явственно идет речь о природе возможных в советских условиях кризисов. Причем решение этого вопроса страдает теми же недостатками, что и рассмотренные суждения по вопросу об основном стимуле развития нашей государственной промышленности.

Капиталистические кризисы Маркс выводил из определенной классовой структуры капитализма. Туган-Барановский их выводил из анархичности, бесплановости капиталистического

хозяйства. Теперь же Бухарин, изучая советские кризисы, выбрасывает основные социально-экономические проблемы и причины возможных у нас кризисов тоже видит только в анархичности хозяйства переходного периода. Причем, как бы нарочно желая подчеркнуть, что в понятие анархичности и бесплановости он не включает основных соцально-экономических противоречий нашего строя, Бухарин заявляет:

«Относительная бесплановость... хозяйства переходного периода имеет своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т. е. значительных элементов стихийности. Поэтому и сам план имеет особую природу: это вовсе не более или менее «законченный» план развитого социалистического общества».

Оказывается таким образом, что все объективные трудности бескризисного воспроизводства проистекают только от наличия в нашей экономике мелких хозяйств и рыночных форм связи. Наличие капиталистических элементов в нашем хозяйстве, пытающихся сомкнуться с крестьянством и ремесленниками, буржуазное окружение — все это, оказывается, никакого влияния на процесс воспроизводства не имеет и трудностей бескризисного развития не увеличивает. Интересно, что Бухарин находит нужным специально подчеркнуть, что наш план «это вовсе не более или менее «законченный» план развитого социалистического общества». Очевидно он опасается, что «мыслящий рабочий», к которому он в начале своей статьи апеллирует против поверхностных исследований нашей экономики, примет наш план за «законченный» социалистический план, а может быть и наш строй — за законченное социалистическое общество.

Мы видим, что вопрос о факторах кризиса решается в полном соответствии с отношением автора к возможности применения к переходной экономике схем второго тома. Проблема бескризисного воспроизводства полностью сводится к проблеме балансовой увязки отраслей народного хозяйства, а кризисы ставятся в исключительную зависимость от возможностей безошибочного учета рыночных процессов и тенденций. И как бы желая подчеркнуть субъективный характер причин возможных у нас кризисов, автор заявляет:

«В нашем плане есть много элементов предвидения стихийной равнодействующей... Именно поэтому у нас невозможен «идеальный» план. Именно поэтому здесь до известной степени могут иметь место ошибки. Но ошибка, имеющая свое объяснение, и даже неизбежная ошибка не перестает быть ошибкой. Это, во-первых. Во-вторых, грубейшее нарушение основных пропорций (как у нас в случае с зерновым хозяйством, о чем ниже) и соответствующие просчеты отнюдь не неизбежны».

Если раньше причины кризиса были сведены к ошибкам, совершаемым в процессе увязки отраслей, то здесь подчеркивается, что этих ошибок вполне возможно избежать. Получается таким образом, что при правильной политике кризисы в нашем хозяйстве невозможны. За абсолютно правильным утверждением, что в нашем хозяйстве не действует закон неизбежных кризисов, у Бухарина таким образом скрывается игнорирование тех социально-экономических противоречий, которые могут привести к специфическому советскому кризису. Умаление объективных трудностей бескризисного развития совершенно естественным следствием имеет отмеченное преувеличение роли субъективных факторов.

Общеизвестно, что одной из основных особенностей советской системы отношений является то обстоятельство, что в противоположность капитализму политика у нас представляет собою составную часть экономики. Это обстоятельство колоссально увеличивает роль субъективных факторов в наших хозяйственных трудностях: поскольку политика есть экономический фактор, без правильного курса невозможно преодоление хозяйственных трудностей; с другой стороны, серьезные ошибки политики, при прочих равных условиях, сами по себе в состоянии вызвать серьезные хозяйственные затруднения. Однако это чисто экономическое значение политики не дает нам права игнорировать значение объективных экономических факторов.

Строительство социализма происходит у нас в форме жестокой классовой борьбы, исход которой зависит не только от степени правильности политики. Даже при абсолютно правильной политике не исключена возможность частичной победы капиталистических элементов на том или ином участке хозяйственного фронта, что неизбежно вызовет увеличение хозяйственных трудностей. Но наличие в нашей экономике капиталистических тенденций создает серьезные хозяйственные затруднения даже тогда, когда им не удается одержать побед над социалистическим сектором. Самый факт существования капиталистических тенденций заставляет государство, в целях их преодоления, проводить такой план хозяйственного строительства, который создает большое напряжение, ряд серьезных, но временно неизбежных, хозяйственных трудностей.

Поэтому теория Бухарина, учитывающая существование рыночных форм связи, но не учитывающая социально-экономических противоречий, возникающих из факта существования капиталистических тенденций, в совершенно неправильном свете изображает корни наших хозяйственных затруднений.

Что же касается кризисов, то если бы обстановка сложилась таким образом, что капиталистическим элементам удалось бы использовать переживаемые хозяйственные трудности и оттянуть из-под влияния государственного сектора значительную часть крестьянства, — наше хозяйство вступило бы в полосу кризиса. Преодоление кризиса без правильной политики было бы совершенно невозможно; в этом сказывается исключительное значение субъективного фактора в нашей экономике. Однако отмеченное значение субъективного фактора не должно затемнять того обстоятельства, что возможность кризиса обусловливается не только субъективным фактором, но и независящим часто от него обострением внутреннего противоречия нашей экономики.

Кое-кто недоволен проводимой в настоящее время политикой индустриализации и считает, что она именно и является тем субъективным фактором, который создает кризисные затруднения. В действительности же, если бы восторжествовала линия правых, направленная на свертывание индустриализации, капиталистический сектор окреп бы настолько, что оказался бы в состоянии оттянуть значительную часть крестьянства из-под влияния социалистического сектора, что привело бы к серьезному хозяйственному кризису. В этом случае кризис явился бы результатом такой победы капиталистического сектора, которая была бы обусловлена неправильной политикой государства.

Правильная же политика значительно увеличивает шансы бескризисного развития, но даже и она, поскольку хозяйственное развитие происходит в форме борьбы двух противоположных типов воспроизводства производственных отношений, не может избавить нас от временных, но весьма серьезных, хозяйственных трудностей.

Мы видим таким образом, что, в противоположность мнению Бухарина, трудности бескризисного развития в нашем хозяйстве состоят не в том, что наличие форм рыночной связи создает возможность просчетов и ошибок со стороны государства, а в том, что развитие хозяйства в условиях борьбы двух противоположных социально-экономических тенденций создает возможность временного разрыва связи социалистического сектора с частью крестьянских хозяйств. В борьбе против капиталистического сектора за связь с крестьянским хозяйством правильная политика является необходимой предпосылкой. Однако проблему бескризисного развития сводить к проблеме безошибочного планирования — значит воскрешать в советских условиях блаженной памяти Тугана-Барановского.

ГЛАВА VIII.

Кризис сбыта 1923 г.

Установленные нами причины кризиса лежат разумеется и в основе кризиса сбыта 1923 г. Но состояние внутреннего противоречия нашей экономики в 1923 г. отличалось сугубо своеобразными чертами, что разумеется отразилось и на характере кризиса. Поэтому для выяснения сущности кризиса 1923 г. необходим анализ взаимодействия различных секторов нашей экономики с момента введения нэпа, или, иначе говоря, необходим анализ процесса борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений, существование которых с момента введения нэпа стало тем экономическим фоном, на котором происходит хозяйственное развитие Советской страны. Рассмотрим сначала развитие каждого типа воспроизводства в отдельности.

Низкий технический уровень нашей промышленности к моменту войны, неполное восстановление изнашиваемого основного капитала во время войны и полное прекращение восстановления, а подчас и прямое расхищение средств производства, во время военного коммунизма создали исключительно высокие издержки производства. Но влияние технической отсталости промышленности усугублялось рядом серьезных экономических и организационных моментов. Почти до последнего времени основной капитал не полностью участвовал в производственном процессе и следовательно своей бездействующей частью увеличивал издержки производства. Таким же образом действовало и состояние постоянной части оборотного капитала. Неправильное распределение сырьевых запасов во время военного коммунизма привело к тому, что почти на каждом предприятии отдельные элементы сырья были в излишке и этим повышали издержки производства, и вместе с тем в других видах сырья ощущался острый недостаток, делающий неизбежным рост сырьевых цен. В первый год нэпа промышленность была вынуждена для внутреннего перераспределения своих сырьевых запасов привлечь частный капитал. Но эта вынужденная апелляция к частнику, известная под названием «разбазаривания», поскольку она сопровождалась утечкой промышленных

средств в частнокапиталистический сектор, также явилась фактором, весьма существенно повышающим издержки производства. Кроме указанных моментов на повышение издержек производства оказывал влияние еще ряд факторов организационного порядка. Крутой переход на рыночные методы в архисложной экономической обстановке не мог не сопровождаться крайним несовершенством организационной стороны дела, выражавшимся прежде всего в неумении рационально и рентабельно связаться с рынком.

Все перечисленные факторы, взятые вместе, создали такое положение, что промышленность не могла сделать шагу вперед без серьезной помощи извне. Помощь эта была оказана. Возникший на основе нэпа подъем сельского хозяйства позволил перелить из него известную часть средств в промышленность. Однако формы, в которых происходил этот перелив средств из сельского хозяйства в промышленность, были чрезвычайно своеобразны.

В первые годы нэпа народное хозяйство с большим трудом и чрезвычайно медленно переходило от натуральных форм, через продуктообмен, к развитым меновым отношениям, основанным на развитом денежном обращении. Мы были вынуждены по этому пути итти с сугубой осторожностью и чрезвычайно медленно, потому что процесс роста меновых отношений являлся одновременно и процессом создания объективной базы для роста капиталистических отношений. Осторожность в этом отношении была тем более необходима, что, как выше указывалось, социалистический сектор в первый год нэпа находился на столь низком уровне, что даже связь между его составными частями не могла быть установлена без хищнического участия частного капитала. Но медленное развитие меновых отношений определило собою и структуру государственного бюджета. Сельскохозяйственный налог до самой денежной реформы взимался в натуральной форме. Кредитные отношения развивались чрезвычайно туго, вследствие чего в течение первого года нэпа даже легкая индустрия находилась на иждивении государственного бюджета. Ценообразование в тяжелой индустрии вплоть до денежной реформы происходило фактически вне влияния рыночных моментов, и цена товара даже не стремилась к издержкам производства, что также отягощало государственный бюджет, поскольку тяжелая индустрия находилась на его иждивении. Частнокапиталистический сектор в то время обладал еще ничтожными средствами и обогащался главным образом путем использования нашей отсталости. Все это, вместе взятое, чрезвычайно сильно увеличило расходы государства и свело до

совершенно ничтожных размеров его так называемые нормальные доходы. В этих условиях эмиссионная политика оказалась совершенно неизбежной, и следовательно перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность могла происходить только методами эмиссионного хозяйства.

Эмиссионный источник покрытия расходов влечет за собой неравномерное и скачкообразное повышение цен. Товары, на приобретение которых раньше всего устремляются вновь выпущенные бумажные деньги, имеют обычно наиболее высокую цену, и, наоборот, цена будет тем ниже, чем дальше данный товар отстоит от эмиссионного спроса. Поскольку промышленность эмитируемые бумажные деньги получала в виде безвозвратных субсидий, не влияющих на уровень спроса ее продукции, а сама, реализуя их, повышала спрос на сельскохозяйственную продукцию, могло создаться при условии свободного действия закона спроса и предложения положение, когда более быстрый рост сельскохозяйственных цен, нежели промышленных, свел бы на-нет фактическое значение государственных субсидий промышленности. Следовательно, если бы было допущено свободное действие закона спроса и предложения, помощь промышленности через посредство эмиссионного станка могла бы оказаться совершенно неэффективной, а следовательно и вредной, поскольку она, не принося никакой пользы промышленности, нарушает нормальную народнохозяйственную жизнь.

Эмиссионный станок оказался в состоянии служить орудием перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность только потому, что он был дополнен определенными мероприятиями государственного сектора, направленными на ограничение рыночной стихии. В этом смысле характер использования государственной промышленностью эмиссионной политики в течение первого периода нэпа принципиально отличается от характера использования эмиссионной политики времени империалистической войны со стороны капиталистических предприятий, работавших на оборону. Последним эмиссионная политика приносила пользу тем, что, направляя потоки вновь выпускаемых бумажных денег прежде всего в их предприятия, она путем повышения спроса постоянно держала цены их товаров значительно выше среднего уровня цен и следовательно предоставляла в распоряжение их владельцев часть эмиссионного налога. Наша государственная промышленность получала помощь от эмиссионного станка не в виде усиления спроса на ее продукцию, а в виде прямого увеличения своих денежных средств, которые производили повышение спроса прежде всего на продукты крестьянского хозяйства. Но именно поэтому эмис-

сионная политика 1921—1923 гг. должна была сопровождаться дополнительными мероприятиями государственного сектора, направленными на достижение перераспределения средств в пользу государственной промышленности. Этим дополнительным мероприятием и явились монопольные цены на продукцию государственной промышленности. Поскольку в период до денежной реформы общего планирования народного хозяйства по существу не было, монопольное положение государственной промышленности на рынке было основным средством ограничения рыночной стихии. Совершенно естественно поэтому, что стихийно-рыночным тенденциям эмиссионного хозяйства государство противопоставило именно монопольные цены. Высокие промышленные цены следовательно теснейшим образом связаны с эмиссионным хозяйством.

Взаимоотношения между социалистическим сектором и сектором простого товарного производства складывались таким образом крайне невыгодно для последнего. Крестьянское хозяйство остро ощущало тяжесть перекачки, но особенно сильно на крестьянском хозяйстве отразились специфические формы (эмиссионная политика), в которых перекачка в то время неизбежно должна была происходить. Состояние процесса воспроизводства социалистических отношений в первый период нэпа характеризуется следовательно крайне ненормальными формами смычки (эмиссионное хозяйство) — во-первых, и перекачкой средств из крестьянского хозяйства в социалистический сектор — во-вторых.

Параллельно героическим стремлениям пролетариата поставить на ноги государственную промышленность, как ведущую часть процесса воспроизводства социалистических отношений, развивалась энергия и капиталистических элементов. Всякую малейшую уступку пролетариата в деле допущения и расширения рыночных отношений капиталистические элементы использовали для отвоевания себе определенных позиций в экономике нэпа. Переход на хозяйственный расчет части государственной промышленности в условиях полного отсутствия кредитных отношений, абсолютной неналаженности торгового аппарата и отсутствия оборотных средств при серьезнейшей деформации сырьевых запасов, происшедшей во время военного коммунизма, — сделал необходимым допущение на некоторое время частного капитала внутрь социалистического сектора для налаживания хозяйственной связи между отдельными его частями. Обладая ничтожными средствами, частный капитал в первый год нэпа все же сумел внутри социалистического сектора занять такие позиции, которые позволили ему в короткий срок про-

извести своего рода первоначальное капиталистическое накопление.

К тому времени, когда государственная промышленность несколько упорядочила строение своих сырьевых запасов и на основе первых успехов достигла таких размеров, для которых городской рынок сбыта оказался уже недостаточным, для частного капитала открылись широкие возможности развития в качестве посредствующего звена между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. К этому времени участие его в процессе перераспределения между государственными предприятиями их сырьевых запасов, вследствие достигнутых успехов в деле приспособления государственных предприятий к рыночным условиям, в основном закончилось. Но, заканчивая этот первый этап своей борьбы с социалистическим сектором, частный капитал насчитывал положительное сальдо в несколько сот миллионов рублей, которые и явились исходным пунктом его деятельности в качестве посредника между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством.

Превращению частного капитала в посредника между городом и деревней в сильной мере способствовало то обстоятельство, что государство, имея своей основной задачей помощь промышленности, не смогло выделить средства, необходимые для организации государственного торгового аппарата. В результате всего этого частный торговый капитал сделался монополистом в розничной торговле и даже в оптовой торговле занял сильные позиции. Естественно, что столь значительный удельный вес частного торгового капитала в деле доставки продукции государственной промышленности в деревню не мог не сопровождаться большим его значением и в деле снабжения промышленности сельскохозяйственным сырьем. Если в первый год нэпа частный капитал сконцентрировался в щелях социалистического сектора и имел возможность накоплять путем использования так называемого разбазаривания, то во втором году нэпа он сосредоточивается на стыке между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством и производит накопление за счет ухудшения смычки и следовательно задержки воспроизводства социалистических отношений.

Но положение частника упрочилось еще тем, что в рассматриваемый период нэпа широкое развитие получила кустарная промышленность, связь с которой придала особые черты всей деятельности частного капитала.

Крупная и средняя промышленность с 1922 до 1923 г. возросла на 43%, и, несмотря на это, она к концу 1922 г. дава-

ла продукции на 954 млн. руб. против 3,7 млрд. довоенной продукции. Кустарная же промышленность в 1913 г. давала 730 млн. руб. валового дохода, в 1921 г. — 260 млн. руб., а в 1922 г. — 415 млн. руб. Таким образом в 1913 г. продукция кустарной промышленности равнялась в отношении крупной и средней промышленности 19%, а в 1922 г. — почти 45%. Если же принять во внимание, что продуктами кустарной промышленности крестьянство снабжается в гораздо большей степени, чем городское население, то значение приведенных цифр с точки зрения борьбы за влияние на крестьянское хозяйство значительно возрастет.

Кустарная промышленность по типу производственных отношений представляет собою часть сектора простого товарного производства и в этом смысле занимает в нашей экономике такое же положение, как и крестьянское хозяйство. Однако существенным отличием кустарной промышленности от крестьянского хозяйства является то обстоятельство, что в то время как между крестьянским хозяйством и государственной промышленностью, как правило, имеет место разделение труда, кустарная промышленность, наоборот, очень часто оказывается конкурентом государственной промышленности. Своеобразие кустарной промышленности в наших условиях состоит в том, что в системе производственных отношений она находится на тех же позициях, что и крестьянское хозяйство, а в системе разделения труда часть ее находится на позициях государственной промышленности. Это сходство и вместе с тем различие между кустарной промышленностью и крестьянским хозяйством является фактором, чрезвычайно благоприятствующим капиталистическому типу воспроизводства.

Если при обслуживании сбытовых и снабженческих операций государственной промышленности роль частного капитала ограничивается преимущественно торгово-посредническими функциями, то связь частного торгового капитала с кустарной промышленностью имеет тенденцию перерастать в подчинение кустаря торговому капиталисту. Поскольку кустарная промышленность производит те же товары, что и государственные предприятия, и следовательно конкурирует с ними за рынок сбыта, подчинение кустаря торговому капиталисту представляет собою образование капиталистической среды, резко противостоящей социалистической тенденции воспроизводства. Если торговый капиталист связывается с крестьянином, но не имеет соответствующего промышленного дополнения, он в известной степени остается в зависимости от государственной промышленности и оказывается не в состоянии создать замкнутой капиталистической среды.

Напротив, наличие связи кроме крестьянина еще и с кустарем укрепляет позиции торгового капиталиста, делает его значительно менее зависимым от государственной промышленности и способным в большей мере влиять на хозяйственную конъюнктуру.

В первый период нэпа, вплоть до кризиса сбыта 1923 г., частный капитал синтезировал работу в обоих изложенных направлениях. С одной стороны, он стимулировал развитие кустарных промыслов и, становясь во главе их хозяйственной связи с деревней, сокращал сбытовой и сырьевой рынок для государственной промышленности, уменьшая таким образом возможности ее развития; с другой же стороны, он, играя роль торгового посредника, способствовал осуществлению хозяйственной связи государственной промышленности с крестьянским хозяйством. С точки зрения непосредственных интересов социалистического сектора между этими двумя направлениями деятельности частного капитала имеется большая разница: частный капитал как торговый посредник в тех условиях для государственной промышленности был необходим, но как руководитель капиталистической мануфактуры он разумеется ни в каком отношении не мог способствовать ее развитию. Если же оценку указанных двух направлений деятельности частного капитала производить, учитывая интересы развития капиталистической тенденции воспроизводства, то разницы между ними не окажется. Частный капитал, выполняя роль посредника между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, извлекает от обоих контрагентов известную часть прибавочного продукта, которая может быть им употреблена на операции, приводящие к созданию капиталистической среды. В условиях национализированной промышленности и монополии внешней торговли при ничтожных собственных средствах частный капитал всячески стремился использовать возможность накопления путем присвоения части прибавочного продукта государственной промышленности, которую он таким образом и превращает в средство усиления капиталистической тенденции воспроизводства.

Подводя итоги, мы видим, что экономика первого периода нэпа представляет собою чрезвычайно своеобразную комбинацию составных частей переходной системы. Состояние социалистической тенденции воспроизводства, как мы видели, характеризовалось следующими чертами. Быстро оправляясь от последствий военного коммунизма, сельское хозяйство и промышленность на основе растущего производства усиливают взаимную связь. Вместо безвозмездного отчуждения продуктов сельского хозяйства, имевшего место в период военного коммунизма, устанавливается обмен между городом и деревней. Это растущее

усиление связи между городом и деревней на основе расширения производства обеих частей народного хозяйства, при укреплении государственной промышленности и усилении ее влияния на крестьянское хозяйство, означает рост социалистических тенденций в нашей экономике. Причем основной силой социалистической тенденции воспроизводства, основным его преимуществом перед капиталистической тенденцией является то обстоятельство, что ведущая ее часть — государственная промышленность, — представляет собою основную, решающую часть производительных сил всего нашего хозяйства. Однако при характеристике состояния социалистической тенденции воспроизводства прежде всего нужно иметь в виду, что связь между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством происходила в условиях эмиссионного хозяйства, что при помощи эмиссионной политики и политики монопольных цен со стороны государственной промышленности происходила перекачка средств из крестьянского хозяйства в промышленность и наконец, что наряду с этой перекачкой происходила перекачка прибавочного продукта из государственной промышленности и крестьнского хозяйства в капиталистический сектор.

Известная перекачка средств из крестьянского хозяйства в государственную промышленность являлась совершенно необходимым условием роста последней и следовательно необходимой предпосылкой расширения всего процесса воспроизводства социалистических отношений. Но вместе с тем она обременяла для крестьянства связь с государственной промышленностью, облегчала условия развития конкурирующей с государственной промышленностью кустарной промышленности, т. е. ухудшала состояние процесса воспроизводства социалистических отношений. Эмиссионное хозяйство в условиях первой, начальной стадии нэпа, когда еще происходила ликвидация натуральных отношений военного коммунизма и лишь постепенное внедрение меновой системы отношений, когда при огромных размерах расходных статей госбюджета нормальные доходы находились на ничтожно низком уровне,— было неизбежно. Но оно исключало всякую возможность нормальной народнохозяйственной жизни и чрезвычайно усугубляло для крестьянского хозяйства тяжесть перекачки. Эмиссионное хозяйство следовательно ухудшало условия развития социалистической тенденции воспроизводства и тем, что дезорганизовало народное хозяйство, и тем, что ухудшало для крестьянства условия хозяйственной связи с государственной промышленностью. Привлечение частного торгового капитала в систему связи государственной промышленности с крестьянским хозяйством, обусловленное неразвитостью государственного и

кооперативного торгового аппарата, является разумеется также фактором, чрезвычайно сильно ослабляющим социалистическую тенденцию воспроизводства. Причем отрицательное влияние частного торгового капитала идет как по линии вздутия цен на промышленную продукцию и следовательно ухудшения для крестьянства эквивалентов, так и по линии прямого использования социалистического сектора в интересах усиления капиталистической тенденции воспроизводства. Таково состояние процесса воспроизводства социалистических отношений в первый период нэпа.

Капиталистическая тенденция воспроизводства по сравнению с социалистической находится в худших условиях прежде всего в том отношении, что ее ведущая часть — частный капитал — в противоположность ведущей части социалистической тенденции воспроизводства — государственной промышленности — обладает совершенно ничтожными собственными средствами и находится на крайне низком уровне концентрации. Это основное преимущество социалистической тенденции является залогом того, что она будет развиваться быстрее капиталистической и — через полную победу над последней — превратит «Россию нэповскую в Россию социалистическую». Но организационная слабость социалистических командных высот в первый период нэпа позволила частному капиталу, несмотря на его материальную слабость и распыленность, занять весьма влиятельные позиции в советском народном хозяйстве. Характерной чертой капиталистической тенденции воспроизводства в рассматриваемый период является то обстоятельство, что ее усиление происходило не потому, что капиталистический сектор оттягивал, отвоевывал под свое влияние крестьянство, уже связанное с социалистическим сектором, а вследствие того, что социалистический сектор был тогда еще не в состоянии распространить свое влияние на основные участки и стороны менового хозяйства и давал таким образом частному капиталу возможность до поры до времени одерживать легкие победы в деле его связи с элементами простого товарного хозяйства.

Сущность кризиса сбыта 1923 г. состоит в том, что наметился разрыв двух составных частей процесса воспроизводства социалистических отношений в форме отказа со стороны крестьянства покупать продукцию государственной промышленности. Этот отказ последовал вследствие того, что рост промышленных цен, расстройство рыночных отношений, создаваемое падающей валютой, и спекуляция частного капитала настолько ухудшили условия обмена для крестьянского хозяйства, что последнее предпочло порвать по этой линии связь с государствен-

ной промышленностью путем усиления связи с кустарной промышленностью и даже частично путем сокращения своей товарности. В числе причин кризиса сбыта 1923 г. имеются конечно и субъективные обстоятельства. Несомненно, что ряд ошибок и серьезных промахов предшествовал кризису сбыта 1923 г. и оказал на него известное влияние. В частности большое влияние на остроту кризиса сбыта оказало почти неограниченное и бесконтрольное кредитование ряда трестов, давшее им возможность не особенно заботиться о снижении издержек и отпускных цен даже тогда, когда появились вполне определенные признаки затоваривания. Однако природу кризиса сбыта и основные причины его этими ошибками объяснить разумеется нельзя.

Кризиса сбыта 1923 г. не было бы, если бы в нашей экономике не было борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений. Огромный удельный вес мелкобуржуазной экономики, представляющей собою богатейшую базу для роста капиталистических тенденций, диктует государственной промышленности быстрый темп роста. С другой стороны, своеобразие нашей экономики при капиталистическом окружении исключает возможность значительного притока средств в государственную промышленность из-за границы. Следовательно борьба за социализм в стране с преобладанием мелкобуржуазной экономики обусловила необходимость перекачки средств из крестьянского хозяйства в промышленность. Что касается наиболее болезненной формы перекачки — эмиссионной политики, то, поскольку она обусловлена медленным переходом на меновые отношения плюс отсутствием притока средств из-за границы, она также является результатом борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений. Следовательно несовершенство смычки государственной промышленности с крестьянским хозяйством, т. е. внутренняя слабость социалистической тенденции воспроизводства, было обусловлено условиями борьбы с капиталистическими тенденциями. Это несовершенство смычки давало себя чувствовать в течение всего первого периода нэпа вплоть до денежной реформы. Кризис сбыта возник тогда, когда это несовершенство смычки перешло известные границы. Следовательно кризис сбыта 1923 г. в основном обусловлен не ошибками экономической политики, а раздвоенностью нашей экономики, т. е. тем, что процесс социалистической переделки крестьянского хозяйства происходит в борьбе со стремлением капиталистического сектора произвести капиталистическую переделку крестьянского хозяйства.

Кризис сбыта 1923 г. означал не только разрыв связей внутри социалистической тенденции воспроизводства, но и рас-

стройство всего народного хозяйства. Однако наряду с этим он в случае продолжительного существования означал бы богатейшие возможности расширения для капиталистической тенденции воспроизводства, поскольку сокращение связи крестьянства с государственной промышленностью сопровождалось бы усилением его связи с кустарными промыслами, а ухудшение конъюнктуры для частного торговца в сфере продажи государственной промышленной продукции сопровождалось бы усилением его роли как руководителя кустарной промышленности.

Кризис сбыта 1923 г. знаменовал образование серьезнейших диспропорций, однако он не получил всестороннего развития, так как в противовес изложенным экономическим явлениям государство предприняло ряд экономических и внеэкономических мер, направленных на усиление социалистической и расстройство капиталистической тенденции воспроизводства. Естественно, что за успешной их реализацией непосредственно следовала ликвидация кризиса.

Основное в той системе мер, которая была предпринята для ликвидации кризиса 1923 г., заключается в улучшении для крестьянства условий обмена с государственной промышленностью, или, иначе говоря, в практической уступке крестьянству. Эта практическая уступка состояла в резком сокращении промышленных цен, решительно изменившем для крестьянства условия обмена. Однако высокие промышленные цены были теснейшим образом связаны с эмиссионным хозяйством, и естественно, что без ликвидации последнего ни о каком улучшении условий обмена для крестьянского хозяйства не могло быть и речи. Успешное проведение денежной реформы плюс резкое снижение промышленных цен явились теми мерами, которые решительно укрепили социалистическую тенденцию воспроизводства. Кризис сбыта как результат разрыва связей государственной промышленности с крестьянским хозяйством быстро исчез. Промышленность в 1924/25 г. — первом году после денежной реформы — дала рост продукции на 60% по сравнению с предыдущим годом, и платежеспособный спрос возрос настолько, что весь прирост был поглощен без остатка.

Параллельно оздоровлению процесса воспроизводства социалистических отношений было предпринято решительное наступление на капиталистический сектор. В этой области мероприятия государства сконцентрировались по линии вытеснения частного капитала с позиций стыка между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. Первый год после денежной реформы является годом весьма крупных вложений в государственную и кооперативную торговую сеть. Государство впер-

вые пошло на серьезное использование госбюджета в целях создания своего товаропроводящего аппарата. Кроме этого госторговле и кооперации были созданы весьма льготные условия расчета с промышленностью, в то время как для частника они были значительно ухудшены. Эти мероприятия наряду с серьезным усилением налогового обложения заставили частника в значительной мере отступить с позиций посредствующего звена между промышленностью и крестьянским хозяйством.

Ликвидация эмиссионного хозяйства, вытеснение частника с наиболее выгодных позиций и замена его госторговлей и кооперацией, снижение промышленных цен и укрепление на основе всего этого смычки крестьянского хозяйства с социалистической промышленностью привели к быстрому расширению процесса воспроизводства социалистических отношений. Но в предыдущих главах мы уже отмечали, что в условиях национализированной промышленности и монополии внешней торговли состояние социалистического типа воспроизводства определяет собою состояние всего народного хозяйства. Усиление социалистической тенденции, наступившее вслед за проведением денежной реформы, сопровождалось быстрым развитием производительных сил страны.

Мы видели, что меры, предпринятые государством против частного капитала, сводились главным образом к вытеснению его из среды воспроизводства социалистических отношений и в гораздо меньшей степени были направлены на разрушение его собственной среды. Однако судьба последней не могла не испытать на себе наступательной линии социалистического сектора уже по одному тому, что разрыв с частником государственной промышленности лишил его (частника) крупнейшего источника накопления, питавшего до денежной реформы рост капиталистической среды.

Из сказанного видно, что кризис 1923 г. является кризисом детского периода нэпа. Если в настоящее время товарный голод обостряется гигантским строительством основного капитала, то в 1921—1923 гг. производственный аппарат был в избытке, и промышленность, несмотря на это, все же была вынуждена прибегать к помощи других отраслей народного хозяйства. Второй основной фактор кризисных затруднений того периода — эмиссионное хозяйство — также обусловлен детским состоянием нэпа. Что касается частного капитала, то и он проявлял несравненно меньше энергии, чем в настоящее время, и расширял сферу своего влияния главным образом вследствие слабости связи составных частей процесса воспроизводства социалистических отношений.

ГЛАВА IX.

Эволюция проблемы „кто кого".

«... в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст нэпманам, т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочим, расколоть себя с ним. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской республики» [1].

Социалистический сектор и капиталистический сектор ведут между собой борьбу за втягивание крестьянства в свою систему воспроизводства, в свой тип воспроизводства. Победа второго над первым была бы губительна для Советской республики, и наоборот, окончательная победа первого над вторым означает полную победу социализма. Поэтому, когда мы ввели нэп и началось соревнование между социалистическим и капиталистическим секторами за характер социально-экономической переделки крестьянского хозяйства, Ленин значение этой борьбы сформулировал следующим образом:

«Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство — за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом... Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на вещи трезво: кто кого?» [2].

Формула «кто кого» с классической ясностью выражает всю специфичность нашей экономической структуры. Она дает исчерпывающую характеристику основного противоречия нашего строя, а вместе с тем и форму разрешения и преодоления этого противоречия. Поэтому вся история советского хозяйства есть история разрешения ленинской проблемы «кто кого». Смена одного этапа советской экономики другим есть смена одного состояния проблемы «кто кого» другим ее состоянием. И полное разрешение проблемы «кто кого» совпадает с полной победой социализма.

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 115—116.
[2] Там же, ч. 1, стр. 344—345.

* * *

Чтобы установить, в каком состоянии находилась проблема «кто кого» в первый период нэпа, необходимо рассмотреть характер связи социалистического сектора с крестьянским хозяйством, а также возможность и степень противодействия со стороны капиталистического сектора. В предыдущей главе мы видели, что в первый период нэпа промышленность находилась в столь разрушенном состоянии, что без перекачки в нее средств из сельского хозяйства она не смогла бы обеспечить социалистического влияния на развитие сектора простого товарного производства. Слабость социалистических командных высот наряду с этим обусловила также довольно быстрый рост капиталистических элементов. Известно, что в течение первого полугодия нэпа частный капитал сумел оказаться необходимым звеном в системе связи между государственными предприятиями. И даже когда на основе первых наших достижений на почве нэпа мы с этих позиций его вытеснили, он все же сумел занять — и достаточно прочно — чрезвычайно важный, в известном смысле командный, участок в системе переходной экономики: вплоть до проведения денежной реформы частный капитал занимал господствующее положение в сфере розничной торговли, т. е. как раз на стыке между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. Как видим, перед нами стояла тогда задача приспособить нашу промышленность для рыночной смычки с крестьянством, и эту по сравнению с теперешними масштабами более чем скромную задачу мы не могли разрешать без сохранения противоречащих интересам крестьянства «ножниц» и допущения широкого участия частного капитала. Мы были вынуждены бороться за социалистическую смычку с крестьянством таким путем, который одновременно создавал силы, направленные на разрыв этой смычки. Предпринимая меры, направленные на создание предпосылок, необходимых для полного преодоления противоречий нашей экономики, мы вместе с тем не могли избежать временного обострения этих противоречий. Кризис 1923 г. явился результатом того обострения проблемы «кто кого», которое было обусловлено исключительно слабым состоянием социалистических командных высот и огромным удельным весом мелкобуржуазной стихии.

Для разрешения проблемы «кто кого» в том виде, как она встала в первые годы нэпа, предлагался ряд рецептов, отличных от линии, проводимой партией. Характерно, что все эти рецепты основывались на неправильном понимании состояния в

тот период борьбы двух тенденций воспроизводства производственных отношений, т. е. состояния проблемы «кто кого».

Правые (Красин и Сокольников) основной путь преодоления трудностей видели в помощи со стороны иностранного капитала. Сокольников предлагал итти на уступки вплоть до допущения иностранного капитала на акционерных основаниях в нашу государственную промышленность. Красин на XII партсъезде доказывал, что иностранные займы нам легко компенсируют не только проценты по ним, но и возмещение аннулированных займов. В свете линии наступления на капиталистические элементы, которую взяла партия в целях разрешения противоречий первого периода нэпа и которая, в совокупности с рядом других мероприятий, позволила нам поднять всю нашу хозяйственную систему на более высокую ступень, — капитулянтский характер линии Красина и Сокольникова выступает особенно наглядно.

Хозяйственные трудности, которые у нас возникают, мы не можем рассматривать только как результат нарушения чисто рыночного равновесия. За всяким нарушением рыночного равновесия в нашем хозяйстве скрывается то или иное состояние борьбы двух противоположных тенденций воспроизводства производственных отношений, т. е. то или иное состояние проблемы «кто кого». Сущность трудностей первого периода нэпа определялась тем, что государственная промышленность, для того чтобы быть в состоянии выполнить ведущую роль в экономическом союзе пролетариата с крестьянством, вынуждена была практиковать до известного периода неэквивалентный обмен в условиях эмиссионного хозяйства и монопольного положения частника на стыке между промышленностью и сельским хозяйством. В условиях столь непрочного состояния экономической смычки пролетариата с крестьянством капиталистические элементы представляли серьезную опасность; слабость процесса воспроизводства социалистических отношений давала возможность капиталистическому сектору даже при совершенно незначительных средствах сравнительно легко развивать капиталистические тенденции воспроизводства. В этих условиях серьезные уступки иностранному капиталу, на которые предлагали пойти Красин и Сокольников, окончились бы поражением процесса воспроизводства социалистических отношений, т. е. серьезным кризисом. Линия Красина и Сокольникова совершенно игнорировала состояние проблемы «кто кого» в первый период нэпа. Подойдя к задаче разрешения хозяйственных трудностей без учета конкретных условий классовой борьбы, они независимо от их воли заняли капитулянтскую позицию.

Противоположного характера ошибку совершили троцкисты. Но, так же как и линия правых, линия троцкистов упирается в неправильное понимание проблемы «кто кого». Троцкисты выступили с законченной экономической платформой во время дискуссии перед XIII партконференцией, т. е. как раз во время кризиса 1923 г. Поэтому их платформа должна была наметить не только пути преодоления трудностей, но и пути выхода из кризиса. Как известно, характерной особенностью экономической платформы троцкистов была борьба против политики снижения цен, которую тогда наметил ЦК партии, а также отрицание необходимости немедленного проведения денежной реформы. Не трудно видеть, что если платформа правых основана на недооценке отрицательной роли капиталистических элементов, то экономическая линия троцкистов истоком своим имеет неправильное понимание проблемы «кто кого» в смысле непонимания характера экономической смычки рабочего класса с крестьянством. Выше нами указывалось, что согласно троцкистской оценке классовой структуры нашей экономики воспроизводство социалистических отношений имеет место только в социалистическом секторе, а в сферу воспроизводства капиталистических отношений вместе с капиталистическим сектором входит и весь сектор простого товарного производства. Неудивительно, что в момент сильных перебоев в процессе воспроизводства социалистических отношений троцкисты основной выход из положения видели в усилении «первоначального социалистического накопления» путем перекачки средств из крестьянского хозяйства в промышленность. Если бы восторжествовала линия троцкистов, — результат получился бы примерно тот же, что и при проведении линии правых. Вместо изжития кризиса сбыта 1923 г. наступил бы, наоборот, развернутый народнохозяйственный кризис. Кризис в хозяйстве переходной экономики возможен лишь как результат отрыва крестьянского хозяйства от социалистической промышленности. Линия правых и линия троцкистов потому привели бы к кризису, что обе они — правда, различными путями — создали бы условия, при которых экономическая смычка рабочего класса с крестьянством сделалась бы невозможной. Правые привели бы к размычке путем уступок иностранному капиталу, что усилило бы позиции капиталистической тенденции воспроизводства до такой степени, которая обеспечила бы ей победу над социалистической; троцкисты привели бы к размычке тем, что в результате их политики для крестьянства связь с социалистической промышленностью оказалась бы невыгодной. Мы видим, что крайности сходятся. Неумение решить проблему «кто кого» приводит к

размычке рабочего класса с крестьянством, к победе капиталистической тенденции развития.

Остановимся на генеральной линии, при помощи которой партия разрешала проблему «кто кого» в первой стадии нэпа и которая позволила, преодолев кризис сбыта 1923 г., поднять наше хозяйство на новую, более высокую, ступень. ЦК партии отверг линию уступок иностранному капиталу как линию, несовместимую с задачами обеспечения ведущей роли социалистических командных высот. Вместе с тем ЦК во главу угла своей политики поставил задачу укрепления социалистической промышленности до такой степени, которая обеспечила бы социалистический характер смычки города с деревней. Естественно, что при отсутствии иностранных займов выполнение этой задачи потребовало исключительно сильного напряжения всего хозяйственного организма. Но партия пошла на это напряжение, ибо другого пути установления социалистической смычки города с деревней, вопреки мнению Красина и Сокольникова, в то время не было. В результате этой политики нам удалось поставить на ноги государственную промышленность как в производственном, так и в организационном отношении, приспособить ее к рыночным методам и вплотную подойти к бездефицитному государственному бюджету. Однако кризис сбыта 1923 г. сигнализировал, что перечисленные задачи социалистического строительства взвалили на плечи основной массы крестьянства такую тяжесть, которую последнее дальше нести не согласно. Поэтому, вопреки экономической платформе троцкистов, ЦК в качестве одной из основных мер выхода из кризиса сбыта предпринял серьезное снижение промышленных цен и немедленное проведение денежной реформы. Настойчивая политика укрепления социалистических командных высот, проводившаяся до кризиса сбыта 1923 г., дала возможность рабочему классу в момент кризиса в интересах укрепления социалистической смычки сделать практическую уступку основной массе крестьянства. Однако успехи первых лет нэпа позволили рабочему классу укрепление экономической смычки с крестьянством произвести еще и с другого конца. К моменту кризиса сбыта в руках пролетарского государства оказалось достаточно средств, чтобы предпринять развернутое наступление на частный капитал. Стремительное вытеснение частника с линии связи государственной промышленности с крестьянским хозяйством явилось наряду с практической уступкой крестьянству основной мерой укрепления социалистической смычки города с деревней, т. е. основным средством решения проблемы «кто кого» в условиях кризиса сбыта 1923 г.

Если оглянуться на весь первый этап нэпа (с 1921 по 1924 г.) с точки зрения методов разрешения проблемы «кто кого», бросается в глаза исключительная стройность линии партии, постоянно учитывающей специфическую роль каждого из трех основных секторов нашей экономики в процессе расширенного воспроизводства. Правильная оценка процесса взаимодействия трех секторов в каждый данный момент обусловила значительное укрепление в течение первых лет нэпа социалистического сектора и умелое руководство последним в борьбе против капиталистического сектора за руководство простым товарным производством. Проведенная во время кризиса сбыта комбинированная политика практической уступки основной массе крестьянства, при стремительном наступлении на капитализм со стороны окрепших в течение первых лет нэпа социалистических командных высот, дала столь положительный результат именно потому, что она явилась следствием правильного понимания состояния проблемы «кто кого» в условиях кризиса сбыта 1923 г.

* * *

Результатом правильного решения проблемы «кто кого» на первом этапе нэпа является быстрый подъем всего нашего хозяйства, наступивший после денежной реформы. 1924, 1925 и 1926 гг. являются еще годами восстановительного периода, но они существенно отличаются от первого этапа восстановительного периода. По сравнению с первым этапом они представляют собою новую, значительно более высокую, фазу развития. Прочность связи социалистического сектора с крестьянством и широта охвата последнего процессом воспроизводства социалистических отношений далеко оставили позади первый период нэпа. Благодаря упорядочению денежного обращения и успешному наступлению на частный торговый капитал мы оказались в состоянии быстро пустить в ход все старые запасы основного капитала. Это обстоятельство обусловило небывалые темпы нашего роста и вместе с тем весьма существенно ослабило напряженность развития: создалась возможность значительного расширения производства при параллельном росте потребительского уровня трудящихся. Наличие старых запасов основного капитала при возможности их быстрого и целесообразного использования несколько ослабили остроту проблемы «кто кого». Оставшийся на ряде участков нашего хозяйственного организма частный капитал стал для воспроизводства социалистических отношений значительно менее опасен, чем в первый период нэпа и, забегая вперед, скажем — чем в настоящее

время, в начальной стадии реконструктивного процесса. Вследствие этого мы в 1925 г. сочли возможным несколько ослабить нажим на частного торговца и на XIV партконференции разрешить аренду и наем рабочей силы в деревне. Бухарин и его школа это временное ослабление нажима на частника, обусловленное временным ослаблением формы проявления проблемы «кто кого», поняли слишком абсолютно и построили теорию затухания классовой борьбы и врастания кулака в социализм. Партия же, определяя степень и формы легального существования частного капитала, руководствовалась учетом конкретного состояния условий борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений. Так обстояло дело с проблемой «кто кого» в 1925 г.

В течение второго периода восстановительного процесса с большой ясностью обнаружился ряд закономерностей нашего развития. В частности довольно четко были сформулированы причины быстрого темпа роста нашего хозяйства. В связи с этим остро встал вопрос о перспективах расширенного воспроизводства с момента полного исчерпания старых запасов основного капитала. Эта проблема, нужно сказать, явилась пробным камнем для работающих над вопросами советской экономики. При решении вопроса о перспективах расширенного воспроизводства, после завершения восстановительного процесса, неправильное понимание проблемы «кто кого» не могло не обнаружиться со всей резкостью.

Госплановские специалисты — Громан и Базаров — выступили тогда с теорией затухающей кривой. Выше мы эту теорию подвергли довольно подробному рассмотрению. Суть ее, как мы видели, состоит в игнорировании, точнее — в отрицании, преимуществ советской системы производственных отношений над капиталистической. Исходя из глубоко пессимистической оценки особенностей советской экономики, они по существу пророчили нам невозможность прогрессивного развития после исчерпания старых запасов основного капитала.

Однако если теория лояльных меньшевиков ограничивалась доказательством неспособности советской системы хозяйства обеспечить быстрое развитие производительных сил, то Устрялов пошел дальше: он предложил выход из тупика, нарисованного теорией затухающей кривой. Если крепкий мужик использует произведенную революцией ликвидацию феодальных отношений, если он на основе этого станет во главе развития производительных сил деревни и сомкнется через посредство перерождающихся хозяйственников с промышленностью, — хозяйство России оставит далеко позади довоенные темпы, так

как оно не встретит больше препятствий ни со стороны остатков феодализма, ни со стороны политики пролетарской диктатуры, устранение которой является необходимой предпосылкой устрялловского пути развития. Программа Устрялова, в отличие от беспросветного пессимизма теории лояльных меньшевиков, является боевой программой нашего классового врага. Устрялов видит проблему «кто кого опередит» и делает из нее выводы для своего класса. Он резко ставит перед своим классом проблему смычки с крестьянством, но разумеется смычки капиталистической. Он рисует пути расширенного воспроизводства капиталистических отношений и предсказывает включение государственной промышленности в капиталистический круг воспроизводства. Если Ленин исходит из принципиальной обязательности победы социалистической тенденции над капиталистической, то Устрялов, наоборот, пророчит капиталистическому типу воспроизводства победоносное развитие за счет социалистического. Ленин и Устрялов — два крайних полюса проблемы «кто кого».

В свете устрялловской программы особый интерес приобретает бухаринский лозунг «обогащайтесь». Как мог Бухарин выбросить этот лозунг именно накануне вступления в реконструктивный период, характеризующийся обострением классовой борьбы? Как разъяснить восторженные приветствия автору этого лозунга со стороны нашего злейшего классового врага? Дело в том, что выбросить лозунг, столь сильно напоминающий боевые лозунги буржуазии, Бухарин мог только потому, что он исходил из теории врастания кулака в социализм. Лозунг «обогащайтесь» есть практический вывод из этой теории. Бухарин исходил из того, что в условиях диктатуры пролетариата изменилась экономическая сущность не только середняцкого, но и кулацкого хозяйства, что экономические рычаги диктатуры пролетариата смогут обезвредить кулака, включив его в свою систему. Он исходил из того, что в нашем хозяйстве имеет место лишь один процесс, один тип воспроизводства производственных отношений, ведущая роль в котором принадлежит государственной промышленности и вместе с тем составной частью которого является кулак. Бухарин забыл проблему «кто кого», и потому его практический лозунг совпал с лозунгами тех, кто стремится ее решить в пользу буржуазии. Проблема «кто кого» — реальный факт, она содержит в себе основное противоречие нашей экономики и резко дает о себе знать всякому, кто не умеет с нею должным образом считаться.

Выше мы подчеркивали, что линия партии сильна именно тем, что она строго исходит из правильного учета состояния

проблемы «кто кого» на каждом данном историческом отрезке времени. Благодаря этому нам удалось преодолеть сложнейшие противоречия первого периода нэпа и поднять систему строящегося социализма на значительно более высокую ступень; благодаря этому мы после проведения денежной реформы сумели в кратчайший срок и с максимальной экономией втянуть в производственный процесс все бездействовавшие средства производства, т. е. ликвидировать функциональное расстройство производительных сил, происшедшее во время военного коммунизма. Учет конкретного состояния проблемы «кто кого» лег также в основу линии, которую партия наметила при переходе к реконструктивному периоду. Как известно, одним из основных разделов решений XIV партсъезда является решение о характере индустриализации страны. Тов. Сокольников в качестве оратора ленинградской оппозиции предлагал изменить характер индустриализации в направлении сокращения удельного веса производства средств производства. Тов. же Сталин в политотчете ЦК партии сделал ударение на специфичности социально-экономического переплета, который остро ставит вопрос о характере нашей связи с мировым капиталистическим хозяйством. Когда подходил к концу восстановительный процесс и Устрялов, подкрепляемый авторами теории затухающей кривой, провозгласил рост капитализма из сельского хозяйства в качестве единственного возможного пути развития производительных сил, а школа Бухарина выбросила под влиянием теории врастания кулака в социализм лозунг, с энтузиазмом подхваченный Устряловым, — партия поставила и разрешила вопрос о формах борьбы за социалистическое руководство крестьянством в новой, более сложной, обстановке, при новом состоянии проблемы «кто кого». Линия, которую партия наметила при вступлении нашего хозяйства в реконструктивный период, состояла в следующем.

а) Для постоянного усиления процесса воспроизводства социалистических отношений необходим такой темп роста государственной промышленности, который позволил бы ей постоянно расширять и укреплять свое влияние на крестьянское хозяйство. Поскольку же восстановительные возможности исчезли, интересы социалистической смычки создали необходимость приступить к выполнению серьезной программы капитального строительства. Вступая в реконструктивный период, партия, исходя из необходимости постоянного укрепления социалистической смычки, наметила темп развития нашей промышленности, значительно превосходящий довоенный темп. Причем в качестве основного средства достижения намеченного темпа партия от-

метила преимущества нашей системы производственных отношений по сравнению с дореволюционной системой. Что отказались видеть авторы теории затухающей кривой, решавшие проблему темпа путем абстрагирования от роли производственных отношений, то партия выдвинула на первый план и, как показал опыт, успешно использовала для усиления процесса воспроизводства социалистических отношений в борьбе с капиталистическими тенденциями. Постоянное усиление ведущей роли социалистической промышленности, как условия успешной борьбы против капиталистического сектора за влияние на простое товарное хозяйство, является основным принципом экономической политики пролетариата на всех стадиях социалистического строительства. Но не на всех стадиях эта основная задача решается одинаково. После завершения восстановительного процесса усиливать зависимость простого товарного сектора от социалистических командных высот стало возможно только путем выполнения серьезной программы индустриализации страны, и XIV партсъезд резко зафиксировал эту задачу перед партией и всем рабочим классом.

б) Тот же реальный и правильный учет состояния проблемы «кто кого», который обусловил принятие темпа индустриализации, значительно превосходящего довоенный, побудил партию решительно отказаться от предложенного т. Сокольниковым на XIV съезде типа индустриализации. Линия на развитие производства средств потребления, при установке покрывать потребности в средствах производства главным образом при помощи мирового капиталистического хозяйства, основана на полном отсутствии учета той роли, которую капиталистическое окружение играет в борьбе двух противоположных экономических тенденций, образующих основное содержание переходной экономики. Мы разумеется не отказываемся от связи с мировым хозяйством, но лишь при обязательном условии, что последняя не усилит капиталистической тенденции воспроизводства в нашем хозяйстве. Этот принцип лежит в основе монополии внешней торговли, им же мы руководствуемся при всяческих случаях решения вопроса о привлечении к нам иностранного капитала. Как выше указывалось, проблема индустриализации на XIV партсъезде стояла как основное звено генеральной линии развития и укрепления социалистической смычки в условиях исчерпания восстановительных возможностей. Если бы мы приняли такой тип индустриализации, при котором последняя находилась бы в полной зависимости от иностранного капитала, мы этим самым поставили бы под контроль иностранного капитала всю нашу борьбу за укрепление и расширение социали-

стической смычки. План Сокольникова, поскольку он исходное и решающее звено индустриализации нашей страны (производство средств производства) переносил в капиталистические государства, по существу способствовал бы тому, чтобы борьбу социалистического типа воспроизводства против капиталистического внутри нашей страны поставить под контроль международного капитализма. Борьба ЦК против этого плана есть борьба за ленинский путь решения проблемы «кто кого» в том ее состоянии, который обусловливался условиями перехода к реконструктивному периоду. Такова вторая черта линии партии в период XIV партсъезда.

в) Для полного представления о генеральной линии экономической политики, намеченной XIV съездом, необходимо еще рассмотреть непосредственно деревенскую политику партии под тем же углом зрения — под углом зрения методов разрешения проблемы «кто кого». Приступив к реконструкции народного хозяйства, отбросив при этом путь наименьшего сопротивления, предлагаемый Сокольниковым, мы вместе с тем не могли сразу приняться за социалистическую реконструкцию деревни. Первые шаги реконструктивного процесса неизбежно должны были ограничиваться переделкой главным образом государственной промышленности, тем более, что реконструкцию мы производили без всякой помощи извне. Усиление процесса воспроизводства социалистических отношений в этот период должно было следовательно происходить путем использования развивающейся и совершенствующейся государственной промышленности в целях упрочения **торговой** смычки с крестьянством. Поэтому партия наряду с борьбой против бухаринского лозунга «обогащайтесь», наряду с твердой установкой на интенсивную индустриализацию страны и решительной борьбой против сокольниковского плана — индустриализации, подчиненной международному капитализму, — заостренно ставит вопрос об укреплении торговой смычки с основной массой крестьянства.

Мы видим, что в момент XIV съезда партия на новом, более высоком, этапе решает новые, более сложные и ответственные, задачи, попрежнему исходя из ленинского понимания проблемы «кто кого». Линия всемерного укрепления социалистических командных высот, непримиримой борьбы с внутренним и международным капитализмом при постоянной заботе о союзе с основной массой крестьянства на XIV съезде была проведена с той же последовательностью, как и при завершении предыдущего этапа в 1923 г. Разница лишь в том, что в борьбе двух противоположных экономических тенденций в 1926 г. социалистический сектор занимал позиции, несравненно более

выгодные, чем в 1923 г. В 1926 г. перед нами встали задачи, значительно более крупные и благодарные, чем в 1923 г. За истекшие три года проблема «кто кого» существенно изменилась в нашу пользу.

* * *

Ко времени XV партсъезда состояние экономики существенно изменилось. В течение двух лет, прошедших с XIV съезда, мы интенсивно развивали промышленность на основе создания нового основного капитала. Мы осуществляли индустриализацию наиболее верным для экономики диктатуры пролетариата, но вместе с тем наиболее трудным путем. И, несмотря на это, темп роста нашей промышленности значительно превысил довоенный. Новая система производственных отношений позволила нам — правда, при большом напряжении трудящихся — изыскать средства для обеспечения необходимого капитального строительства. Однако эта социалистическая реконструкция промышленности происходила в условиях мелкотоварной экономики и соответствующей техники в сельском хозяйстве. Можно сказать, что отличительной чертой реконструкции в первые годы является ее концентрация в области промышленности. Этим и объясняется отставание темпа роста сельского хозяйства, которое сказалось в хлебозаготовительном кризисе, наступившем вскоре после XV партсъезда.

Раздробленность сельскохозяйственного производства, усугубленная ликвидацией помещичьих хозяйств и препятствием со стороны пролетарской диктатуры развитию капиталистических элементов, давала себя чувствовать в течение всего нэпа как в смысле уровня производительности труда, так и в особенности в смысле низкой товарности сельского хозяйства. И если это обстоятельство только в 1927/28 г. приняло известную всем остроту, то объясняется это особенностями первой фазы реконструктивного периода. Рост промышленности не только в части легкой, но и тяжелой индустрии предъявлял все большие требования к сельскому хозяйству. Последнее же вследствие мелкотоварного характера своей экономики и чрезвычайно отсталой техники в 1927/28 г. оказалось уже не в состоянии удовлетворять все возрастающие потребности промышленности. Эта диспропорция нашла конечно соответствующее рыночное выражение, которое значительно оживило деятельность капиталистического сектора, попытавшегося условия недостатка хлеба использовать в целях включения существенной части крестьянства в сферу воспроизводства капиталистических отношений. Следовательно состояние переходной экономики в период

XV съезда характеризуется следующими основными чертами: 1) серьезные успехи в области реконструкции государственной промышленности; 2) неспособность сельского хозяйства на основе старой, мелкотоварной, экономики удовлетворять быстро возрастающие потребности народного хозяйства; 3) интенсивное использование отмеченной диспропорции капиталистическим сектором.

Если к моменту завершения восстановительного процесса основной задачей, без разрешения которой мы бы не смогли руководить пролетарской революцией, являлась задача строительства основного капитала в промышленности, то на новом этапе не менее остро встала задача концентрации и рационализации сельскохозяйственного производства. Развитие всего нашего народного хозяйства и в особенности успешная реконструкция промышленности вышли за рамки, поставленные мелкобуржуазной крестьянской экономикой. Укрупнение сельского хозяйства стало следовательно такой задачей, без разрешения которой нельзя двигать вперед пролетарскую революцию. Все предыдущее развитие пролетарской революции требует от нас встать на путь социалистической реконструкции сельского хозяйства. Если бы оказалось, что мы эту ответственную и вместе с тем труднейшую задачу не в состоянии выполнить, — жизнь пошла бы мимо нас. Концентрация и рационализация сельского хозяйства тогда произошла бы в форме развития капиталистических отношений. Ленинский и устряловский планы развития на данном этапе принимают конкретную форму двух теоретически возможных путей концентрации сельскохозяйственного производства. Проблема «кто кого» в наступивший период решается в борьбе за реконструкцию сельского хозяйства.

Это новое состояние проблемы «кто кого» и определяет генеральную линию партии. Исходя из необходимости реконструктирования производительных сил не только промышленности, но и сельского хозяйства, партия отвергает проекты правых насчет осторожных темпов индустриализации и делает упор на развитие тяжелой индустрии; социалистическая реконструкция сельского хозяйства, переход от торговой смычки к производственной вызывают отчаянное сопротивление капиталистического сектора, пытающегося использовать трудности реконструктивного процесса, и партия значительно более резко ставит проблему борьбы с ним.

Характерно, что во время дискуссии перед XV съездом объединенная оппозиция, обвиняя партию в недооценке кулацкой опасности, в сдаче пролетарских позиций, оппортунизме

и т. п., вместе с тем совершенно не поняла проблемы перехода от торговой смычки к производственной. Вследствие этого период между XIV и XV съездами, в течение которого партия сумела подняться на более высокий этап социалистического строительства и встать перед новыми, без всякого преувеличения, грандиозными задачами, оппозицией был объявлен периодом уступок капитализму, а новые мероприятия XV съезда, исходящие из нового состояния проблемы «кто кого», были ею объявлены вынужденной уступкой оппозиционной платформе.

Но крайности сходятся и здесь. Правые оппортунисты, развернувшие целую программу в противовес линии на социалистическую реконструкцию деревни и пытавшиеся повернуть партию «назад к XIV съезду», так же не поняли, что за время между XIV и XV съездом партия сумела поднять пролетарскую революцию на целую ступень вперед к социализму.

* * *

Тов. Бухарин в «Заметках экономиста», формулируя экономическую платформу правых, отождествляет имевшие место в то время хозяйственные трудности с кризисом, вину за который он полностью сваливает на политику ЦК. Попытку увязать обсуждение генеральной линии партии с проблемой бескризисного развития можно только приветствовать: генеральная линия представляет собою совокупность основных мероприятий, направленных на разрешение проблемы «кто кого» на данном этапе; кризис же возник бы в том случае, если бы пролетариат не сумел разрешить этой проблемы, т. е. если бы он позволил капиталистическому сектору оттянуть от социалистического значительную часть крестьянства. Бесспорно поэтому, что способность той или иной генеральной линии обеспечить бескризисное развитие нашего хозяйства в социалистическом направлении является основным критерием ее правильности. Мы принимаем этот критерий и произведем на основании его сравнение линии партии с линией правой оппозиции.

Выше мы уже указывали, что Бухарин облегчил себе возможность набросить тень на линию партии путем, мягко выражаясь, странного отождествления хозяйственных трудностей с кризисом. Насколько законно такое отождествление, можно судить уже по одному тому, что у нас с самого начала нэпа по сие время не было ни одного года, когда бы нам не приходилось преодолевать серьезные хозяйственные трудности. Выше, при анализе теории кризисов Бухарина, мы видели, что противоречие нашего строя он видит лишь в наличии рыночных форм связи, а безошибочное планирование считает

необходимым и достаточным условием для разрешения этого противоречия. Такая теоретическая установка делает невозможным правильную оценку конкретных случаев нарушения равновесия, частичного или всеобщего — все равно. Если же мы учтем капиталистический сектор, как фактор внутренних противоречий нашей экономики, если мы будем исходить из того, что наше хозяйственное строительство происходит в условиях борьбы двух экономических тенденций, в условиях наличия проблемы «кто кого», то станет бесспорным не только возможность, но и неизбежность хозяйственных трудностей, соответствующих каждому данному этапу нашего развития. «Ножницы» и господствующее положение частного капитала в торговле в первый период нэпа, товарный голод, отставание темпа роста сельского хозяйства от роста промышленности, резко обнаруживающееся в последний период, — все это результаты частичных диспропорций, которые на каждом этапе нашего развития создают специфические трудности, преодоление которых становится предпосылкой подъема социалистического строительства на более высокую ступень. Если мы эти частичные диспропорции, выражающиеся в хозяйственных трудностях, будем считать кризисом, то этим самым мы весь пройденный путь социалистического строительства объявим перманентным кризисом. Переход от одних трудностей к другим, если он знаменует постепенное разрешение проблемы «кто кого» в положительном для пролетариата смысле, — означает переход от одного этапа социалистического строительства в другой, более высокий. В этом случае наличие хозяйственных трудностей будет свидетельствовать лишь о том, что проблема «кто кого» еще не разрешена, что социалистическое строительство происходит в условиях борьбы против капиталистической тенденции, а не в условиях мирного врастания кулака в социализм.

Кризис, как выше доказывалось, представляет собою всеобщее нарушение производственного процесса, которое в капиталистическом хозяйстве наступает тогда, когда нарушается система эксплоатации наемной рабочей силы, а в нашем хозяйстве наступило бы в случае разрыва связи социалистической промышленности с основной массой крестьянства. Следовательно вопрос о способности генеральной линии обеспечить бескризисное развитие переходной экономики в социалистическую сводится к способности ее обеспечивать систематическое усиление социалистической смычки с крестьянством.

Основное в позиции правых состоит в резко отрицательном отношении к политике социалистической реконструкции сельского хозяйства; все отдельные предложения и положения

правых являются лишь следствием этого обстоятельства. А между тем социалистическая реконструкция сельского хозяйства является на данном этапе обязательной предпосылкой бескризисного социалистического развития.

Что получилось бы, если бы партия послушалась призыва Фрумкина вернуться «назад к XIV съезду»? В период XIV съезда мы не имели возможности производить форсированную коллективизацию сельского хозяйства. Индивидуальное мелкотоварное крестьянское хозяйство являлось тогда основной формой сельскохозяйственного производства, ибо капиталистические хозяйства вследствие препятствий со стороны диктатуры пролетариата также не могли получить широкого развития. Таковы были условия производства в области сельского хозяйства в период XIV съезда. Но за годы, происшедшие со времени XIV съезда, произошел сильный рост промышленности и всего народного хозяйства, что предъявило к сельскому хозяйству такой спрос, который оно при господстве отсталого мелкобуржуазного способа производства удовлетворить оказалось не в состоянии. Выражением объективной невозможности дальнейшего преобладания в сельском хозяйстве мелкотоварного способа производства и является хлебозаготовительный кризис 1928 г. Что означает в этих условиях требование вернуться назад к XIV съезду?

Если его понять буквально, т. е. в смысле призыва попрежнему добиваться решительного преобладания индивидуального середняцкого хозяйства в сельскохозяйственном производстве, то это значило бы добровольно пойти на серьезный народнохозяйственный кризис. Резкое отставание темпа роста сельского хозяйства от промышленности, явившееся основной причиной хлебозаготовительного кризиса, как указывалось, значительно активизировало капиталистический сектор, для которого период хлебозаготовительного кризиса был периодом благоприятнейшей конъюнктуры. Если бы мы не приняли решительных мер, направленных не только на непосредственный разгром капиталистического сектора, но и в особенности на социалистическую рационализацию сельскохозяйственного производства, — хлебный кризис неизбежно бы затянулся и углубился. Вместе с тем он неминуемо превратился бы и в сырьевой, а затем и во всеобщий народнохозяйственный кризис, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Благоприятная конъюнктура для капиталистических элементов во время хлебозаготовительного кризиса в случае непринятия, согласно совету Фрумкина, решительных мер, вытекающих из новой обстановки, дала бы возможность капиталистическому сектору сорвать также

и государственные сырьевые заготовки и путем расширения домашнекапиталистической мануфактуры использовать чрезмерно низкий темп роста сельского хозяйства в целях отрыва значительной части крестьянства от социалистической промышленности. Мы видим таким образом, что всерьез отнестись к лозунгу Фрумкина — значит добровольно пойти на глубокий народнохозяйственный кризис со всеми вытекающими из него гибельными последствиями.

Мы видим следовательно, что назад к XIV съезду возврата нет: годы, прошедшие после него, не оказались бесплодными, мы поднялись на более высокую ступень развития и должны суметь разрешить задачи, вставшие перед нами на этой ступени. На данном этапе развития проводить политику XIV съезда вообще невозможно: можно либо встать во главе социалистической реконструкции деревни, либо плестись в хвосте капиталистической реконструкции ее. Объективный социальный смысл позиции правых поэтому совершенно ясен. Помимо своей воли они ведут борьбу не за возврат к XIV съезду — это вещь объективно невозможная, — а за устряловский путь решения проблемы «кто кого». Поскольку же кризис, вопреки мнению Бухарина, характеризуется не наличием хозяйственных затруднений, а отрывом крестьянства от социалистического сектора, совершенно ясно, что осуществление программы правых, которое немедленно привело бы к резкому разрыву процесса воспроизводства социалистических отношений, а следовательно расстройству всей системы производительных сил, явилось бы тем фактором, который нарушил бы процесс бескризисного развития нашего хозяйства в социалистическом направлении. Процесс решения проблемы «кто кого» есть процесс борьбы двух типов воспроизводства производственных отношений, и тот, кто способствует решению этой проблемы по-устряловски, — тот способствует образованию кризиса. Осуществление генеральной линии партии сопровождается громаднейшим напряжением и рядом временных трудностей; курс на социалистическую реконструкцию деревни требует выполнения огромной программы капитального строительства, обостряет товарный голод, временно задерживает рост потребительского уровня трудящихся. Ценою полного выхолащивания марксизма Бухарин пытается эти трудности объявить кризисом. А в действительности генеральная линия, осуществление которой сопровождается отмеченными трудностями, является единственным путем обеспечения бескризисного продвижения к социализму. Если в момент выхода «Заметок экономиста» это необходимо было доказывать теоретически, то в настоящее время, после успешного

выполнения первого года пятилетки, факты уже не позволяют об этом спорить.

В течение первого года пятилетки мы, выполнив и даже превзойдя программу развития промышленности, гигантски укрепили социалистический сектор, т. е. создали предпосылки для форсированной социалистической переделки крестьянского хозяйства. Наряду с этим мы в течение этого года добились перелома по линии производственной смычки основной массы крестьянства с социалистическим сектором (успехи колхозного строительства, позиция середняка); и наконец, в-третьих, мы сумели отразить отчаянное сопротивление капиталистического сектора в области хлебозаготовок. Иначе говоря, по всем трем звеньям борьбы двух противоположных экономических тенденций мы в истекшем году одержали серьезную победу. Тов. Сталин на этом основании говорит о разрешении проблемы хлебного кризиса; т. Бухарин хозяйственное напряжение, сопровождающее победоносное социалистическое наступление, объявляет кризисом. Мы полагаем, что вряд ли имеется необходимость доказывать, что достигнутые в истекшем году успехи по трем отмеченным линиям являются именно теми условиями, которые необходимы для бескризисного развития нашего хозяйства. Они являются предпосылками победы социалистического типа воспроизводства над капиталистическим на данном этапе, предпосылкой ленинского решения, по-новому вставшей проблемы «кто кого».

Но, как указывалось выше, проблема «кто кого» на данном этапе встала как проблема технической революции в сельском хозяйстве. Поэтому успехи истекшего года не только обеспечили разрешение проблемы «кто кого» на данном этапе, но и вплотную подвели нас к последнему этапу существования проблемы «кто кого» в нашей стране.

От военно-коммунистического раскулачивания до ликвидации кулака как класса лежит целая полоса ожесточенной борьбы двух противоположных экономических тенденций. В настоящее время борьба далеко еще не закончилась, проблема «кто кого» еще не снята, но особенность настоящего периода состоит в том, что проблема «кто кого» перешла в последний этап своего существования. В настоящее время она уже стоит таким образом, что дальнейшее ее разрешение будет означать окончательное ее разрешение. Если успехи истекшего года дают нам возможность говорить о выходе из хлебного кризиса, то после полной ликвидации кулака как класса кризис, как проявление экономических противоречий, станет в нашем хозяйстве вообще невозможным.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие автора 3

Часть I. Капиталистические кризисы.

Глава I. Схемы воспроизводства Маркса 7
» II. Противоречие между прибылью и заработной платой как причина кризисов 18
» III. Причины кризиса 27
» IV. Заключение 43

Часть II. Проблема воспроизводства в хозяйстве СССР.

Глава V. Проблема воспроизводства в хозяйстве СССР . . . 49
» VI. Проблема кризисов в хозяйстве СССР 87
» VII. Механистические теории кризисов 121
» VIII. Кризис сбыта 1923 г. 143
» IX. Эволюция проблемы «кто кого». 155

ГОСИЗДАТ РСФСР

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Бронский, М.
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР
Стр. 165. Ц. 75 к.

Морис Добб
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА
Авторизованный перевод с англ., под ред. и с предисл. И. И. Рубина.
Стр. 239. Ц. 1 р. 10 к.

Сорокин, М.
НАГЛЯДНЫЙ УЧЕТ В ПРОИЗВОДСТВЕ
Изд. 3-е.
Стр. 123. Ц. 1 р.

Заливалов, М. К.
НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА И ЕЕ ПРИЧИНЫ
С предисл. И. Литвинова.
Стр. 141. Ц. 1 р.

Соколов, А. А.
МАШИНИЗАЦИЯ И ТРАКТОРИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР В ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ
С предисл. Эр. Квиринга
Стр. 136. Ц. 75 к.

Ханжовский, А.
К ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
Проблема соц. реконструкции сельского хозяйства и электрификация. С предисловием Г. М. Кржижановского. 1930.
Стр. 175. Ц. 85 к.

Кузбасов, Г. А.
ГОРНЫЕ БОГАТСТВА СИБИРСКОГО КРАЯ
Стр. 111. Ц. 85 к.

Струмилин, С. Г.
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЯТИЛЕТКИ
1928/29 — 1932/33
С предисловием Г. М. Кржижановского. Изд. 3-е, стереотипн.
Стр. 64. Ц. 25 к.

Продажа во всех магазинах и киосках Госиздата

ГОСИЗДАТ РСФСР

Б-КА РАБОЧЕГО ПРОПАГАНДИСТА

КУЗНЕЦОВ, А.
СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ
1929. Стр. 144. Ц. 60 к.

ПОКШИШЕВСКИЙ, В. В.
ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВА СССР
1929. Стр. 84. Ц. 35 к.

РАГОЛЬСКИЙ, М.
ПОЧЕМУ И КАК МЫ СНИЖАЕМ ЦЕНЫ
1927. Стр. 87. Ц. 40 к.

РУБИНШТЕЙН, Я. Е.
РОЛЬ БАНКОВ В СОВЕТСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
1928. Стр. 115. Ц. 50 к.

РУДОЙ, Я.
КАК ВОЗНИК И РАЗВИВАЛСЯ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ
1928. Стр. 102. Ц. 50 к.

ФАЙНГАР, И.
МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОСЛЕ ВОЙНЫ И ЕГО ПРОТИВОРЕЧИЯ
1928. Стр. 95. Ц. 50 к.

ЯВОРСКИЙ, С.
ЛИГА НАЦИЙ И ПОДГОТОВКА НОВЫХ ВОЙН
1928. Стр. 92. Ц. 45 к.

Продажа во всех магазинах и киосках Госиздата

NA

184

2010456484